

83.3(2-411.2)6-8

В 31

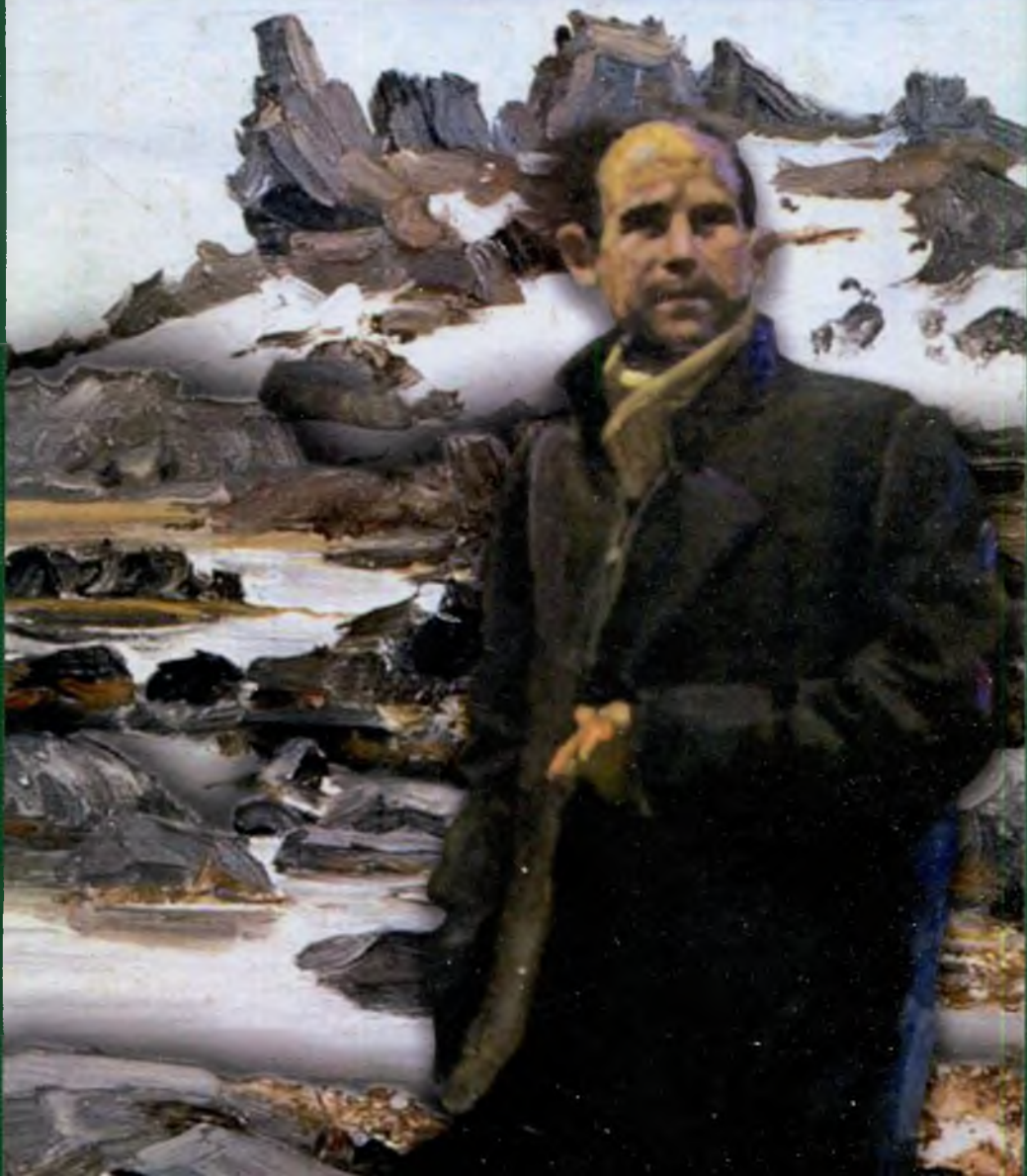
КР-1489902

Леонид Вересов

кр

Я ВЛЮБИЛСЯ В ДАЛЕКОЕ МОРЕ

Учёба, работа и служба поэта Николая Рубцова на Севере

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. М.В.Бабушкина

ДАР АУТОРА

Four horizontal lines for a signature or date.

Леонид Вересов

Я влюбился в далекое море

Учёба, работа и служба поэта Николая Рубцова на Севере

КР 1489902

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЛАСТНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МУРМАНСК-2017

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Вересов Л.

«...Я влюбился в далекое море»: Учёба, работа и служба поэта Николая Рубцова на Севере / Л. Н. Вересов. – Мурманск: ГОБУК МОДЮБ, 2017. – 160 с. : ил.

Леонид Вересов, наш земляк, прожил в Кировске 27 лет. Отсюда и его «Рубцовиана». Леонид Николаевич – поэт, заместитель председателя Вологодского Союза писателей-краеведов. Живет в Череповце. И является самым последовательным и известным рубцоведем страны.

Для данного издания выбраны работы Л. Н. Вересова, так или иначе касающиеся моментов биографии и творчества поэта Николая Рубцова на Мурманской земле. Ряд документов и статей будет опубликован впервые.

Материалы представлены в авторской редакции.

На обложке: фрагмент картины А. Борисова «Кекурский мыс на Мурмане» (1896 г.) и фрагмент картины К. Блинова «Н. Рубцов» (2007 г.). В названии сборника использована строка из стихотворения Н. Рубцова «Начало любви».

На титульном листе: фрагмент картины Е. Мартышева «Н. Рубцов» (1980 г.) и изображение подлинной подписи Н. Рубцова.

Вересов Леонид Николаевич – за-

меститель председателя правления Вологодского союза писателей-краеведов, поэт, историк литературы, исследователь творчества поэта Н. М. Рубцова. Председатель Организационного комитета литературной премии имени Л. А. Беляева Череповецкого ЛИТО. Родился в 1956 году под Вологдой. Закончил ВГПИ (специальность «история и английский язык»). Служил в армии. После 27 лет жил и работал учителем истории, английского языка и горноспасателем в городе Кировске Мурманской области. Награждён знаком отличия «Шахтёрская слава 3 степени». За время литературной деятельности опубликованы пять сборников стихов, а также книги по творчеству вологодских поэтов и по биографии Н. М. Рубцова:

«Николай Рубцов: легенды, были, воспоминания 21 века». Череповец. Окраина. 2013.

«Искренность, помноженная на дружбу». Череповец. Окраина. 2013.

«Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова». Сборник статей и документов. Вологда. 2013.

«Мачты». Вологда. 2014 (как автор проекта литературной реконструкции сборника). Презентация сборника «Мачты» удостоилась показа по каналу «Культура».

«Из души живые звуки». Поэт Николай Рубцов: жизнь и творчество. Вологда. 2016.

Книги получили серьёзную доброжелательную критику.

Опубликовано более 80 статей в Интернете, газетах, журналах, сборниках, научных изданиях России. Печатался в журналах: «Наш современник», «Невский альманах», «Лад Вологодский», «Север»,

«Площадь первоучителей» г. Мурманска, «Великороссь». Входит в редколлегию альманаха «Дела и люди».

Выступил соорганизатором 3-х научных конференций в Череповце по творчеству Н. М. Рубцова. С Анной Рюминой создал видеопроект «Рассказы о Рубцове». Снято более 30 сюжетов о том, как чтят память поэта Рубцова Череповец и Вологодская область.

Лауреат областных и всероссийских конкурсов и фестивалей поэзии, творчества Н. М. Рубцова. Лауреат литературной премии им. Н. Гудовского города Кировска.

В 2014 году награждён дипломом им. М. Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов 1814–1841» МГО СП России. В 2016 году стал лауреатом первой в России памятной Рубцовой медали и лауреатом литературной премии им. Чечулина в номинации «Исследователь». Получил ряд наград, благодарственных писем и грамот от разных общественных организаций за краеведческую и литературную деятельность. Среди них – благодарственное письмо мэра Череповца Ю. А. Кузина, благодарственное письмо от Оргкомитета Рубцовой осени в Вологде.

Регулярно выступает с докладами на конференциях, литературных чтениях: Чечулинских и Милютинских – в Череповце; Рубцовских – в Череповце, Вологде, Тотьме, Санкт-Петербурге, Москве; Беловских и Чухинских – в Вологде; Кирилло-Новозерских – в Белозерске и других.

Живёт и работает в Череповце.

РЫБАЦКАЯ ЮНОСТЬ ПОЭТА

Материал с названием «Рыбацкая юность поэта» автор относит к серии, которая условно называется «Неспокойная юность поэта». К ней ещё можно отнести статьи: «Рубцов и Северный флот» [1], «Хибинский эпизод великого поэта» [2], «Раннее (Хибинское) творчество Н. Рубцова, как пролог его великой поэзии» [3], «Стихотворение «В кочегарке» – пример несомненного успеха в раннем творчестве Н. М. Рубцова» [4].

Однако существуют ещё ряд воспоминаний и фактов, требующих осмысления по этой теме. Когда сталкиваешься с фактом работы Рубцова на Архангельском траловом флоте, в распоряжении исследователя имеются только сведения о приёме на работу и заявление будущего поэта с просьбой отпустить его на учёбу. Кроме воспоминаний капитана Шильникова, они и составляют весь спектр опубликованных документов по этой теме.

О некоторых недобросовестных воспоминаниях говорить просто не хочется.

Таким образом, возникло желание найти какие-то новые документы в подтверждение трудовых будней Рубцова на траловом флоте. И они нашлись в периодической печати.

Давайте начнём рыбацкую одиссею Коли Рубцова, студента Тотемского лесотехнического техникума, с даты оставления им города вологодских мореходов – Тотьмы. Последний приказ по техникуму, в котором есть фамилия Рубцова, датирован 7 августа 1952 года, и подписан директором Сумароковым Н. Н.

Процитируем статью В. А. Притчиной [5]: «Учащихся, показавших крайне низкую успеваемость, слабую подготовку и нежелание учиться, из числа учащихся техникума исключить». Скорее всего, Рубцова исключили из-за нежелания учиться. Так как его успеваемость была хорошая, и он даже был старостой группы.

А. А. Перцов пишет в письме Мананиной М. А. (2005 г.), что Рубцов уехал из техникума в конце июня 1952 года. (Получил паспорт, и перед ним открылись другие дороги, стал пропускать занятия в текущем семестре).

Та же дата – конец июня – зафиксирована и в книге М. А. Полётовой [6] в главе по воспоминаниям А. А. Перцова.

Н. Н. Алексеевская, преподаватель математики в лесотехническом техникуме, в своих воспоминаниях писала: «Весной 1952 года я зашла в канцелярию учебной части. Около стола секретаря стоял Рубцов. Он обернулся и сказал: «Вот, уезжаю».

Предпоследнее упоминание в приказах техникума о студенте Рубцове относится к 21 апреля 1952 года. (Приказ от 22 апреля 1952 года.) В этот день учащиеся второго курса строительного отделения (среди них назван и Рубцов) открыли окно аудитории № 2 и ходили по карнизу главного корпуса до 4-й аудитории. Об этом эпизоде хорошо написано в воспоминаниях участника событий писателя С. П. Багрова.

Очень прояснили бы важнейшие даты весны-лета 1952 года сведения о том, сдал или нет студент Рубцов летнюю сессию за второй курс. Интересно знать, на какие средства Рубцов мог путешествовать летом 1952 года, если он не получил стипендию после сдачи экзаменов за семестр и за летний период. Наличием или отсутствием денег можно было бы объяснить и продолжительность, и адреса поездок будущего поэта, то есть подтвердить, пусть и косвенно, воспоминания людей, знавших поэта в это время.

Почему ещё важно определиться с датой оставления будущим поэтом лесотехнического техникума города Тотьмы? Дело в том, что следующей достоверной датой жизненного пути Николая является 12 сентября 1952 года. В этот день было написано заявление о приёме на работу в Тралфлот. Однако между этими датами произошло по устным и записанным воспоминаниям много событий. Они могли иметь место, ибо приказ от 7 августа 1952 года просто констатировал факт о нежелании студента Рубцова далее продолжать образование в Тотьме.

Давайте проанализируем события, которые могли иметь место в жизни Рубцова до момента зачисления его в Архангельский траловый флот. Сразу оговоримся, что документальных подтверждений этих нескольких месяцев жизни поэта почти нет. Кроме одной фотографии, которая хранится в архиве Вологодского музея-заповедника (ф. 144, оп. 1, д. 59). В пояснительной записке указывается, что фото принесла в 1986 году неизвестная женщина и подарила музею. Её никто ни о чём не спросил, хотя это был год 50-летия со дня

рождения поэта, и даже областное телевидение, наконец-то, посвятило персональную программу Николаю Рубцову. На фото он в гражданской одежде, молодой, красивый, а надпись на обороте гласит: «На память Лиде от Рубцова Николая. Лето 1952 года. Подпись поэта».

Не хочется строить предположений, но приходится, ибо эта Лида из 1952 года могла оказаться хорошей знакомой Николая Рубцова либо из Тотьмы, либо из Вологды, либо из Череповца, а возможно, и из Архангельска. Таков предположительный маршрут первых юношеских странствий поэта.

Существуют известные воспоминания Г. М. Шведовой-Рубцовой [7], старшей сестры Н. М. Рубцова, где она утверждает, что Николай заезжал к ней летом 1952 года и жил у неё, в женском общежитии, около недели. Единственное, что смущает в её рассказе, то, что, зная адрес его отца в Вологде, она не передала его Николаю Рубцову, и первая встреча отца и сына после войны состоялась лишь в марте 1955 года, когда снова, через адресный стол, поэт нашёл адрес тёти Сони, сестры отца, и, почему-то, жены брата Альберта, который жил в это время в Вологде в доме отца на улице Республиканской 8 (дом не сохранился, прим. автора).

Исследователи жизни и творчества Рубцова утверждают, что в Вологде летом 1952 года он всё же побывал (миновать Вологду по пути из Тотьмы он просто не мог. Прим. автора), приводя свои аргументы, почему не повстречался с отцом.

Итак, точной даты приезда Рубцова в Архангельск не может привести пока никто. Значит, условно определим её серединой июля 1952 года, учитывая возможные задержки в Вологде и отдых у старшей сестры в Череповце, а также возьмём как факт то, что в июне он сдавал сессию за второй курс тотемского техникума.

Далее приведём факты, из исследований рубцоведа, второй половины лета 1952 года и присутствия Рубцова в городе Архангельске.

Ю. И. Кириенко-Малюгин [8], не приведя никакой доказательной базы, считает, что с сентября 1950 по июнь 1952 гг. Рубцов учится в лесном техникуме (лесотехнический техникум, согласно архивам. Прим. автора). Также, ссылаясь на книгу С. Ф. Педенко [9], Кириенко-Малюгин пишет: «И вот ему удаётся устроиться на работу «избачом» (библиотекарем) и одновременно слесарем и истопником в местную библиотеку». (Вопрос, в какую именно, автора не волнует.) Далее просто указывается: «Проплавал до июля 1953 года». Где и как автор не расшифровывает. «Решает учиться на механическом факультете Кировского горно-химического техникума» (такого факультета в техникуме просто не было. Прим. автора).

Те же сведения повторяются и в следующей переработанной книге Ю. И. Кириенко-Малюгина [10].

Н. М. Коняев [11], надеясь, опираясь на какие-то документы, пишет: «И всё-таки, хотя и перевели Николая из кочегаров в повара, а по совместительству в уборщики, работа на тральщике оказалась непосильной для него». Следующая цитата Коняева: «Сравним две даты: 12 сентября 1952 года Н. Рубцов пишет заявление о зачислении на тральщик в качестве угольщика, а 23 июля 1953 года Рубцов увольняется с тральщика... В месяцы, заключённые между этими датами, вместились и оформление на работу, и получение формы, которую надобно было ушивать, и наступившая зима... Получается, что в плаваниях Рубцов провёл совсем немного времени». Не учитывает уважаемый автор биографии Николая Рубцова, что зимой РТ-20 ходил на промысел рыбы из незамерзающего порта Мурман-

ска, куда каждую зиму перебазировались все корабли Архангельского тралового флота. (Это будет доказано документально. Прим. автора).

Более ни о чём не упоминает Н. М. Коняев, ибо в его трактовке сюжетной линии жизни поэта другое было более интересным.

А. В. Быков [12] не приводит «легендарных» данных о работе Рубцова в Архангельске в библиотеке, но зато без тени сомнения и доказательств пишет: «Весеннюю сессию Рубцов так и не сдал, забрал документы из техникума и попрощался с Тотьмой». По сюжету его повести автору в иные подробности и не надо было вторгаться. Между тем, для данного материала факт сдачи Рубцовым сессии принципиален.

М. А. Полётова [13] пересказывает воспоминания В. Ф. Капусты, бывшего стармеха тралового флота, которые были положены в основу статьи «Влюблённый в море», которую опубликовала З. Майсеня в одной из областных газет Архангельска. М. А. Полётова приводит эпизоды попытки поступления Н. Рубцова в Архангельское мореходное училище.

«Хотя Николай был самым молодым, но приняли его на второй курс, так как он представил документы Тотемского лесотехникума. А поскольку денег у бывшего детдомовца не было, пристроили его красить заборы... Был у них комендант, который любил подбирать всё, что плохо лежало. «Вы как Плюшкин!» – сказал ему однажды задиристый Коля. Он смертельно обиделся и наябедничался начальству. И Колина карьера полетела под откос. Напрасно косил он летом два дня сено вместе с принятыми в мореходку, надеялся, что его зачислят. Увы, не оказалось Рубцова в приказе».

Эти события по-своему интерпретирует А. В. Быков в своей книге. Думаю, здесь важен сам факт попытки поступления в мореходное училище. И случиться это должно было в июле-августе 1952 года. Более конкретные даты документами не подтверждаются.

С. П. Багров [14] пишет уже о работе Николая на траловом флоте: «Рубцов выигрывал от того, что здесь, на борту корабля, не приходилось заботиться ни о еде, ни о крыше над головой, ни об обуви, ни об одежде. И профессия шла к нему в руки сама. На тральшике (?) он истопник, уборщик и даже повар». И только в другом

месте Багров упомянул, что Рубцов стал на тральщике РТ-20 помощником кочегара.

По-видимому, многие сведения о лете 1952 года и работе Рубцова на траулере заимствованы авторами из книги С. Ф. Педенко [15]. Однако Станислав Педенко, приводя факты, не приводит ни одного документа, который бы эти факты подтверждал. Вот характерные цитаты из его книги:

«Окончив первый курс техникума (?) и получив паспорт, Рубцов с бесшабашной решимостью юности, готовый бросить всё сегодняшнее ради завтрашнего, уехал в Архангельск и поступил в мореходное училище. Однако, и там проучился недолго... Пришлось ему стать пока избачом – так называлась должность работника избы-читальни, выполняющего обязанности и администратора, и библиотекаря, и истопника». Очевидно, в это время он стал серьёзно писать стихи... (Не очень понятно, откуда в Архангельске могла быть избачитальня. Прим. автора). Для того, чтобы сделать новый шаг в творчестве, Рубцову нужны были свежие впечатления. И он пошёл кочегаром на рыболовный траулер-угольщик Архангельского тралового флота и проплавал на нём около года. Когда судно приходило в порт, моряки шли в ресторан, а Рубцов – в тир».

Много неточностей и о периоде учёбы будущего поэта в Кировском горно-химическом техникуме. По-видимому, С. Педенко впервые приводит эпизод с дорогой Н. Рубцова из Архангельска в Кировск на крыше вагона. О том, что его обокрали в дороге, и моряки Тралфлота, узнав об этом, собрали ему денег больше украденного.

Как-то не убеждают противоречивые сведения об этом периоде жизни Н. М. Рубцова. Ни один автор не приводит документов, конкретных дат, фактов. Наиболее документален из всех упомянутых писателей В. С. Белков [16], который приводит текст автобиографии поэта. Этот же документ, видимо чуть ранее, публикует Н. Антонов, журналист из города Архангельска, который утверждает в статье «Зато работаю в тралфлоте» (она имеется у автора материала без указания названия газеты), что это он обнаружил её в архиве Архангельского тралфлота.

Еще в первые дни работы в
дзета «Рыба Снега» в лоды-

— Правильно, — говорю, — решил. Специальному кормилу. Поделился я ему ~~карманом~~ с табаком — и восторжесов. Тут май-те гляди, финны из теле-машину поназывают при мне. Я его сразу узнаю. Ребята из ас-кель-машин. — Ломится, у нас угонщиком тырешь работать. Машин-ный танок — водичным ре-мисатором стал — финны про-кля прокля-машину.

Многоликим Америке — Платон-ны пославшего мне рассказать о туберкулезном явлении, что я и сейчас.

Николай
РУБЦОВ —
матрос
головного
флота.
Архангельск.
29 мая 1953 года

Տեղում և ընկերություններում էլքրան.

восточная флора. Полагая, что
должно быть так: там место и для
будущего угольного РП-20 —
будущего крупного порта На-

H. ANTONOV

Возможно, эти разночтения объясняются тем, что при приёме на работу Николаю, согласно списку принятых документов, пришлось приложить одну карточку медосмотра и две автобиографии.

Получается, что Николай Рубцов всё-таки закончил два курса техникума, как он сам пишет в автобиографии.

В. Белков также утверждает, что «успел Коля на тральщике (?) и поваром, и уборщицей поработать. Успел и в ледовый затор попасть в Белом море в мае 1953 года. Работа была тяжёлая, и мальчишка решил учиться».

Собственно, теперь пора переходить к фактам, которые удалось обнаружить в газетных архивах, и представить своё видение событий, связанных с Рубцовым и траловым флотом.

Оставим лето 1952 года на откуп архангельским и мурманским исследователям-краоведам и будем искать документальную стезю для собственных выводов.

Известно заявление, которое написал юный Коля Рубцов при приёме его на траловый флот: «Начальнику Тралфлота т. Каркавцеву И. Г. от Рубцова Н. М. Заявление. Прошу Вас устроить меня на работу на тральщике в качестве угольщика. Просьбу прошу удовлетворить. К заявлению прилагаю: 1 карточку медосмотра, 2 автобиографии. Н. Рубцов. 12.09.1952 г.».

Вслед за этим заявлением все биографы Рубцова твердят в один голос, что Н. Рубцов стал работать подручным кочегара, угольщиком на тральщике РТ-20 «Архангельск». Но давайте сразу заявим, что РТ-20 – это рыболовецкий траулер. Термин «тральщик», видимо, ходил в кругу моряков, и его будущий угольщик Рубцов применил в заявлении как бытовавший тогда жаргонизм. Итак, тральщик – это сленговое название рыболовецкого судна (траулера, сейнера), на котором на промысел рыбы ходили рыбаки.

Средний рыболовецкий траулер мог ходить за рыбой далеко от родных берегов. Это судно для лова тралом рыбы и нерыбных объектов и их первичной обработки (разделки, мойки, заморозки).

Тральщик – это боевой корабль для обнаружения и уничтожения морских мин с помощью тралов и для проводки кораблей через минное заграждение вслед за тралами. Тралить мины – значит, взрывать их, освобождая акваторию для судоходства.

Эта неточность Рубцова стала закономерностью для всех его жизнеописаний. Как пример приводится фото середины 50-х годов XX века рыболовецкого траулера РТ-177 «Сулин». Вот на таком примерно корабле и принял морское крещение Николай Рубцов.

Отважным и мужественным юношей был будущий поэт, которого тянуло к морской романтике. Пусть по воспоминаниям капитана РТ-20 «Архангельск» т. Шильникова, роба у Рубцова была не по размеру велика, но характер стал закаляться на Белом и Баренцевом морях.

Траулеры треста «Севрыба» Архангельского тралового флота летом ловили рыбу на Белом, а зимой швартовались в Мурманске и ходили на промысел – в Баренцево море. Таким образом, значительная часть рыбацкой одиссеи Н. Рубцова связана с мурманским незамерзающим портом и Баренцевым морем.

К сожалению, никаких достоверных фактов и документов этого архангельско-мурманского периода нет. Воспоминания того времени, которые имеются у автора, слишком неустойчивы по датам и касаются лишь развесёлой жизни моряка Рубцова. Однако, давайте приведём хотя бы небольшую часть воспоминаний, в которых возможно есть рациональное зерно. Эти воспоминания никогда не публиковались и связаны с городом Мурманском. (О том, что Мурманск играл в рыбацкой жизни Рубцова такую же роль, как и Архангельск, внятно вообще не упоминалось исследователями его жизни и творчества).

«Когда приехали в Мурманск, Рубцов у меня адрес попросил. Я оставила ему адрес своего дяди. Рубцов ушёл по направлению к порту. Затем я от него получила дружеское письмо. Он писал, что первый раз не устроился на работу, так как свободных мест не было и в отпуска никто не шёл. Работу ему дали библиотекаря и истопника, но ему так хотелось в море. В конце концов его взяли на судно помощником кочегара. Оно должно было уйти в рейс, и он попросил меня его проводить. Проводить Колю я ходила с подружкой из Тотьмы – Галей Малышевой. Помахали, пока мачта не скрылась. Суда в море выходили зимой, разгружали рыбу в Мурманске, а летом – в Архангельске. Когда он был в Архангельске, то письма писал. А когда приходили в Мурманский порт и Коля получал увольнение, то часто заходил в общежитие. У нас на стене в комнате висела гитара Шуры-москвички, Коля брал её в руки и играл. Я, молодая, петь-то любила и ему подпевала. Играл он хорошо. В его исполнении прозвучало много песен, и ещё одна, которую я никогда не слышала, запомнила только последний куплет: "Мурманск, Мурманск, гудки парохода, беспокойная юность моя". Я говорю: – Что это за песня? Наверно, ты сочинил? Коля ничего не ответил. Он всегда в письмах стишок какой-нибудь писал или рисовал что-нибудь. Встречались и переписывались мы с ним до 1953 года. Затем я вышла замуж и ушла из общежития, а Коля уехал поступать в горный институт, в город Киров (город Кировск. Прим. автора) Мурманской области».

Воспоминания оставила Погодина Аполлинария Михайловна, а записали их – ученики школы деревни Батран Череповецкого района Вологодской области в 2002 году. Воспоминания записаны к дню памяти Николая Рубцова 19 января 2002 года в школе под руководством учителя литературы Андреевой О. Н. Эти воспоминания, конечно, нуждаются в корректировке и анализе, но некоторые факты, думается, всё же имели место быть.

Почему-то ни у кого из почитателей Рубцова не возникало вопроса: а почему Рубцов был принят на траловый флот угольщиком (помощником кочегара)? Ю. И. Кириенко-Малюгин пытается доказать в уже упоминаемых работах важность и техническую сложность этой профессии, но по сути РТ-20 «Архангельск» был пароходом с паровой машиной (двигателем уже тогда, в 50-е годы, морально устаревшим). На большинстве судов были дизельные двигатели, работавшие на солярке. Далее попробуем доказать, что принят был Николай Рубцов на работу на далеко не передовой корабль. Все лучшие корабли, конечно, были укомплектованы постоянным экипажем, и должность Рубцова на пароходе РТ-20 была одной из самых неквалифицированных и малооплачиваемых. К тому же морского образования и опыта будущий поэт не имел. Возраст 16 лет тоже не внушал доверия к морским порывам Николая. На Тралфлоте, возможно, вошли в его положение как сироты, он написал в автобиографии: «Отец погиб», и дали работу.

В Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга автор выписал некоторые материалы из газеты тралового флота «Рыбак Севера» города Архангельска, которые касаются судна РТ-20. Думаю, после их опубликования рыбацкая эпопея поэта станет намного понятнее, как и причины его разрыва с мечтой о море. Конечно, хотелось найти в газете стихи Николая Рубцова, однако, этим надеждам пока не суждено сбыться.

«Рыбак Севера», 2 июня 1953 г. Передовица: «Строго соблюдать государственную и трудовую дисциплину», «Не случайно по вине второго штурмана траулера «Архангельск» судно простояло 48 часов».

21 июля 1953 г. «Так, например, по вине бывшего старшего механика Поликина, ранее работавшего больше на дизелях, чем на паровых машинах, траулер «Архангельск» три раза в первом квартале раньше срока возвращался в порт».

2 июня 1953 г. Разгромная статья написана редактором газеты «Рыбак Севера» А. Эктиным. «На палубе траулера «Архангельск» сидела группа моряков. Корабль пришёл в порт, но не разгружался.

— Ясно, что нас будут принимать в последнюю очередь. К нашему кораблю другого отношения и не жди, — заметил один из сидящих. Остальные с ним согласились... Такого же мнения придерживался и командир тов. Шильников, и помполит тов. Попов... На траулере считают, что всё делается в ущерб интересам команды корабля: ремонты проводятся заведомо некачественные, орудия лова даются худшие, заботы о благополучии экипажа не проявляется...

Но командование траулера скромно умалчивает о своих недостатках... Они вполне довольны тем, что ничего из ряда вон выходящего на судне не происходит. Их уже не возмущает факт, что второй механик тов. Богданков находится на вахте в нетрезвом состоянии, что кочегар вместо несения службы спит в кубрике, что даже в каюте капитана люди разрешают себе крепкие выражения, что подчинённые обращаются к капитану и помполиту на «ты», подчёркивая этим своё неуважение к ним...

Только плохим исполнением служебных обязанностей, отсутствием требовательности к себе и подчинённым со стороны командования можно объяснить факт систематического отставания корабля в выполнении плана добычи рыбы». (Как хорошо известно, нет плана — нет заработка. Автор мог бы привести конкретные цифры зарплат, но к угольщику Рубцову они бы не имели никакого отношения).

1 декабря 1953 г. Заметка «Последние корабли». «В Архангельске закончилась навигация промыслового флота. Одним из последних ушёл пароход «Архангельск». Теперь до весны следующего года траулеры треста «Севрыба» будут базироваться на Мурманский порт». Тут же приведён снимок капитана Шильникова и помполита Попова на капитанском мостике. Они смотрятя бывальыми морскими волками (отличное фото П. Дружинина). Кстати, эта заметка доказывает, что годом ранее, с декабря 1952 по март-апрель 1953 г., Рубцов должен был быть со своим кораблём в городе Мурманске.

9 декабря 1955 г. «Успех коллектива траулера «Архангельск». «Капитаном траулера стал Н. Сенчуков. В течение 7 лет не выполнялся государственный план по добыче рыбы, а в этом году к 20 сентября он уже был выполнен на 113,8 %. Матрос Кузнецов сказал:

«Вот мы и доказали, что не корабль виноват в том, что не выполнялся план, а люди, которым он поручен».

Таким образом, газетный материал помогает наполнить правдивыми фактами этот период жизни будущего русского поэта. По-видимому, не только тяжесть труда помощника кочегара (в распоряжении автора нет документальных свидетельств о том, что Рубцов занимал на траулере ещё какие-то должности) заставила Рубцова писать заявление об уходе с тралфлота (оно датируется 27.7.53 г.), но и неустойчивая, нередко маленькая зарплата не устраивала Николая.

Развесёлая жизнь на берегу во время стоянок, возможно, также разонравилась будущему поэту. Перед ним снова встала необходимость получения образования и выбора дальнейшего пути в жизни. Однако сохранилось воспоминание Б. И. Тайгина «Ленинградский год Николая Рубцова»: «На одном из таких вечеров (поэтических. Прим. автора) 24 января 1962 года читал свои новые стихи вернувшийся из сезонной поездки на Север, где он ходил на рыболовном траулере ловить рыбу, на вид молодой, но почти без волос на голове, худощавый и низкорослый парень Николай Рубцов».

Таким образом, в один из своих отпусков, работая на Кировском заводе в Ленинграде, поэт, возможно, ездил подрабатывать на рыболовную путину в Архангельск. (Однако это воспоминание Борис Тайгин больше нигде не повторяет).

Интересный факт сообщает Эдуард Штыб в письме автору материала о встрече с Н. Рубцовым в начале 60-х годов. Он записал меткое выражение, чисто флотское, о сути труда кочегара, которое выдал Н. Рубцов: «Зашлакуется под топки. и чтоб тягу наладить, ты прыгаешь на трёхметровом «карандаше» стальном, как «блоха» (Рубцов употребил несколько другую идиому. Прим. автора). пока подломишь вонючую корку, чтоб отгрести её и, ровно рассыпав уголёк, раскочегарить и поднять пар до марки». Одной фразой – вся суть нелёгкого дела кочегарского...

Но главным в теме «Рыбацкая юность поэта» остаётся всё же творчество, и то, как в стихах Рубцова отзывалась эта рыбацкая эпопея. Скажем прямо, в ранний период творчества поэта стихи о тралфлотовской юности, работе в северных морях были если не лучшими, то наиболее печатаемыми произведениями.

У автора есть воспоминания Н. Н. Шантаренкова о том, что, учась в Кировском горно-химическом техникуме (1953–1955 гг.), Рубцов рассказывал, что читал это стихотворение морякам на траулере. И делает вывод, что лирика поэта была лишь замаскирована под производственную тему. Если это так, то какой-то вариант этого знаменитого стихотворения написан в 1952–1953 гг.

Газета «Авангард» (г. Никольск) печатает это стихотворение 23 августа 1969 года в подборке. Нет, не забывалась тралфлотовская юность поэту...

Давайте перечислим стихи молодого поэта Н. Рубцова, которые он посвятил рыбацкой юности. К этому циклу автор относит следующие произведения поэта, учитывая два варианта стихотворения «В океане»:

«Фиалки»;
«Начало»;
«Я весь в мазуте, весь в тавоте...»;
«Кочегар»;
«В океане»;
«Хороший улов»;
«Возвращение из рейса»;
«Бывало, вырядимся с шиком...»;
«На берегу»;
«Старпомы ждут своих матросов...»;
«Портовая ночь»;
«Баренцево море»;
«В море»;
«В океане»;
одна строчка в стихотворении «Жар-птица».

То, что эти стихи тралфлотовского цикла были стихами юного Рубцова, говорит тот факт, что в своих книгах поэт их почти не публикует. Если в самиздатовском сборнике «Волны и скалы» был целый раздел «Салют морю!» – 6 стихотворений, то в сборнике «Лирика» – одно стихотворение, в сборнике «Звезда полей» – 3 стихотворения.

Интересен и такой факт, что в книгах поэта нет ни одного стихотворения, посвящённого военной службе на Северном флоте.

В. Дементьев в одном из своих писем пишет, что Рубцов как-то обмолвился, что души нет во флотских стихах. Они были сочинены на заданную тему, их поэт не считал нужным публиковать вне ведомственных газет и журналов.

В своих стихах Н. М. Рубцов упоминает и тральщик, и сейнер (разновидность траулера), и траулер. Для поэта это, конечно, было творческой находкой – одно и то же судно называть в стихах по-разному. «В океане»: «Тральщик Тралфлота треста «Севрыба»; «На берегу»: «Однажды к пирсу траулер причалил»; «Жар-птица»: «И мотало меня и на сейнере в трюме».

Как пример приведём стихотворение «В море».

За Медвежьим в угрюмых широтах,
Где лишь штормы да плотный туман,
Корабли рыболовного флота
День и ночь бороздят океан.

Огорчаться, мол, ну и погода!
Тут не время, хоть ты и устал.
Вот опять загремела лебёдка,
Выбирая наполненный трал.

Сколько ценной на палубе рыбы!
Трепет камбал – глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груди больших окуней.

Уйма дела! И кто-то с задором
Сразу крикнул: «Ура, навались!»
За кормою над пенным простором
Чайки шумно кричать принялись.

Здесь рождаются добрые вести,
Что всех радуют в Мурманске – там,
А на мостике в мокрой зюйдвестке,
Ночь не спавший, стоит капитан.

Пусть он радость свою не покажет,
Знают все: по привычке суров.
Ничего нет нужней экипажу,
Чем такой вот богатый улов.

Н. Рубцов, старший матрос, 4 июля 1959 года, газета «Рыбный Мурман».

Надо подчеркнуть, что именно о нелёгком рыбацком труде читаем мы в стихах Рубцова. И это лучшие документы для исследователей его творчества. Весь морской цикл поэта собрал в один сборник «Здравствуй, море!» (Апатиты, 2008) Н. Т. Ефремов (там же и стихи рыбацкой тематики), и собранные вместе они заиграли прекрасными красками моря, его романтикой, героикой службы и труда людей нелёгких профессий. Это своеобразный и ценный вклад в рубцоведение. Собрав, увидеть нечто замечательное вроде бы в привычном.

Сделаем некоторые выводы из приведённого материала. Море было светлой мечтой юноши Николая Рубцова. Свидетельство этому – попытки поступления в Рижскую и Архангельскую мореходки. Тяжёлая физическая работа на траулере РТ-20 «Архангельск» помощником кочегара не стала абсолютным воплощением этой мечты, наверное, ещё и из-за бытовой и денежной неудовлетворённости. Корабль РТ-20 – один из отстающих, со сложным, сборным (в том числе из бывших уголовников) экипажем. Возможно, общая обстановка стала тяготить Рубцова, переставшего видеть перспективы в морской работе. Поэт не имел соответствующего образования и, конечно, мог только мечтать о профессии матроса. Отсюда его дальнейшая попытка закончить Кировский горно-химический техникум и получить какое-то законченное образование и профессию.

Тралфлотовский эпизод в жизни Рубцова растянулся на 10 месяцев 10 дней и является одним из самых неизученных в его биографии, как и лето 1952 года. Примерно половину из этого срока Николай ходил в море, базируясь на Архангельск, а примерно половину срока корабль базировался в городе Мурманске. Краеведы ни того, ни другого города не сделали до сих пор серьёзных попыток изучить факты биографии Рубцова этого периода. А время, между тем, уходит. Из исследования в исследование повторяются неточности, свя-

занные с названием траулера РТ-20 «Архангельск», глубоко не изучены причины расставания Рубцова с мечтой о море. Серьёзные исследователи жизни и творчества Н. М. Рубцова не заостряли на этом своё внимание, довольствуясь легендами и недобросовестными воспоминаниями в своих концепциях рубцовской биографии.

Примечания

[1] Рубцов и Северный флот (По вновь открывшимся фактам и документам флотской службы и начала творческого пути русского национального поэта). // «Наука и бизнес на Мурмане» № 1 (70), 2011 г., с. 5–11; сборник «Душа, подобная звезде», Череповец, 2011 г., с. 240–247; журнал «Невский альманах», Спб, № 3 (64), 2012 г., с. 58–61; альманах «Дела и люди» № 1, Череповец, 2010, № 2, Череповец, 2010, спецвыпуск к 75-летию со дня рождения Н. М. Рубцова.

[2] Хибинский эпизод великого поэта. Как Николай Михайлович Рубцов пытался стать маркшейдером. // Журнал «Северянин» № 3, Череповец, «Окраина», 2007; газета «Хибинский вестник», г. Кировск, Мурманская область, 6 января 2006 г.; альманах «Звезда полей» (НО «Рубцовский творческий союз», Москва), 2008 г.; альманах «Площадь первоучителей», Мурманск, 2006 г.

[3] Раннее Хибинское творчество Рубцова как пролог его поэзии. // Газета «Хибинский вестник», г. Кировск Мурманской области, 1 февраля 2007 г.; журнал «Автограф» № 50, Вологда, 2007 г.

[4] Стихотворение «В кочегарке» – пример несомненного успеха в раннем творчестве Н. М. Рубцова. // «Душа хранит», матер научно-просветительской конференции (1-е международные Рубцовские чтения), СПб, 2011 г., с. 37–42; «Автограф» № 62, Вологда, 2012, С. 20–25; альманах «Люди и дела» № 5, Череповец, 2011 г., С. 45–52.

[5] В. А. Притчина. Студент из Тотьмы Николай Рубцов. // Сборник «Литературные традиции Русского Севера», Вологда, 2008 г., с. 263–264.

[6] М. А. Полётова. «Душа хранит». Н. Рубцов. Малоизвестные страницы биографии, М., 2009. Глава «По воспоминаниям А. А. Перцова, с. 44. Перцов А. А. – ныне генеральный директор объединения «Пермьлес».

[7] Воспоминания или отрывки из них опубликованы в различных газетах. Полные варианты напечатаны в «Рубцовском сборнике. Материалы научной конференции. Выпуск 1», Череповец, 2008, с. 67–75 и в книге «Душа, подобная звезде. Череповецкий венок Рубцову», 2011 г., с. 19–28.

[8] Кириенко-Малюгин Ю. И. «И пусть стихов серебряные струны», М., 2002.

[9] С. Ф. Педенко. «Лёд и пламень. Заметки о поэзии Севера», СЗКИ, 1981 г.

[10] Кириенко-Малюгин Ю. И. «Звезда полей горит, не угасая», М., 2011 г.

[11] Н. М. Коняев. «Николай Рубцов», М., «Алгоритм», 2006 г., с. 47–48.

[12] А. В. Быков. «И золотое имя Таня», Вологда, 2009 г.

[13] М. А. Полётова. «Душа хранит». Н. Рубцов. Малоизвестные страницы биографии. М., 2009.

[14] С. П. Багров. «Россия. Родина. Рубцов», Вологда, 2005 г., с. 51.

[15] С. Ф. Педенко. «Лёд и пламень. Заметки о поэзии Севера», СЗКИ, 1981 г.

[16] В. С. Белков. «Жизнеописание Рубцова», сайт «Душа хранит».

ДВА МОРЯКА

Документальные свидетельства

У поэта Николая Рубцова было два родных брата. Судьба старшего – Альберта – достаточно хорошо известна и, что самое главное, документально подтверждена. Его дети – Марина Альбертовна Фазанова и Николай Альбертович Рубцов – не знали только о последних годах земного пути отца. Тюменские журналисты вместе с руководителем Сургутского Рубцовского центра С. А. Лагеревым в начале 21 века прояснили судьбу Альберта [1].

«Подошёл юбилейный для поэта 2001-ый год. Поэтические вечера в честь 65-летия Николая Рубцова проводились тогда на нескольких культурных площадках нашего города. Как-то раз после одного из таких мероприятий ко мне подошла журналистка Галина Владимировна Кондрякова (профессиональная память не подвела опытную журналистку!) и сказала, что её подруга говорила ей о каком-то Альберте Рубцове, проживающем в селе Горнослинкино Уватского района. Что будто бы тот играл на многих музыкальных инструментах, писал стихи, выступал в клубе и на свадьбах. Я, конечно, заинтересовался этим сообщением, так как не только имя и фамилия соответствовали старшему брату поэта, но и способности. Срочно, через председателя журналистской организации города Анатолия Прохоровича Зубарева, направил запрос в Администрацию и милицию Уватского района. Вскоре пришёл официальный ответ: Да! Это был он – Рубцов Альберт Михайлович, старший брат поэта! Но, к большому сожалению, его уже не было в живых, он скончался в 1984 году и похоронен там же, в селе Горнослинкино».

Сергей Лагерев, отдадим ему должное, очень настойчиво пытался узнать о судьбе и младшего брата поэта – Бориса. Он даже делал запрос на передачу «Ищу тебя», но тщетно. Поиском двух братьев поэта Н. М. Рубцова занимался ещё в двадцатом столетии и из-

вестный рубцововед В. С. Белков. Он в своих книгах помещал обращения с просьбой помочь в поисках, а также писал письма по последнему адресу Бориса. Этот адрес и сейчас можно отыскать в записной книжке Н. М. Рубцова, которая хранится в Государственном архиве Вологодской области [2]. Если быть точнее, в записной книжке поэта существуют две записи, касающиеся адреса младшего брата Бориса. Они и послужили основой для поисков Вячеслава Белкова и, позднее, автора данного материала.

Два фрагмента записных книжек поэта Н. М. Рубцова, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области.

Ф.51, оп.1, ед. хр. 27. Один документ на 49 листах.

Книжки написаны рукой поэта и содержат в том числе, помимо адресов и телефонов, сведения, касающиеся его младшего брата Бориса. Послужили источником для поисков данных о Борисе. Валентина, упоминающаяся в одном из фрагментов, как жена Бориса, по-видимому, являлась только гражданской женой брата поэта. Запись о регистрации их брака пока не обнаружена. Прямая аналогия с Николаем Рубцовым и его гражданской женой Генриеттой Меньшиковой.

Письмо В. С. Белкова с неутешительным отрицательным ответом приводится.

Уже давно я изучаю жизнь и творчество русского поэта
Николая Рубцова (1906-1971). Буду очень благодарен, если Вы
созможете хоть какие-то сведения о его младшем брате Борисе
Михайловиче. Поскольку я знаю, его жену звали Евдоткиной,
она жила с родителями в нашем селе Успенском.

У меня есть и фото Бориса Рубцова, я разыскал его сестру
Людмилу и других.

Очень надеюсь на ответ.

10.02.91

В.Белков, писатель.

180024. г.Вологда, ул.Разина, 55-а, кв.86

Белков Вячеслав Сергеевич

Письмо В. С. Белкова от февраля 1991 года. Попытка прояснить судьбу младшего брата поэта тогда не увенчалась успехом. Письмо вернулось с пометкой «Адресат не проживает». Документ хранится в архиве автора статьи.

Будучи знакомым со старшей сестрой поэта Г. М. Шведовой (Рубцовой), проживавшей в городе Череповце, автор этих строк также спрашивал её о Борисе, но Галина Михайловна повторяла уже известное. Впрочем, вот слова Г. М. Шведовой из воспоминаний, записанных в 1996 году [3]. «А Борю из Краскова (из красковского

детского дома) привезли к нам (возможно, сначала – в Вохтогу, потом – в Вологду), так как отец живой. Боря всё время жаловался. Приезжала тётя Шура и увезла его в Мурманск. Теперь тётя Шура умерла и дальнейшая судьба Бори неизвестна». Единственная на сегодняшний день достоверная фотография Бориса Рубцова, видимо, происходит из второй семьи отца поэта, и чудом сохранилась у Г. М. Шведовой (Рубцовой). Галина Михайловна довольно неясно рассказывала о письме от Бориса и о том, что он помер от болезни в середине 60-х годов 20 века. С. П. Багров в своей книжке о жизни Рубцова и дружбе с ним приводит фотографию Бориса с баяном, но Марина Фазанова, которой была послана фотография, узнала в нём своего отца Альберта [4]. М. В. Суров также приводит в своих книгах эту фотографию как снимок Альберта Рубцова. На снимке из архива автора статьи на обороте написано, что это Николай Рубцов во время учёбы в Лесном техникуме. Фото ранее принадлежало Вячеславу Белкову и ведёт происхождение из коллекции фотохудожника Аркадия Кузнецова.

Фотография Альберта Михайловича Рубцова, иногда выдаваемая за фото Бориса Михайловича Рубцова. Архив автора статьи.

К сожалению, существующие на сегодняшний день родословные поэта Н. М. Рубцова грешат серьёзными неточностями, и они касаются как раз последних поколений рода Рубцовых. Так, М.В. Су-ров в своей второй книге в части исследования родового древа Руб-цовых «потерял» Бориса Рубцова и последнюю сестру Николая Руб-цова Надю, умершую во младенчестве в 1942 году [5]. В книге Г. Б. Рубцовой родословная семьи Рубцовых приводится с явными недочётами [6]. Д. А. Пшеницын, составивший её в ноябре 2014 года «забыл» сестру отца поэта Александру Андриановну и ту же Наденьку Рубцову. У него не прослеживается судьба второй сестры отца – Софьи. Кстати, Н. А. Тимонин ещё задолго до этой книги пи-сал: «У Михаила Андриановича был брат Николай и две сестры Александра и Софья» [7]. Другие замечания по родословным рода Рубцовых уведут нас далеко от темы статьи, но родственников, при-частных к судьбе Бориса Рубцова, выпущенных из родословных, ав-тор посчитал нужным отметить.

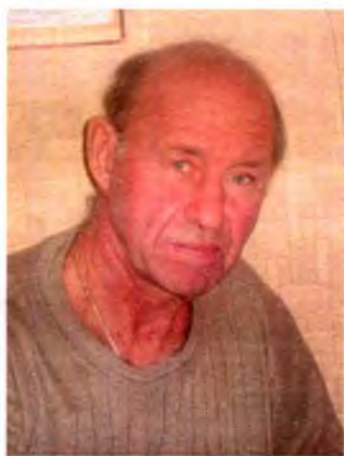
Борис Рубцов - брат поэта (1937 г.р.)

Борис Михайлович Рубцов.
Намеренно оставлены все надписи на фотографии.

Итак, до последнего времени две записи о Борисе из записной книжки Рубцова, его фото, да скудный рассказ о нём Г. М. Шведовой (Рубцовой) – вот и все сведения о нём, которыми располагали исследователи. Дочь Софьи Андриановны Рубцовой, которая проживает в Вологде, тоже ничего существенного о Борисе Рубцове добавить не смогла. Рубцовские дороги привели в 2009 году автора статьи в дом сводного брата поэта Алексея Рубцова. От него было получено много интригующих и волнительных подробностей о семье Рубцовых и своём сводном брате Николае [8]. Разговаривали мы и о судьбе Бориса Рубцова. Алексей припомнил ряд интересных моментов, связанных с ним.

Александра Андриановна
Рубцова (Селина),
сестра отца поэта.

Алексей Михайлович Рубцов
(сводный брат поэта)

Александра Андриановна, сестра отца поэта, брала маленького Бориса на Север, в город Никель. Но после нескольких лет она с ним возвратилась в Вологду. Борис учился в школе рабочей молодёжи на ул. Чернышевского, 1. И до армии около года работал на ВПВРЗ. Ушёл в армию примерно в 1955–56 годах. По воспоминаниям Алексея, из армии в Вологду не возвращался. Но Н. М. Щербинина, двоюродная сестра Н. Рубцова, вспоминает: «Около 58-го года пришёл из армии Борис. Он пришёл с лишаём, лежал здесь в лазарете». Возможно, это был отпуск из армии, или Борис заезжал на очень короткий срок. После армии уехал поднимать целину по комсомольской

путёвке в Краснодарский край. По воспоминаниям Г. М. Шведовой, которая даже письмо якобы от него получала, там получил язву желудка и скончался в середине 60-х годов.

Г. М. Шведова (Рубцова),
старшая сестра поэта.

Надежда Михайловна Щербина.
Дочь С. А. Рубцовой, сестры отца поэта.

Найти конкретного человека, составить его жизнеописание, если после него не осталось документов или точных дат и фактов биографии, невероятно трудно. Воспоминания грешат неточностями и могут служить только путеводной звездой в этом деле. Человек, который вспоминает, не даёт почти никогда реальных дат, а прорисовывает лишь канву поиска, возможные варианты для исследователя. Как его винить за это, очевидцу событий надо сказать большое спасибо за помощь и идти дальше по пути поисков документального развития событий. Воспоминания Алексея Рубцова о своём сводном брате Борисе точно подходят под эти характеристики. Они и бесценны и бесполезны, ибо документально не подтверждены, но на них нужно и важно опираться.

Рубцововедение не терпит суеты, но не прощает и медлительности. Появились вроде бы конкретные факты жизни Бориса Рубцова, вырисовывался его характер и факты биографии по рассказам Алексея Рубцова. К сожалению, Алексей умер в 2014 году и переспросить его уже невозможно. Остался один путь – запросы в архивы, с целью выяснения конкретики фактов, сообщённых Алексеем.

30

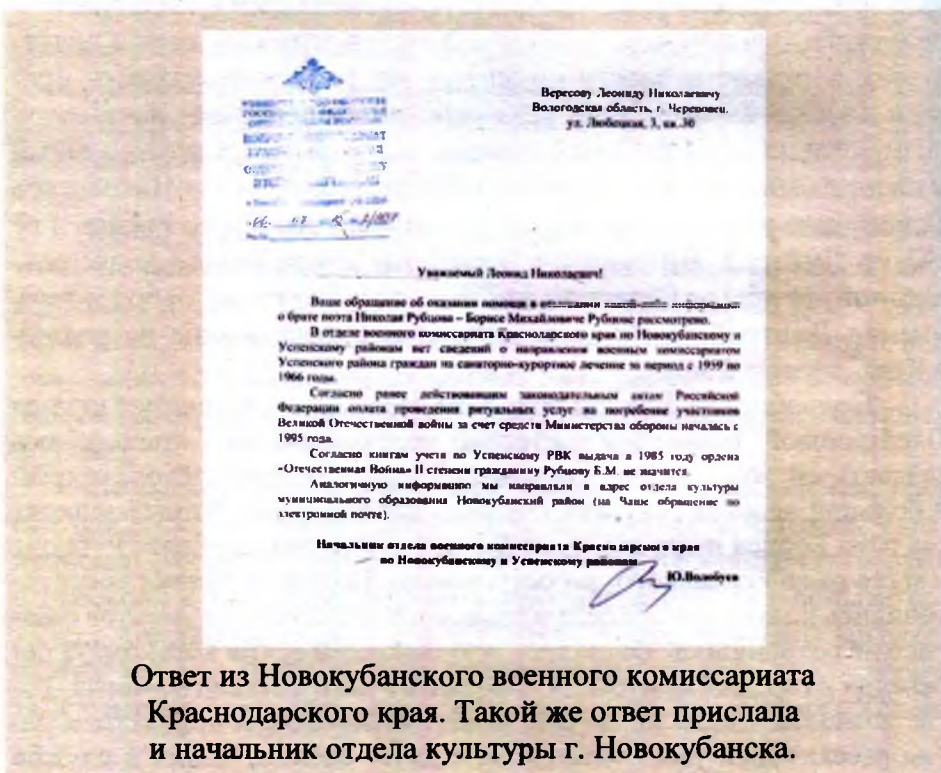
ского района Краснодарского края 19.08.2014 года. Заметка называлась «Брат поэта Рубцова жил на хуторе Солдатском» и содержала призыв к жителям села и района помочь в поисках. Должен сказать, что имя «Николай Рубцов» открывает многие сердца и души не только простых людей, но и облачённых властью. Дальнейший мой рассказ отлично проиллюстрирует эту мысль.

Через несколько месяцев из газеты, по электронной почте, пришёл также неутешительный для судьбы Бориса Рубцова ответ. Никаких документов и следов пребывания Бориса в Успенском не обнаружено. Судьба Бориса никак не хотела привязываться к проверенным фактам и документам. Вроде бы поиск был закончен и доведён до общего отрицательного результата. Но, зная о прекрасных людях, работающих в библиотеках и музеях, решено было использовать этот, может быть, последний шанс. Несколько писем было написано в разные адреса села Успенского и в частности на директора центральной межпоселенческой библиотеки Н. А. Седушкову. Особо уже ни на что не надеясь, скорее по привычке доводить начатое до конца, автор этих строк однажды вечером и был вознаграждён телефонным звонком... Хочется, чтобы читатели почувствовали торжественность момента – многомесячные поиски привели к удаче. Многолетний труд рубцоведа обрел документализм. Это был счастливый случай, но хорошо подготовленный и ожидаемый. Звонила работница библиотеки Татьяна Николаевна Олейникова из села Успенского. Оказалось, что Борис Рубцов и её свёкор Дмитрий Тимофеевич Олейников ехали вместе после совместной службы на Северном флоте на демобилизацию и более того, именно Дмитрий Олейников пригласил Бориса к себе на родину в Краснодарский край.

Подробности ошеломяли, хотелось верить рассказу Татьяны Олейниковой. Потом мы частенько перезванивались, приходилось задавать ей вопросы, на которые ей давал ответы свёкор, старый и больной человек. Татьяна узнавала данные о возможных записях свадьбы Бориса и его девушки Вали, а также смерти брата Рубцова в загсе села Успенского, но безуспешно. Потом её усилия сосредоточились на военкомате села Успенского. Но и там документов о Борисе не сохранилось. Оказалось, что основной архив военкомата переведён в город Новокубанск, а поехать в него Татьяна не могла. Тогда возникла мысль предельно конкретизировать и привязать к датам рассказ Дмитрия Олейникова и далее сделать запрос о службе

Бориса Рубцова в Центральный военно-морской архив. Несколько годами ранее из него уже были получены отдельные документы, касающиеся службы Николая Рубцова на Северном флоте. Но, как говорится, идея хороша, а вот реализация её требует подготовки и времени. Дмитрий Олейников, наконец, насколько помнил, определился с датами своей службы на Северном флоте, а значит, очертил и время службы Бориса Рубцова. Письмо ушло в архив, но остался ещё шанс найти какие-то сведения о Борисе Рубцове в военкомате города Новокубанска. Письма электронные и простые заказные были срочно написаны и отправлены.

Надо сказать, что наши южные сёла и районные города – это действительно крупные населённые пункты с десятками тысяч жителей, активно развивающиеся и, конечно, со своими проблемами и заботами. Однако первый ответ пришёл от начальника отдела культуры администрации муниципального образования Новокубанский район О. Камыниной. Он практически повторял ответ начальника отдела военного комиссариата Краснодарского края по Новокубанскому и Успенскому районам Ю. Волобуева.

Ответ из Новокубанского военного комиссариата Краснодарского края. Такой же ответ прислала и начальник отдела культуры г. Новокубанска.

В данном случае отрицательный ответ послужил побудительной причиной обращения в архив Военно-морского флота. Да и к тому времени Дмитрий Олейников, армейский друг Бориса Рубцова, определил возможные временные границы службы в армии брата Николая Рубцова.

Да, ответы были не обнадеживающими. Захотелось посвятить в свои поиски и литературное объединение г. Новокубанска. По телефону удалось поговорить с руководителем Лито «Поиск» Е. Л. Замореевым. Он обещал всяческую помощь в таком интересном для местной литературы деле. Оставалось ждать и надеяться.

А пока захотелось привести в некое соответствие данные о Борисе Михайловиче Рубцове, полученные от Д. Т. Олейникова, и соотнести их с темами рассказов о Борисе его сводного брата А. М. Рубцова, его старшей сестры Г. М. Шведовой (Рубцовой) и двоюродной сестры, дочери Софьи Андриановны, Н. М. Щербиной. Собственно, этому выяснению и анализу и посвящён весь материал. Задача стояла трудная – отделить легенды и неточности воспоминаний о жизненном пути Бориса Рубцова от документальных фактов его биографии. Уверен, что полностью решить её не удалось, ибо непреложных фактов биографии младшего брата не достаёт. Но ясно и другое, что они появились, проверенные по нескольким источникам. По рассказам флотского друга Бориса Дмитрия Олейникова они вместе служили на Северном флоте. Далее приводимые даты и факты сообщены бывшим матросом Олейниковым и, поскольку времени с момента службы прошло много, не всегда точны. Обращаю внимание на то, что, не появившись на свет документы из архива Министерства обороны, с этими неточностями пришлось бы писать биографию Бориса. Бесконечная благодарность за воспоминания – Дмитрию Олейникову. Но это ярчайший пример того, как рождаются неточные данные и легенды из воспоминаний, которые абсолютизируются, ибо являются единственным источником сведений, и никто не ищет других, вполне полагаясь на память очевидца. Но память – это не документ, а лишь хорошее подспорье его и средство раскрасить сухие документальные строки красочными воспоминаниями.

Дмитрий Олейников, по его словам, служил на Северном флоте с осени 1957 года по декабрь 1960 года. Вначале его служба проходила на подводной лодке, потом его списали на берег, и он проходил службу в береговых частях, обслуживающих корабли.

Именно на берегу Дмитрий и познакомился с Борисом Рубцовым. Создаётся полное впечатление, что служба Бориса на СФ должна входить в эти временные рамки. Как оказалось, это не совсем так. Дмитрий вспоминал о своём флотском друге и разговорах с ним, старался крупными сведениями пересказать своей невестке, а она уже делилась ими с автором данного материала. По словам Дмитрия Олейникова, Борис призывался на СФ из Вологды, что оказалось не точным фактом. Но вот нельзя не поверить тому, что по его рассказам Борис приехал на флот с гармошкой и был заядлым гармонистом. Позволю себе сделать замечание о том, что во многом житейские и творческие устремления всех трёх братьев – Альберта, Николая и Бориса – удивительным образом совпадают, но об этом позднее. К великому сожалению, Дмитрий Олейников не сохранил ни одной флотской фотографии, даже своей, не говоря уже о фотографиях Бориса. Это же касается и фотографий по приезде в село Успенское. Это была идея Дмитрия – пригласить Бориса к себе в Краснодарский край, и они, по его рассказу, прямым поездом из Мурманска поехали на юг нашей страны.

Ситуация с родственными связями братьев Рубцовых запутана и противоречива. Так, Борис говорил Дмитрию, что он сирота, но в другой раз проговаривался, что отец у него клубный работник и что он провожал его в армию. Скорее всего, своим отцом Борис считал, в этом случае, супруга Александры Андриановны Фёдора, с которым она уехала жить на Север, или с которым она познакомилась на севере. Дмитрий рассказал, что Борис научился хорошо играть на баяне и гармошке ещё на гражданке. И вот однажды в увольнении друзья приобрели дорогостоящий музыкальный инструмент – баян. Своих денег 800 рублей (по новому курсу после 1961 года – 80 рублей) Борису не хватило, и Дмитрий добавил изрядную сумму. С этим баяном Борис и поехал в Краснодарский край по демобилизации.

Факты армейской биографии Бориса можно будет уточнить документально, но вот что касается его жизни в селе Успенском, то тут мы пока полагаемся лишь на рассказы Дмитрия Олейникова. Хотя две записи в записной книжке Николая Рубцова тоже дают информацию. Наверное, всё же, через родного отца Борис сообщил семье, а значит и Николаю, свой новый адрес жительства – село Успенское, хутор Солдатский, Краснодарского края. Но прожил на хуторе Борис весьма недолго, такими же короткими оказались и его отношения с девушкой Валей, упоминавшейся в записной книжке

Николая Рубцова. Она так и не стала женой Бориса (по крайней мере, сведений в загсе села Успенского об этом событии не сохранилось). Да вскоре настала и чёрная полоса в жизни Бориса... Впрочем, обо всём по порядку, следуя рассказам Дмитрия Олейникова.

После демобилизации друзья прямым поездом отправились на родину Дмитрия, в Краснодарский край (это, кстати, имеет документальное подтверждение, ибо проездные документы были выписаны в Успенское. Однако двоюродная сестра Рубцова Надежда Щербинина в воспоминаниях пишет, что Борис пришёл из армии около 1958 года. Он пришёл с лишаём и лежал здесь в лазарете. «Мне запомнилось, как он купил апельсины. Этот эпизод В. Белков ошибочно приписал Николаю Рубцову». Могло такое быть? Да, если, Олейников и Борис Рубцов ненадолго останавливались в Вологде).

Видимо, совсем ничего не удерживало Бориса в Мурманской области. Весьма вероятно, Александра Андриановна и её супруг переехали в Вологду, а Борис был прекрасно осведомлён о стеснённых жилищных условиях родного отца, имевшего давно уже другую семью. Остановиться у тёти Шуры, которая сама, если жила в Вологде, ютилась у родственников или снимала угол с мужем Фёдором Селиным, было тоже нельзя. Это косвенно подтверждается записанным рассказом о ней Г. М. Шведовой (Рубцовой) и воспоминаниями двоюродной сестры Рубцова – дочери тёти Сони – Н. М. Щербининой [9]. Вероятно, Бориса позвала и возможность увидеть другие края, прекрасные, по рассказам Дмитрия. Какое-то чувство странничества было явно присуще всем трём родным братьям Рубцовым. Кстати, не избежал его и средний их сводный брат Геннадий, который пропал без следов и писем из виду своей супруги Татьяны и неизвестно до сих пор, где обретается. Попытки автора данного материала выяснить, что стало с Геннадием, пока успеха не имели. Что это родовой знак, примета времени, желание увидеть мир, поиски новых впечатлений, сказать трудно.

В селе Успенском Борис прожил не более года. Вначале, по рассказам Дмитрия Олейникова, он устроился работать на ферму на хуторе Солдатском. Отсюда и адрес в записной книжке поэта Николая Рубцова. Там же познакомился с девушкой Валей, которая так и не стала его женой. Проработал на ферме Борис немного, не более трёх месяцев. Не колхозник он был, как выразился его друг Дмитрий. Борис устраивается работать баянистом (благо баян был свой)

в Дом культуры села Успенского и с успехом работает там также несколько месяцев. Играл на баяне Борис весьма ловко и вдохновенно. Он знал много песен, подбирал мелодии, голос его был чистый, с красивым тембром. Сочинял ли Борис мелодии? На этот вопрос Дмитрий Олейников не смог точно ответить. Вот то, что стихи не сочинял, это он запомнил точно, так он и ответил на этот прямой вопрос. Надо прояснить вопрос о том, кто научил его так хорошо играть на баяне? Возможно, его приёмный отец Фёдор Селин, как он сам говорил, тоже клубный работник. А вообще музыкальность была родовой чертой семьи Рубцовых. Прекрасно играл на баяне Альберт, Николай сочинял мелодии на свои стихи, Галина прекрасно пела и руководила клубом в селе Артюшино на Вологодчине. Сохранились и сведения о выдающемся голосе рано умершей сестры Надежды. Да и мать семьи, по некоторым данным, пела в церковном хоре. Отец Михаил Андрианович имел патефон, любил слушать и петь не только партийный гимн. В этом смысле Борис имел явные рубцовские корни.

О семье Борис почти нечего не рассказывал, не принято было это тогда. О том, что его брат Николай пишет стихи, Борис тоже вряд ли знал. Более того, видимо они даже не знали, что служили одновременно, в одни и те же годы, на Северном флоте. Братья были разобщены и долгое время не имели никаких сведений друг о друге. Видимо, как вспоминала их старшая сестра Галина, отец забрал Бориса из Красковского детского дома тогда, когда у него уже появилась новая жена и дети. А уже из его дома и забрала мальчика Борю в свою семью сестра отца Александра, увезла его на Кольский полуостров, то ли в Мурманск, то ли в Никель. Это потихоньку уже проясняются страницы ранней биографии Бори Рубцова, но наша задача выяснить его судьбу в селе Успенском, трагические страницы его судьбы. По рассказам Дмитрия Олейникова баянист дома культуры Борис Рубцов вскоре серьёзно заболел туберкулёзом, был госпитализирован и после прохождения курса лечения от военкомата был отправлен в санаторий. Вот почему так настойчивы были попытки прояснить судьбу Бориса именно через военкомат. И сейчас никто не отменял военную приписку по месту жительства, а тогда эта приписка была необходима и при прописке по месту жительства. И уж точно, что без них нельзя было получить какую-либо работу. В нашем случае Борис без них не смог бы устроиться на работу в дом культуры.

Однако повторим, что пока никаких документов о судьбе младшего брата поэта Рубцова обнаружить не удалось. Д. Т. Олейников после отъезда Бориса в санаторий с ним более не встречался. Сколько времени длилась болезнь Бориса (возможно, она приняла необратимую форму) и то, где он был похоронен, можно узнать только случайно или целенаправленно, посвятив этому много времени и усилий. Судя по тому, что Борис устроился работать баянистом весной 1961 года, все дальнейшие события можно относить к осени-зиме того же года. А дату ухода его из жизни можно предположить как 1962–1963 год. Примерно так её определяла и Г. М. Шведова (Рубцова).

И вот тут случилось чудо в нашем литературном исследовании. Пришло письмо из Центрального военно-морского архива. Письмо было долгожданным и содержало документы, касающиеся младшего брата Н. М. Рубцова.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РУССКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)
**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
Ф. 1.1.1.1.1
(Архив Военно-Морского Флота)
г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр. д. 2, 188300
16 сентября 2013 г. № 11255

Вересову Леониду Николаевичу

ул. Любечская, д.3, кв.30,
г. Череповец,
Вологодская область,
162609

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По документам архива установлено, что РУБЦОВ Борис Михайлович, 23 мая 1937 года рождения, место рождения - Елецкий район, Архангельская область, призванный 27 июля 1957 года Мурманским ГВК, с 25 ноября 1957 года по 19 ноября 1959 года проходил действительную срочную военную службу в 385 военно-строительном отряде Северного флота, который и указанный период дислоцировался в г.Североморске, п.Грениха Мурманской области.

Приказом начальника 385 ВСО от 18 ноября 1959 года № 127а Рубцов Борис Михайлович исключен из списков личного состава отряда и уволен в запас в распоряжение Успенского РВК Краснодарского края с 19 ноября 1959 года.

Основание: учетно-послужная карточка ф. 4.

ф. 634, оп.16713, д.11, л.22,
ф.5659, оп.1, д.6, л.104,
ф.5659, оп.1, д.9, л.16,
ф.5659, оп.1, д.18, л.51.

Заказывающий архивохранилище

4

Т. Коротынская

[illegible][illegible]

Письмо Л. Н. Вересову от врио начальника филиала Центрального архива Архива Военно-Морского Флота И. Семёнова от 10 сентября 2015 года (№ 11000) с приложениями на двух листах.

Это архивная справка за подписью заведующей архивохранилищем Т. Коротынской и учётно-послужная карточка по форме № 4 на Рубцова Бориса Михайловича. Первоначальная характеристика и анализ присланных документов даётся в тексте статьи.

Врио (временно исполняющий обязанности) начальника Архива Военно-Морского Флота И. Семёнов прислал архивную справку и архивную копию учётно-послужной карточки Рубцова Бориса Михайловича, 1937 года рождения. Выражаем ему и всем работникам архива признательность и благодарность за неоценимую помощь в раскрытии одной из загадок рубцововедения. Обратим внимание на неточности высланных документов. В архивной справке место рождения Бориса, конечно, должно быть – "Емецкий район, село Емецк Архангельской области, а не какой-то Елецкий район, село Елец. Но зато точно указаны сроки службы, место и время призыва, место дислокации 385 военно-строительного отряда Северного флота (стройбата, как их тогда называли), где и проходил службу Борис Рубцов. Также имеется подтверждение, что он уволен в запас в распоряжение Успенского райвоенкомата Краснодарского края с 19 ноября 1959 года. Это уже конкретные факты биографии Бориса Рубцова.

Ещё более порадовала, в смысле фактов биографии младшего брата Рубцова, учётно-послужная карточка Бориса. Но она же и вызвала ряд дополнительных вопросов. Опять писарь, заполнявший карточку, вместо села Емецк, написал Елец, а вместо посёлка Роста – п. Ростов. Вероятно, слышал про города Елец и Ростов и сроднил их с Борисом Рубцовым. Но нет, профессию электромонтёра третьего разряда Борис приобрёл в посёлке Роста, который тогда был отдельным посёлком, а сейчас Роста – это историческая часть города Мурманска. Название происходит от реки Роста, протекающей неподалёку, по другой версии от аббревиатуры РОСТ (Район Особого Строительства). Одна из улиц Росты носит имя лётчика, дважды Героя Советского Союза, Бориса Феоктистовича Сафонова. На ней и находилось ФЗО № 1 в доме № 85, в котором учился Борис Рубцов. Получается, что это ещё одно памятное рубцовское место в Мурманске [10].

Вариантов судьбы Бориса Рубцова достаточно много. Они нуждаются в тщательной документальной проработке. Думается это

дело для рубцововедов Мурманской и Вологодской областей. Отметим ещё раз, что сам документ (учётно-послужная карточка) заполнена небрежно. Хорошо, что указано о Борисе как о члене ВЛКСМ, неженатом, окончившем шесть классов в Вологде, но давайте поговорим о записи родственников Бориса, видимо, с его слов. Борис Рубцов называет первым отца Михаила Андриановича, 1900 года рождения, проживающего в Вологде. На лето 1957 года это было действительно так, но дата рождения отца, конечно, 1899 год. Вторым назван брат Альберт Михайлович, проживающий на то время в посёлке Ковырино, где это – не уточняется. Это было бы загадкой, но автор данного материала провёл всё детство в этом Ковырино, так в просторечии называли Октябрьский посёлок – окраинную часть Вологды. Что-то вроде посёлка Роста в пригороде Мурманска, но Октябрьский посёлок (а ещё бытовало название Партизанский посёлок) всегда, на моей памяти, был частью Вологды. Брат Николай упоминается Борисом, но ни года рождения его, как, впрочем, и Альберта, Борис не знает. Как не знает и где Николай проживает. Вот о сестре Галине, с которой Борис переписывался, он имеет относительно точные данные – год рождения 1933 (на самом деле Галя родилась в 1928 году), проживает в Донбассе, в какой-то период жизни Галина Михайловна и правда была там, но указан ещё и Череповец, видимо, в это время сестра переехала в наш город. Галина была тем хлипким мостиком, через который братья хоть что-то узнавали друг о друге. Указано ещё раз, что призывался Борис из Мурманска, а проездные документы по демобилизации выписаны в село Успенское, Краснодарского края.

Давайте подведём промежуточные итоги в поисках фактов биографии младшего брата поэта Николая Рубцова. В документальной составляющей его биографии достигнут прогресс, но остаётся ряд моментов, которые ещё необходимо уточнять. Всё же попробуем написать жизнеописание Бориса Михайловича Рубцова, основанное на известных на сегодняшний день фактах его биографии. Автор отдаёт себе отчёт, что жизнеописание нужно будет уточнять и исправлять с получением новых документальных моментов жизни младшего брата Н. М. Рубцова.

Родился Борис Рубцов 23 мая 1937 года в селе Емецк, Емецкого района Архангельской области. На тот момент он был пятым

ребёнком в семье Михаила Андриановича и Александры Михайловны Рубцовых. Вместе с большой семьёй Борис меняет квартиры и города по месту работы отца. После Емецка семья переезжает в Няндому, а затем – в Вологду. Все беды семьи Рубцовых, связанные с арестом отца, его восстановлением в правах и переездами, маленький Боря Рубцов, наверное, не запомнил вовсе. Думается, он не очень осознавал и горе семьи, связанное с начавшейся войной. После смерти матери в 1942 году единственным способом выжить для него остался Красковский детский дом под Вологдой, куда он попал вместе с Колей. В 1943 году судьба разлучает братьев, Николая отправляют в детский дом в село Никольское Тотемского района. Однозначно сказать, что они встречались, когда выросли, нельзя, нет точных данных. Одно ясно – попытки найти друг друга у них были. И яркий пример этого – адрес Бориса Рубцова в записной книжке поэта.

Всю войну и тяжёлые первые послевоенные годы Борис провёл в Красковском детском доме. Здесь же, по-видимому, он и начал ходить в школу. Сколько точно классов окончил Боря в Красково, пока точно не известно. Документы детского дома в отношении Бориса Рубцова не изучались исследователями. Но это зависит и от того, в каком году его из детдома забрал отец. Борис вполне мог закончить в Краскове шесть классов, как он и написал в учётно-послужной карточке – «образование шесть классов в Вологде». Напомню, что село Красково – недалеко от Вологды. Отец забирает Боря к себе в семью. Кстати, он нашёл после войны всех детей, кроме Николая, документы которого в Красковском детдоме не сохранились. Но новая семья отца, где уже было двое своих детей, не очень обрадовалась детям отца от первого брака. И поэтому Бориса взяла к себе сестра отца Александра Андриановна Рубцова, муж которой погиб во время Финско-Советской войны 1939 года, а своих детей у неё не было.

Дальше мы вступаем на хлипкий путь воспоминаний и предположений. Но пока это единственная возможность продолжить описание жизни Бориса Рубцова. Период между 1952 и 1957 годами – самый скрытый пока от исследователей. Факты, конечно, есть, но как их расположить в истории жизни Бориса? По воспоминаниям Алексея, сводного брата Бориса, он учился в вечерней школе в Вологде на улице Чернышевского, работал на ВПВРЗ им. Калинина

(Вологодский паровозовагоноремонтный завод). Возможно, эти факты имели место в биографии Бориса, но, по-видимому, носили эпизодический характер по времени. Пока документально они не подтверждаются архивными документами.

В эти годы с тётей Шурой Борис уехал на Север, как говорила Г. М. Рубцова, в Мурманск. Но по воспоминаниям Н. М. Щербининой, это был город Никель Мурманской области. Там тётя Шура выходит замуж за Фёдора Селина и берёт его фамилию. Хотелось бы подчеркнуть положительную роль в судьбе Бориса Александры Селиной и её второго мужа Фёдора. Возможно, Фёдор научил Бориса играть на баяне и гармонии, способствовал его поступлению в ФЗО № 1 в посёлке Роста, тогда пригороде Мурманска, провожал его в армию. Кроме упоминания Бориса, что он был клубным работником, более о нём мы ничего не знаем. Сколько лет Борис Рубцов учился в ФЗО № 1, доподлинно не известно. Это задача для мурманских краеведов конкретизировать факты биографии Бориса Рубцова на Кольском полуострове.

Дальше все документально. 27 июля 1957 года Борис Рубцов призывается в армию Мурманским городским военкоматом. Указанная в учётно-послужной карточке основная гражданская специальность – электромонтёр – позволяет утверждать, что ФЗО № 1 им было успешно закончено. Согласно архивной справке из Архива Военно-Морского Флота от 10 сентября 2015 года Борис Рубцов проходил действительную срочную военную службу с 25 ноября 1957 года по 19 ноября 1959 года в 385 военно-строительном отряде Северного флота, который в указанный период дислоцировался в городе Североморске, посёлке Гремиха Мурманской области. Говоря простым языком, Борис служил в стройбате, на берегу, отсюда срок его службы – только два года. Напомню, что его брат Николай служил на эсминце «Острый» четыре года.

Интересно складываются судьбы братьев. Служили одновременно на СФ, не зная об этом. Борис даже, возможно, читал стихи брата в газете «На страже Заполярья», но мог ли он представить, что поэт Рубцов – это его родной брат? Хорошие вопросы для краеведов Мурманска... Приказом начальника 385 ВСО от 18 ноября 1959 года

№ 327а Рубцов Борис Михайлович исключён из списков личного состава отряда и уволен в запас в распоряжение Успенского РВК (райвоенкомат) Краснодарского края с 19 ноября 1959 года. Конечно, Борис и Дмитрий Олейников, его армейский товарищ, который пригласил Бориса поехать по демобилизации в село Успенское, на его родину, могли заехать в Вологду, о чём свидетельствует Н. М. Щербинина и навестить отца. Но дальнейший и заключительный этап жизни Бориса Рубцова связан с селом Успенским Краснодарского края.

Воспоминания Дмитрия Олейникова, друга Бориса, пока единственный источник о его жизни в Краснодарском крае. По приезде в Успенское, Борис пытается работать на ферме, на хуторе Солдатском. Другой работы на селе просто не было. Встречает девушку Валю, завязывает с ней отношения, но до свадьбы дело так и не дошло. Документов о регистрации брака пока не обнаружено. Видимо, в этот период пишет письма отцу и сестре Галине. Наверное, от них и два адреса Бориса в записной книжке Николая Рубцова. После нескольких месяцев работы на ферме устраивается баянистом в клуб в селе Успенском. Благо хороший баян он с помощью того же Дмитрия Олейникова купил ещё во время службы. Как баянист пользовался успехом, знал много песен. Стихов, по воспоминаниям, не писал, сочинял ли мелодии, тоже не известно. В Успенском жил около года. Заболел туберкулёзом, что в те годы нередко кончалось трагически. Дмитрий Олейников вспоминает, что от военкомата Борис был послан лечиться в один из южных санаториев. Более друзья не встречались. Фотографий той поры у Олейникова не сохранилось, осталась только память о молодых годах и дружбе с Борисом Рубцовым. Будет большой удачей, если удастся выяснить что-либо о последних трагических днях Бориса Рубцова и найти место его захоронения. Время ухода из жизни Бориса Рубцова – по данным на сегодняшний день – 1962 год.

Такова канва жизни младшего брата великого поэта Н. М. Рубцова. Автор благодарит всех тех, кто упомянут в данной работе. Особенное признание за помощь в написании статьи Татьяне Николаевне Олейниковой и армейскому другу Б. М. Рубцова Дмитрию Тимофеевичу Олейникову.

Примечания

[1] С. А. Лагерева «Старший брат». Литературно-художественный альманах «Сургут Литературный». Сургут. 2009. № 7. Стр. 224–225. Счёл нужным привести отрывок из статьи Сергея Лагерёва с указанием всех людей, причастных к поискам старшего брата поэта Альберта. В статье, которую вы прочитали, также указаны все персоналии, которые помогали в поисках истины по судьбе младшего брата поэта Бориса.

[2] Записная книжка поэта Н. М. Рубцова на 49 листах с записями телефонов и адресов родственников, друзей и знакомых. ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф. 51, оп. 1, ед. хр. 27.

[3] Воспоминания старшей сестры поэта Г. М. Шведовой (Рубцовой), записанные в 1996 году учащимися школы № 1 под руководством учителя литературы Л. М. Дьяковского. Архив автора статьи.

[4] С. П. Багров. «Россия, Родина, Рубцов». Вологда. 2005. Стр. 116.

[5] М. В. Суров. «Факты, воспоминания, посвящения». Т. 2. Вологда. 2011. Стр. 367–407.

[6] Г. Б. Рубцова. «Под куполом синих небес». Вологда. 2015. Работа Д. А. Пшеницына «Рубцовы – старинный род Тотемских государственных (черносошных) крестьян Русского Севера».

[7] Н. А. Тимонин. «Земля предков». В книге «Литературные традиции Русского Севера». Вологда. 2008. Стр. 237–238.

[8] Л. Н. Вересов. «Братья Николая Рубцова. Страницы семейного альбома». В книге «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова». Вологда. 2013. Стр. 22–34.

[9] Воспоминания Надежды Михайловны Щербининой, двоюродной сестры Н. М. Рубцова, дочери Софьи Андриановны Рубцовой и Михаила Николаевича Федотова. Журнал «Автограф» № 54. Вологда. 2009. Стр. 17. Короткие воспоминания Г. М. Шведовой (Рубцовой) и Н. М. Щербининой об Александре Андриановне Рубцовой сильно отличаются друг от друга. Г. М. Шведова (Рубцова) «Тётя Шура, сестра моего отца, выходила дважды замуж, но гражданским браком, не расписывались. Поэтому и фамилия осталась Рубцова. Детей не имела. У неё потом жил Борис Рубцов. Скончалась раньше отца поэта (т. е. до 1962 года)». Н. М. Щербинина «Тётя Шура (Александра Андриановна Селина) уезжала в город Никель Мурманской области. Первый муж у неё погиб в Финскую войну. В Никеле она второй раз вышла замуж (дядя Федя). Приехали в Вологду, жили в деревне Турбачёво (за Прилуками)... Около 1958 года пришёл из армии Борис, он пришёл с лишаём, лежал здесь в лазарете. Мне запомнилось, как он купил апельсины. Этот эпизод В. Белков ошибочно приписал Николаю Рубцову». Из материалов Череповецкого и Вологодского Рубцовских центров.

[10] Школы ФЗО (фабрично-заводского обучения) низший (основной) тип профессионально технической школы в СССР. Школы ФЗО созданы на основе школ ФЗУ (фабрично-заводского ученичества). Существовали с 1940 по 1963 год. Срок обучения – от шести месяцев до двух лет. За годы существования в ФЗО подготовлено около шести миллионов квалифицированных рабочих.

ГЕННАДИЙ ФОКИН – ФЛОТСКИЙ ДРУГ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Г. П. Фокин относится к той плеяде поэтов и писателей, с которыми Н. М. Рубцов познакомился и сдружился ещё на военной службе. Литературное объединение Северного флота при газете «На страже Заполярья» вырастило много крепких литераторов и творческих людей. Имя Геннадия Фокина всё же стоит особняком среди знакомых и друзей Николая Рубцова. Они служили вместе на эсминце «Острый», вместе проходили флотский карантин и учебное подразделение флота, вместе уходили на демобилизацию, одновременно посещали Лито Северного флота. Геннадий Петрович оставил литературные воспоминания о тех временах, назвав их «Полонез Огинского» [1].

Именно матросу Фокину принадлежит честь написания и опубликования первой заметки – напутствия в большую поэзию матросу Рубцову. Такое, конечно, не забывается. Этот материал был опубликован в газете «На страже Заполярья» 23 марта 1958 года.

Вот как Г. П. Фокин описывает в своих воспоминаниях историю появления этой заметки – напутствия с некоторыми погрешностями в датах.

«Коля назавтра принёс несколько листков с отпечатанными на машинке стихотворениями и сказал: «Вот, хочу послать в нашу флотскую газету. Напиши несколько строчек: кто, что я, вообще, что ты думаешь о них, о моих стихах...».

Я написал. Потом мы долго сидели, правили мой текст; что-то убрали, что-то дописывали, казалось, конца этому не будет, пока Коля не сказал: «Всё, пойдёт. Вот только вставим четыре строчки, совсем свежие, сегодня пришли:

После дня, прошедшего в атаках,
Сколько раз я милой называл
Выплывшую вдруг из полумрака
Землю тундры и суровых скал...

...Спустя какое-то время, той же осенью 1957 года, открываю нашу флотскую газету «На страже Заполярья» и вижу на «Странице

дня отдыха», на третьей полосе, заголовок: «Доброго пути, Николай Рубцов!». Пять стихотворений и две колоночки моих напутственных строк. Это была его первая публикация. Я храню эту газету до сих пор...» [2].

дня отдыха

Николай Рубцов!

МАТРОС НИКОЛАЙ РУБЦОВ родился в 1938 году. Детство его прошло в деревне, и может быть поэтому, уже в первых стихах Николай, которые он начал писать еще в школе, звучит любовь к русской природе, к своему родному краю. И в ранних его стихотворениях порой встречаются интересные образы, отточенные фразы.

Служба на Северном флоте, которую Н. Рубцов начал в 1955 году, подталкивает его к новой тематике. Родняются стихи о героических людях Севера, о морских воюющих. В одном из стихотворений Рубцов пишет:

*После дня, проведенного в карауле,
Сопляки раз в два дня
Рыбацкий обряд из пятидесяти
Летних предков в службе подают.*

Здесь, на Севере, понастоящему представляется лицо матросского поэта. Много тепла строк посвящает он родному Заполярью.

Одним из достоинств стихов юного моряка Николая Рубцова является их продуманность и логичность.

Желаю Николаю Рубцову новых творческих успехов в его трудном, но благородном труде, мы смело можем сказать, что выходит в свет еще один молодой флотский автор.

Одновременно хочется от всей души пожелать дальноморцу матросу Рубцову успехов в службе.

Доброго пути, Николай Рубцов!

Матвея Г. ФГОДИН.

Северная берёза:

Есть на севере берёза,
Что стоит среди хвойной
Победела от мороза
Ветви черные на ней.
На морские перекрестки
В голубой дрожащей мгле
Скверит прелесть берёзка,
Чуть казавшая на скале.
Так ей хочется «Счастливым!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей все нет и нет...
Спят морские перекрестки,
Линей прибоя гонит во мглу
Грустно маленькой берёзке
На обветренной скале.

Отпускное

Над вокзалом — ранний
Звезд дрожащий.
В сердце — чувства
Немецких рой.
До свиданья, Север!
До свиданья.

Край светел в славы боевой!
До свиданья, штормовый
и скрежет
И поныне вахты моряков
Волде каменных набережных
С пугающим светом маяков...
Еду, еду в отпуск в Полмосков...
И в родном селебни опять
Скверю, перекрестники, забывая
Ойному волнополюющую мать
В каждом доме.
С радостью встречаю,
Вновь соседи будут за столом
Утопать меня домашним чаем
И большим семейным парком
И с законной гордостью во всю
Пспомини схватки
С морем штормовым.
О друзьях, оставшихся в долоре,
Расскажу я близким и родным,
Чтоб в краю, не знающем печали,
Где пляжут поля во все концы,
Нам отраву счастья доверять
Знакомым стрелам.
матери,
отцы!

Встреча

Вот зарю полощет
И теплая вода плещет.
Привет вам, дуги и рощи
И теплым сосисным бором.
И веселых зарниц сверканье,
И призывный мрак полей
С ветерчелным ожаньем
Строительных лопатей!
Вот трактор прибавил газу,
Врезая в дорогу след.
Мне тракторист чумазый
Машет рукой: «Привет!»
Мычальное вязаное стадо
Бредет лугушкой в лес.
И сердце до боли радо
Покою родных мест
Нескольким расплывшись морю.
И я, отпускник матрос,
Гонюсь, что я впопыхах долор
Бдительную вахту нес:

Нам...

Ксерокопия газеты «На страже Заполярья» с портретом Рубцова и заметкой Фокина от 23 марта 1958 года. Из стихотворений Николая Рубцова в данной подборке опубликованы: «Родное море», «Северная берёза», «Отпускное», «Встреча» («Ветер зарю полощет»), «Пой, товарищ». Всего пять стихотворений. [3]

О службе и литературной работе флотского поэта Николая Рубцова написано довольно много книг и статей [4], но вот о флотском поэте Геннадии Фокине мало кто знает. Восполним этот пробел.

Сам Г. П. Фокин в воспоминаниях пишет о своих тогдашних опытах в стихосложении довольно критично. «Тем не менее напечатался я раньше Рубцова. Сейчас-то я понимаю, какая это была наглость с моей стороны, ведь я знал, что стихи мои много хуже стихов моего приятеля, вообще не дотягивают до того, что называется стихами. Но всё-таки послал несколько в мурманскую молодёжку «Комсомолец Заполярья». Два из них были напечатаны». Не могу согласиться ни с одной строкой из приведённого отрывка. Геннадий Фокин опубликовал гораздо больше двух стихотворений молодых задорных стихов. Первая флотская публикация Н. М. Рубцова состоялась 1 мая 1957 года. В газете «На страже Заполярья» напечатано стихотворение «Май пришёл». Все публикации Фокина и Рубцова в газете «Комсомолец Заполярья» относятся к более позднему времени. Но об этом поговорим далее. А сейчас позволим себе заметить, что останься Николай Рубцов на уровне «флотского поэта», сегодня бы не было русского национального поэта Рубцова. Поэтому просто необходимо напечатать ранние стихи Геннадия Фокина с учётом того, что если они и уступают рубцовским того периода, то ненамного, и доказывают определённый уровень, достигнутый литераторами Северного Флота. Тем более иногда поэты печатались в одних подборках, и просто приятно в этом материале вспомнить первые стихи нынешнего члена СП России Г. П. Фокина. Стихи Фокина и Рубцова периода службы на флоте похожи по настрою, тематике, даже по названиям. Выполнение служебных обязанностей, флотские будни, морская стихия, боевые походы, природа Севера, воспоминания о гражданской жизни – вот темы стихов обоих поэтов.

Первая публикация Николая Рубцова в газете «Комсомолец Заполярья» состоялась 20 ноября 1957 года. Стихотворение «Моё море» было довольно оптимистическим.

Нет, не верю я выдумкам ложным,
Будто скучно на Севере жить.
Я в другом убеждён: Невозможно
Героический край не любить!

И лишь 11 июля 1958 года, по доступным на сегодня данным, состоялся литературный дебют Геннадия Фокина в «Комсомольце Заполярья». Начинающий поэт лиричен и даже сентиментален.

Заря

Я иду по весёлой дороге,
Ручьи заливают мой путь.
Не чуют усталости ноги,
Хотя им пора отдохнуть.

Куда же иду сам не знаю.
Зовёт горизонт — и к тому ж,
Смеётся заря молодая,
Милльонами радужных луж.

16 мая 1958 года Рубцов публикует свои известные «Деревенские ночи» — серьёзную заявку на творческую зрелость. 16 июля 1958 года печатаются «Воспоминания» Рубцова («Помню, как тропкой едва заметной...»). Известный мурманский поэт Николай Колычев как-то написал в письме автору статьи, что это стихотворение Николая Рубцова легко можно исполнять под музыку в стиле рэп. Очень интересное мнение о стихотворении молодого Рубцова. Кстати, предупреждаю читателей, что в данном материале анализируются публикации поэтов только в газете «Комсомолец Заполярья».

28 июля 1958 года в ней была опубликована забытая ныне заметка «Творчество североморцев» в рубрике «Молодые голоса». «В нашей молодёжной областной газете печатались стихи некоторых членов литературного объединения при газете Северного флота «На страже Заполярья» — В. Матуса, Н. Рубцова, А. Мееровича. В. Матвеева, Г. Баско и др... Пожелаем нашим друзьям-североморцам доброго пути в творчестве, «счастливого плаванья» — как говорят на флоте». В заметке упоминается имя Николая Рубцова, но она относится напрямую и к Геннадию Фокину, правда главные публикации его были ещё впереди.

6 августа 1958 года матрос Фокин печатает стихотворение «Ветер»:

Смотри, как ветер разыгрался:
На сопки тучи шапками одел,
Далёким громом рассмеялся,
Подбросил чаек на воде.

Потом как будто утомился,
Прилёг в прибрежных валунах,
И с новой силой устремился
Плясать и путаться в ногах.

А тучи-шапки всё угрюмей.
Вдруг по воде промчалась дрожь,
И первой каплей, словно пулей,
Пробил себе дорогу дождь.

Ручьи забулькали в кювете,
Бежит прохожий под плащом,
А по заливу мчится ветер,
Насквозь промокнув под дождём.

5 октября 1958 года Н. Рубцов публикует один из вариантов стихотворения «Ветер с Невы». Одно из первых обращений поэта к любовной лирике. Приведём этот вариант как не часто печатающийся в сборниках Рубцова.

Я помню холодный ветер с Невы
И грустный наклон твоей головы.
Я помню умчавший тебя трамвай,
В который вошла ты, сказав «Прощай».
Свидания в прошлом теперь... но ты
Всёходишь хозяйкой в мои мечты,
Любовь, а не брызги речной синевы,
Принёс мне холодный ветер с Невы.

У поэтов наблюдается некое соревнование в темах стихов. Причём из анализа текстов всех стихов газет той поры на Севере темы повторяются не только у Фокина и Рубцова. Само собой, их раскрытие глубоко индивидуально у каждого поэта.

19 октября 1958 года Фокин отметился в газете ещё одним стихотворением.

Яблоневый цвет

По утру сегодня всё белым-бело.
Хлопья снега белого липнут на стекло.
А тогда, ты помнишь? Яблони цвели.
Словно меж сугробами мы с тобою шли.

Много было сказано. Разве всё сбылось?
Лист засохший с яблони бросил ветер вкось...
Бросил и унёс его, не отыщешь след.
Но остался в памяти яблонь белый цвет.

Такие лирические откровения, как в этом стихотворении Фокина, не часто встречались пока и в поэзии Рубцова. 3 июля 1959 года поэт Николай Рубцов публикует известное теперь стихотворение «Начало любви». А 15 июля 1959 года поэты встретились в одной подборке стихотворений.

Н. Рубцов

Первый поход

От брызг и ветра
Губы были солоны,
Была усталость в мускулах остра.
На палубу обрушивались волны,
Перелетали через леера.

Это уже строки зрелого мастера, умело работающего со словом.

Г. Фокин

Мой город

Если б мне предложили
Выбрать край для жилья,

Ни на час, ни на миг
Не задумался б я.
Вынул старенький плащ бы,
Пару крепких сапог...
Здравствуй, северный город,
Счастье трудных дорог!

Зарисовка поэта Фокина касается Мурманска, ибо напечатана в газете этого города. В молодёжной газете заполярного Мурманска печатались многие друзья и приятели Рубцова и Фокина. Несправедливо было бы не упомянуть их имена. В. Сафонов, Б. Сафонов, А. Меерович, Б. Романов, С. Шмитько, В. Смирнов, В. Матвеев, Ю. Кушак и другие выставляли свои стихи на суд читателей газеты «Комсомолец Заполярья». Особо хотелось бы отметить публикации с 1959 года Николая Гудовского. Поэт-фронтовик жил в городе Кировске Мурманской области и местным Литературным объединением «Алаш» («очаг» по-саамски) после его смерти была учреждена литературная премия его имени. Автор этих строк является лауреатом литературной премии им. Н. Гудовского города Кировска.

Возвращаясь к теме нашей работы, вспомним публикацию 16 января 1959 года рубцовского стихотворения «Вспомнилось море» («Крыша. Над крышей – луна...»). Вот его последняя строфа:

Тополь. Ограда. Скамья.
Пташек неровный полёт.
Скоро из отпуска я
Снова уеду на флот.

Это звучит как воспоминание об отпуске матроса Рубцова 1958 года.

18 января 1959 года матрос Фокин публикует стихотворение «Отпускное». Опять своеобразная переключка темами. Создаётся впечатление, что и в отпуск они ездили в одно и то же время. Это была последняя найденная публикация Г. П. Фокина. А Николай Рубцов 13 мая 1959 года опубликовал ещё одно стихотворение – «После разлуки». Оно посвящено его любимой девушке из посёлка Приютино Ленинградской области Тае Смирновой (Голубевой) [5].

У Николая Рубцова есть стихотворное посвящение Геннадию Фокину [6]. В нём тоже есть строки, упоминающие Таисию Александровну Голубеву.

Где тропинка берёт начало

Г.Ф.

Ты просил написать о том,
Что здесь было
И что здесь стало.
...Я сейчас лежу под кустом,
Где тропинка берет начало.
Этот сад мне, как раньше, мил,
Но напрасно к одной блондинке
Я три года назад ходил
Вот по этой самой тропинке.
Я по ней не пойду опять,
Лишь злорадствую:
«Где уж нам уж!».
Та блондинка хотела ждать,
Не дождалась...
И вышла замуж.
Все законно: идут года,
Изменяя нас и планету,
Там, где тополь шумел тогда,
Пень стоит...
А тополя нету.

Поэт Фокин также посвятил своему флотскому другу проникновенные строки.

Николаю РУБЦОВУ

Уйду от шума городского
Под сосен шум, к звезде полей,
Чтобы пристрастно и сурово
Проверить смысл ночей и дней.

Они бегут неотвратимо,
Чтоб горсткой пепла на ветру
Или дрожащей струйкой дыма
Растаять рано поутру.
Пускай они и станут тленом,
Во мне живущий адский дух
Переживёт их непременно
И вновь на свой вернётся круг.
Тогда я снова стану прежним,
Пойду с друзьями пить вино...
А дома матушка, как прежде.
Засветит в горнице окно.

После демобилизации с Северного флота Геннадий Фокин оказался в Приморском крае в городе Находка. Кстати, уточню ещё раз, что с флота моряки-поэты ушли вместе. Автор надеется написать об этом отдельную работу, имея в архиве интересные документы. Но связь у Геннадия Фокина с Николаем Рубцовым оказалась потеряна. Об отдельных эпизодах его дальнейшей творческой биографии можно будет узнать из писем Фокина Рубцову. На сегодняшний день доступны два письма Геннадия Фокина Николаю Рубцову. Вот текст письма из Государственного архива Вологодской области [7].

«Коля!

Поздравляю с Новым годом! Желаю всех благ в жизни и творческих удач!

Наконец-то «Наш современник» прислал твой адрес и вот пишу...

Немного о себе. Живу в Находке, работаю в городской газете заместителем редактора. Пишу помалу и стихи, руковожу литературным объединением «Океан». Учусь на пятом курсе журналистики университета города Владивостока. Жена врач, сыну семь лет. Пока всё. Черкни несколько строк в ответ. До нас дошла твоя «Звезда полей!». Восхищён! Геннадий Фокин».

Второе письмо хранится в архиве череповчанина Сергея Дмитриева. Он любезно согласился на публикацию документа.

2. $\frac{1}{2}$ of the 1st. 1st. 1st.

Не знаю, сколько из них есть
артистов, которые и издавать могут
Албу Виланову, Сергею Харкову,
Эдуарду Верно, Анне Райновой,
Сергею Николаевичу Павлову и мно-
гим другим?

Дело в том, что есть план
в России и нелюди. Но если не
есть не только не только не только
своих в будущем не только не только
своих не только. А это не только не только
не только, но в будущем не только не только
не только не только, но не только не только
не только не только. Но не только не только
у не только не только. А не только не только
не только не только.

У меня существуют планы из Ка. экспон
"Благодаря", конечно, это, вероятно, с ними
"Благодаря" - Кларк и др. Бланк и др. Бланк и др.

Дружбу и любовь имеем взаимно
Родственников имеем взаимно

- 2

Средства. Сила работы записана
иногда раздается рывком разбит. Рывок
вот и все. Рывком разбит. Рывком
Рывком

[illegible]

Составил это по добру и совести и по
своему разумению. Моему брату
Ивану Ивановичу не было еще 18 лет
и он не мог еще учиться. Он был
тогда в Москве, в училище, и он
тогда (в Москве) учился. Он был
тогда (в Москве) учился.

Figge 2806

J. Adams.

Письмо Г. П. Фокина Н. М. Рубцову
из архива череповчанина С. А. Дмитриева.

Эти письма ярко доказывают дружеский и творческий характер их отношений. Остаётся только сожалеть, что не состоялась публикация стихов Николая Рубцова в Приморье при его жизни.

Наверное, кстати будет привести последнее письмо от Геннадия Фокина автору материала:

«Леонид Николаевич! С Новым Годом! И спасибо за последнюю бандероль! Члены нашего литературного клуба «Элегия» (11 членов СП России), как всегда, с интересом познакомились с Вашими работами о Рубцове.

...Я тут как-то разбирался в своём архиве (городской архив просит передать некие документы по истории Находки, городской музей, библиотека-музей и так далее). Для всех у меня что-то есть. Не хочу, чтобы после меня что-то попало не в те руки...

Нашлось и для вас, рубцовское. Во-первых, неизвестная фотография Коли Рубцова. Во-вторых, два официальных ответа на мои запросы. Дело в том, что периодически мои письма Рубцову возвращались, не найдя адресата. Тогда я пошёл другим путём...

В марте 1967 года в Находку приехали несколько авторов журнала «Юность» – Григорий Горин, Аркадий Арканов, Ярослав Смеляков и др., во главе с главным редактором Борисом Полевым. Поблизившись с ними, я попросил Бориса Николаевича дать мне последний адрес Коли Рубцова, поскольку в последнем номере журнала вышла большая подборка его стихов. И вскоре получил его. Но Рубцова и там уже не было...

Затем в Находке по каким-то делам оказался Станислав Куняев из «Нашего современника» (а я уже руководил литературным объединением «Океан» и мимо меня не «пролетал» ни один из «залётных» литераторов). Я знал, что Куняев знаком с Рубцовым, и попросил его адрес. И вскоре получил его...

Вот такие вот были отзывчивые люди, друзья Коли Рубцова! Геннадий Фокин».

Геннадий Фокин прислал ксерокопии ответов на запросы по поводу адреса Николая Рубцова из журналов «Наш современник» и «Юность».

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Москва, № 31, набережная Маркса Торжок, 30

Тел. 9 3-22-25

13 декабря 1968 г.

Уважаемый тов. Фокин!

Адрес Рубцова Николая Михайловича - г. Вологда, набережная
3-я армии, 209, кв. 43.

Секретарь-

Толстеевская

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Москва, ул. Горького, 47

13 декабря 1968 г.

Уважаемый тов. Фокин!

Дорогой Николай! Очень приятно в
нашу! Он очень приятно Вам да
много - добро знает Он очень
сказать Вам адрес дома Рубцова.
Вот этот адрес: Александровский край, Красно-
волокский р-н, село Красноволокское, ул. Мира,
159, кв. 5.

Разрешите написать Вам было напутствие
Олег Вологда - Александровский

Письма Фокину из журналов «Юность» и «Наш современник».
Ответ на его запросы по поводу адреса поэта Н. М. Рубцова.

А самый главный сюрприз Г. П. Фокина оказался в атрибуции довольно известной фотографии матроса Рубцова и неизвестного матроса в зимних шапках. Как оказалось, справа от Рубцова сфотографировался именно матрос Фокин. Это было ещё в учебном подразделении СФ до зачисления их по месту службы на эсминiec «Острый». Нельзя не привести это фото двух матросов-приятелей!

Фотография 1955 года. Матросы Рубцов и Фокин (справа) – курсанты учебного подразделения Северного флота. Совместная служба на эсминце «Острый» ещё ждёт друзей.

Творческая судьба Геннадия Петровича Фокина сложилась достаточно удачно. Он известный поэт, писатель, журналист, член Союза писателей России. Выпустил несколько книг стихов и серьёзных историко-краеведческих исследований. Перечислим некоторые из них: «Гавань надежды», «Мои причалы», «Залив Америка», «Тайна Лисьего острова». Готовы к печати рукописи книги прозы «Записки очевидца» и книги стихов «Стихи с моего причала». Как говорится, время подводить итоги, но итоги Геннадия Фокина ещё фонтанируют новыми идеями и расцветают новыми стихами. Просто необходимо было написать о таком флотском друге поэта

Н. М. Рубцова, который через всю жизнь пронёс тёплое чувство к своему великому другу.

Современные фотографии Г. П. Фокина.

Закончим же материал автографом В. П. Астафьева на книге «Затеси» (Красноярск, 1982 г.), подаренной автором Г. П. Фокину: «Геннадию Фокину – с поклоном из Сибири и с благодарностью за память о Коле Рубцове. Пусть согреет Вас мой жёлтый, падающий листок во дни холодные и в погоду пасмурную. 6 января 1983 года. Красноярск». (В. П. Астафьев имел в виду новеллу «Падение листа» из сборника «Затеси»).

Примечания

1. Г. П. Фокин. Литературный альманах «Муза творчества», № 4, М., 2004 «Рядом с Николаем Рубцовым». Позднее он перепечатывался под названием «Полонез Огинского».

2. То же, что и сноска 1, стр. 38.

3. Несколько уточним воспоминания Г. П. Фокина об этой публикации. Это не первая публикация стихов Н. Рубцова времён службы на Северном флоте, как он считает. Но, возможно, это первая публикация подборки стихов Рубцова. По уточнённым данным первая публикация состоялась 1 мая 1957 года в этой же газете «На страже Заполярья» и называлась «Май пришёл». Об этом можно прочитать в статье Л. Вересова «Рубцов и Северный флот», последняя публикация которой состоялась в книге «Жизнь меня по Северу носила...»: Николай Рубцов на Кольском Севере, Мурманск, 2014. Хотелось бы написать, что подобные добрые слова о первых опытах начинающих стихотворцев Северного флота печатались

довольно регулярно. Это было хорошей традицией тогдашнего поэтического мира – поддерживать молодёжь. Многие молодёжные газеты разных областей страны напутствовали своих начинающих стихотворцев, что плодотворно сказывалось на их дальнейшем творческом росте. Как пример можно привести газету «Вологодский комсомолец» Вологодской области, в которой в конце 50-х – начале 60-х годов XX века опубликованы напутствия В. Белову, Б. Чулкову, В. Коротяеву, А. Каютиной и др. А, например, в «Комсомольце Заполярья» Мурманской области 22 сентября 1957 года была опубликована заметка-напутствие «В добрый путь, Аркадий Меерович!». Это один из приятелей Николая Рубцова по литобъединению Северного флота.

4. «Жизнь меня по Северу носила...». Николай Рубцов на Кольском Севере. Мурманск, 2014 год; «На вершине земли Кольской. Рубцовские чтения в г. Апатиты». Мурманск, 1994; «На вершине земли Кольской. Рубцовские чтения в Мурманской области», Апатиты, 2006; «Наука и бизнес на Мурмане. Николай Рубцов: Душа моя чиста», Мурманск, 2004; «Наука и бизнес на Мурмане. Рубцовский форум». Мурманск, № 2 (65), 2008; «Наука и бизнес на Мурмане. Рубцов и Кольский Север», № 1 (70). Научно-практический альманах. Мурманск, 2011. Вопросом пребывания Рубцова на Севере интересовались в своих исследованиях и воспоминаниях Б. Сафонов, Б. Романов, Н. Коняев, Ю. Кириенко-Малюгин, М. Полётова, В. Кузнецова, В. Сорокажердье, Н. Ефремов, М. Суров, Л. Вересов и другие.

5. Л. Вересов. «О стихотворении «Букет», отпуске матроса Рубцова и Тае Смирновой по документам и стихам поэта».

6. По данным Ю. Соломина, стихотворение Н. Рубцова «Где тропинка берёт начало» посвящено Фоминскому Герману Анатольевичу, бывшему главному инженеру вологодского ДСУ-1, знавшему Рубцова лично и, вероятно, дружившему с ним. Однако тема стихотворения, его направленность и приметы времени позволяют утверждать, что всё же оно посвящено Г. П. Фокину. Г. А. Фоминскому, возможно, повезло с тем, что имя и фамилия его совпали с Г. Ф., и Рубцов перепосвятил его ему в шутку или под хорошее настроение. Водилось за поэтом такое: перепосвящать свои стихи или снимать посвящения в силу каких-то причин личного или творческого характера.

7. ГАВО, ф. 51, оп. 1, дело 426.

РУБЦОВ И ХИБИНЫ

Раннее (Хибинское) творчество Н. Рубцова как пролог его великой поэзии

2006 год для многих почитателей поэзии – год 70-летия со дня рождения поэта Николая Михайловича Рубцова.

Много новых материалов, точек зрения на жизнь и творчество знаменитого поэта появилось в этот период. Много юбилейных сборников, посвящений увидело свет. Авторами двигало искреннее восхищение ставшими уже классическими стихами Рубцова, желание понять и выявить истоки его творчества. Немало написано уже воспоминаний и литературоведческих работ о раннем периоде творчества поэта.

У автора данной статьи скромная задача. Как полтора года учёбы Н. Рубцова (август 1953-го – январь 1955 гг.) в Хибинском горно-химическом техникуме способствовали раскрытию его таланта как поэта.

Рубцов учился в Кировске недолго. Горняцкая дорога (маркшейдерская специальность, группы 1 МС и 2 МС) не стала торной и оборвалась, как и множество других сценариев его жизни. Поиск себя, своего предназначения, занимал тогда ещё молодого человека. Но чем бы ни занимался Рубцов, в какие бы жизненные ситуации ни попадал, красная линия его жизни – это поэзия. Так какие же условия для творчества были у поэта в Хибинах? Как его друзья и преподаватели КГХТ влияли на становление его таланта? Или он был одинок и не понят? В конце концов, что он написал в этот период. Автор использовал архивные документы филиала «ГАМО» в г. Кировске, материалы местных газет тех лет, воспоминания друзей и учителей поэта.

В июле 1953 г. Н. Рубцов пишет заявление капитану траулера РТ-20 «Архангельск» тралфлота на выдачу ему расчёта «ввиду поступления на учёбу».

Учебным заведением, которое приняло матроса Рубцова, и стал Горно-химический техникум.

Кировск. Фото 1950-х гг.

Из газеты «Кировский рабочий» от 5 июля 1953 года. Заметка А. Глушенко – директора техникума: «Новый отряд горных техников»: «...К нам ежедневно поступает много заявлений от желающих приобрести горную специальность. Особенно много заявлений подают кировчане». Среди иногородних, подавших заявление, был матрос Рубцов.

«Видимо, в 1954–1955 гг. Николай Рубцов уже сочинил немало стихотворений, до нас почти не дошедших» – из статьи Белкова В. С. (совсем недавно ушедшего из жизни) «Жизнеописание Н. Рубцова». Пусть это будет эпитафией данной статьи.

Вадим Кожинов замечал в предисловии к сборнику стихов Н. Рубцова: «В поэтическом наследии Николая Рубцова вполне отчетливо различаются ранние (до 1962 года) и зрелые стихи, но – и это характерно – самые ранние стихи поэта ближе к его зрелой лирике, чем к стихам 1957-го–1962 гг.».

Александр Миланов пишет в своей статье «Море Николая Рубцова»: «...поэт, по свидетельствам очевидцев, на лекциях писал стихи..., но необходимого общения с пишущей братией у него здесь не было».

Попробуем в чём-то согласиться, а в чём-то – поспорить с этими авторитетными мнениями. Попробуем расширить и дополнить сведения о Хибинском периоде поэзии Рубцова. (О жизни Рубцова в Кировске 1953–1955 гг. вышла статья Л. Н. Вересова в «Хибинском вестнике» от 6.01.2005 «Хибиниада Николая Рубцова»).

Итак, то что Рубцов писал стихи, учась в Кировске, это бесспорно.

О тетради его стихов вспоминают Николай Шантаренков и Евгений Ивановский. Из письма Н. Шантаренкова автору: «Чёрная тетрадь? Да, конечно её помню. Не единожды о ней рассказывал. Но не читал её. Он, наверное, показал бы, если попросить, но никто не решился. Все видели, что он серьёзно к этому относится. День сидит в библиотеке полуголодный, вечером, с запекшимися губами приходит, садится за стол, достаёт свою чёрную тетрадь и начинает в неё сосредоточенно записывать.

Однажды, помню, мы, несколько человек, сидели, готовили при лампе в новой общаге домашнее задание. Кто писал, кто чертил, а он, уже не учащийся техникума, работал со своей чёрной тетрадью. И что-то у него не ладилось. Он дал нам задание вроде «бу-римэ»: две-три рифмы, надо было придумать продолжения, никто ничего толкового не предложил. И он разочарованно углубился снова в свою работу».

Передо мной сборник «Душа хранит» – третья книга стихов Н. Рубцова. В ней сам автор размещает и датирует некоторые стихотворения:

стр. 26

«Деревенские ночи» 1953 год.

Ветер под окошками, тихий, как мечтание
А за огородами в сумерках полей,
Крики перепёлок, ранних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...

стр. 65

«Первый снег» 1955 г.

А кто не любит первый снег,
В замёрзших руслах тихих рек...

Это уже вполне Рубцовские стихи по поэтике и настрою. Здесь и темы, присущие Рубцову, и, что немаловажно, стихи, видимо, нравились крайне взыскательному к себе поэту. Давайте не будем забывать, что в Хибинах Рубцов ещё просто восемнадцатилетний юноша, а не талантливейший, амбициозный поэт. И если некоторые его стихи хибинского периода уже вошли в прижизненные книги стихов – это говорит о его огромном даровании и поэтическом потенциале, который в Хибинах уже приоткрылся.

Сохранилось и датированное автором (что Рубцов делал очень редко) стихотворение 1954 года: «Да, умру я! И что ж такого», навеянное неурядицами в личной жизни и учёбе поэта. Есть датированное 1955 г. стихотворение «Берёзы», которое вызвало множество подражаний, опубликованное во время службы Николая в Североморске, и есть самые главные для Хибинской поэзии «Прощальные стихи», посвящённые Николаю Шантаренкову. В этих длинных (8 страниц), тематически и стилистически разных стихах объясняется всё о 1,5 годах учёбы Рубцова в КГХТ, о его отношении к Хибинам (которые не стали родными для поэта).

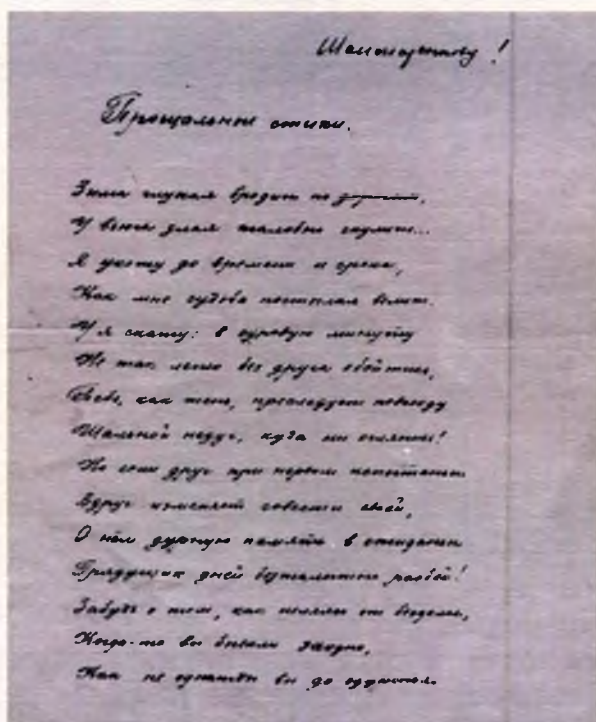

Николай Шантаренков.
Фото 1962 г.

Н. Н. Шантаренков писал автору этой статьи о том, что, будучи уже известным поэтом, Рубцов вновь перечитал эти стихи 1955 г. при их встречах в Москве в середине 60-х годов. Отозвавшись о них,

как «неплохих юношеских», хотел их отредактировать, но быстро скопировать их в середине 60-х было невозможно. Да и другие горизонты были перед глазами поэта. Наверное, жизнь уже преподнесла ему большие неприятности, чем пребывание в Кировске, и учёба там воспринималась, как не худшая страница в биографии. Были другие проблемы, другие творческие планы и исправленными эти строчки не оказались. Н. Н. Шантаренков выслал ксерокопии посвящённых ему Рубцовым стихов. А ведь в этих строчках поэт, мягко говоря, не льстит, а режет правду-матку. Но какая это находка для всей литературы кировско-апатитского района – стихи Рубцова о нашем крае.

Далее перед вами выдержка из факсимиле стихов Рубцова, датированных январём 1955 года, прощальный подарок другу. Эти стихи, посвящённые Кировску и техникуму, полностью были напечатаны только в 3-х-томнике стихов Рубцова под ред. Зинченко, изд. Терра, 2000 г. До этой публикации только выдержки из стихов, написанных Рубцовым в январе 1955 г., входили в некоторые сборники поэта, вышедшие после его смерти. В виде автографа и полностью они публикуются впервые.

Броунай, прощай, удаленный край—
Возвращен прощанья!

И по берегам Балтийской,

Вдали отчужденной лаской

Порывистой вздох!

Ты на отчужденных берегах
Очистишь, и снова

Земляные утробы расклев,

В утробе отчужденной отчужден,

Милые твои, кто здесь твои,

Возвращенного милого!

До Восток, удаляющийся речью,

Твоя каминная свеча!

Чужие на свете друзья:

Сквозь отчужденные отчужден,

Отчужденные отчужден!

И я снова на повороте,

Возвращенного милого!

И снова милого я не возвращу!

Милый мой, милого милого,

Возвращенного милого!

Возвращенного милого, милого милого!

Возвращенного милого, милого милого,

И снова на берегах Балтийской,

Вдали отчужденной лаской

Порывистой вздох!

Ты на отчужденных берегах

Очистишь, и снова

Земляные утробы расклев,

В утробе отчужденной отчужден,

Милые твои, кто здесь твои,

Возвращенного милого!

До Восток, удаляющийся речью,

Твоя каминная свеча!

Чужие на свете друзья:

Сквозь отчужденные отчужден,

Отчужденные отчужден!

И я снова на повороте,

Возвращенного милого!

Возвращенного милого,
Возвращенного милого,
Возвращенного милого!

Возвращенного милого!

Выдержки из письма Смирновой Е. И. – бывшей сокурсницы Рубцова – приоткрывают тайны творческого процесса будущего поэта: «Рубцов больше делился с ребятами. Девушки слушали его рассказы (о море, о книгах, которые Николай прочитал, когда ходил в море. Прим. автора), он мог, сидя у девчат в комнате, надоедать нам, пока все спали, лежали и слушали. Спрашивал: «Вы слушаете, не спите?». «Нет, отвечали некоторые из нас». Но стихи нам не читал. Наверное, стеснялся нас, а мы его тоже стеснялись. Очень молодые были. Мы с Катей Пузачёвой часто болтали на лекциях. Он (Рубцов) в газете нашей стенной пропечатал «Две подружки – две болтушки», так начинался стих. Но не злой был, а добротой пронизан. Мы не рассердились на него (отыскать это стихотворение не удалось. Его в общих чертах помнит и Н. Н. Шантаренков. Прим. автора). А удивил он всех нас, а особенно М. И. Лагунову, нашу классную руководительницу, когда написал сочинение о Печорине, целую тетрадь. Как можно было столько философии разводить? А он это отлично умел».

Видимо, уже тогда Рубцову хотелось выговориться, поделиться тем, что переполняло его душу. Его близкими друзьями становились ребята, с которыми он мог, помимо всего прочего, и просто поговорить. Таков Колька Беляков в Приютино, например. Таким однокурсником для Николая Рубцова в Кировске стал, пожалуй, Николай Шантаренков. Выдержки из письма Н. Н. Шантаренкова автору статьи, помогающие раскрыть заявленную тему:

«У нас, по нашему отделению МС, выходило две стенгазеты: «Маркшейдер», серьёзного содержания, и «Игла», сатирико-юмористическая. Мне приходилось оформлять эти газеты. А Рубцова мы привлекали для литературной части: сделать подписи к рисункам, что-нибудь сочинить. Он, обычно, легко за это брался. Никогда не отказывался, не заставлял себя упрашивать. Просто брал в руки стило, подходил к нашей полуготовой газете, какое-то время её разглядывал, просил уточнить задание. Мало что помню конкретно, но помню отлично, что всегда его экспромты поражали своим изяществом и неожиданным поворотом мысли. А придумывал их с лёту. Даже с каким-то особым азартом. Уже готовую строфу он записывал своим каллиграфическим почерком (впоследствии он у него испортился, почему-то) на нужное место в стенгазете. Особенно много подобного рода подписей в сатирической газете. Их у нас выходило не

менее двух номеров в полугодие. Было бы крайне интересно их отыскать. Да, вот стихотворение, посвящённое Жене Смирновой. Я, видимо, читал его в газете, но забыл, конечно. Однако хорошо помню эту ситуацию, в связи с которой оно родилось. Читал ли он нам? Что – не помню. Да, читал. Он любил что-нибудь прочесть в ходе утреннего разговора. Когда у него было хорошее настроение. Например, однажды утром, в воскресный день, встав с постели и заправляя свою койку, он рассказывал, как читал матросам на сейнере «Я весь в мазуте, весь в тавоте – зато работаю в тралфлоте». Я читаю, а они хохочут, восторженно хлопают. И сам смеётся (*а смеялся он, по мнению Шантаренкова, потому что лирическое стихотворение упаковал в производственную тематику, а иначе не печатали, – прим. автора*). Рубцов работал в тралфлоте когда? В 52-м–53-х годах. Стало быть, уже в те годы это стихотворение было написано. Оно, конечно, могло иметь несколько иное содержание. Он любил дорабатывать свои стихи, примеряя найденные образы к различным ситуациям. Но какой-то вариант стихотворения был уже тогда. Точно так же он искал место образу, который иногда, как бы невзначай, нам демонстрировал. Дескать, вот, смотрите как интересно: «Как где-то дико грохали сапожки под звук гармошки, русский перепляс». И смотрит – улыбается (*Е. К. Савкина, тоже сокурсница Рубцова тоже вспоминала, откуда родились эти строчки: «Общезжитие барачного типа, где проживал Рубцов, находилось рядом с общежитием рабочих, где почти каждую ночь шли гулянки. Видимо, это и врезалось в восприятие поэта. Появился некий образ», – прим. автора*). Потом этот образ он ввёл в прощальные стихи, которые он мне написал. Вроде бы экспромтом, но на самом деле все эти восемь страниц стихов были у него в голове уже изрядное количество времени. Да, отдельные строфы могли быть сочинены только что. Когда, через десять с лишним лет, я показал ему эти стихи, он пробежал глазами и сказал: «А что, неплохие юношеские стихи. Оставь их мне, я доработаю. Будь это теперь – я бы снял с них ксерокопию и отдал бы ему дорабатывать. Но тогда, в начале 66-го года, ксероксов и компьютеров у нас не было. Я не решался расстаться с этим его подарком, и он великодушно мне его оставил».

Стихи, написанные Рубцовым в стенгазеты, стихи из почти легендарной чёрной тетради. Что это? Проба пера? Разминка мыслей?

Или это уже Рубцовские интонации, Рубцовский стиль? Как и чем можно оценить их литературное достоинства? Если и стихов из стенгазет не сохранилось, и тетрадь с юношескими опытами Рубцова исчезла?

А теперь немного об обстановке и общем культурном климате в техникуме. Были ли хоть элементы творческой жизни в техническом учебном заведении. Способствовали ли они литературным опытам 17-ти летнего Николая Рубцова. В газетных подшивках «Кировского рабочего» – главной газеты нашего региона в те годы – можно найти некоторые сведения по поводу культурно-просветительской работы в техникуме. Это, конечно, парадный портрет, о недостатках, реальном положении дел газета писала скупно и неохотно. 23 декабря 1954 года: «Каждую субботу в Кировском горно-химическом техникуме проводятся вечера отдыха. Несколько раз выступал коллектив художественной самодеятельности учащихся техникума». 3 мая 1954 года: «В начале учебного года было открыто два красных уголка в общежитиях техникума. Комсомольцы и молодёжь приняли активное участие в их организации и создании различных кружков и секций. 80 студентов состояло в хоровом кружке». 23 мая 1954 года: «В Кировском горно-химическом техникуме много различных кабинетов, лабораторий и мастерских. В течение 53–54-х гг. студенты привели их в надлежащий порядок». 19 декабря 1954 г.: «Учащиеся группами собираются у репродукторов, установленных на всех этажах учебного корпуса, и слушают очередную местную радиопередачу. Радиоузел смонтировали студенты-любители». 19 ноября 1954 г.: «Управление Жилгражданстрой закончило строительство 4-х-этажного здания общежития студентов. Строители создали удобства для студентов. Имеются даже комнаты для красных уголков, где можно почитать свежие газеты и журналы».

Кстати, многие заметки в «Кировском рабочем» подписаны Н. Юшкиным – учащимся техникума. Ныне это академик Н. П. Юшкин – директор института геологии КОМИ НЦ.

Поскольку статья посвящена Н. Рубцову и тому, была ли какая-то литературная среда в Кировске, в техникуме, то больший ин-

терес представляют найденные автором в архивах протоколы педсоветов за 1953-й–55 гг. Это материалы для внутреннего пользования техникума. Картина в них более реальная и беспристрастная. Все найденные архивные данные, связанные с группами 1МС и 2МС, выходят на имя М. И. Лагуновой (классная руководительница Рубцова). Первую свою самодельную книгу стихов «Волны и скалы» Рубцов посвятил именно Лагуновой и, видимо, писал ей в Кировск (проясняя эпизод с пребыванием Сергея Есенина в Мурманске. Маргарита Ивановна Лагунова, без сомнения, как-то выделяла Рубцова (по воспоминаниям сокурсников) из общей массы студентов. Но, всё же, лишь её личные воспоминания смогли бы поставить все точки в кировском зигзаге судьбы Рубцова. И, что особенно важно, высветили бы начало его пути в поэзии. (Уточнение об этом дано в первой статье темы «Рубцов и Хибини»).

В выступлениях на педагогическом совете большая часть времени уделялась учёбе и поведению студентов. Но это напрямую касалось и Рубцова.

Выступление Лагуновой на педсовете 24 ноября 1953 года: «Мы требуем, чтобы учащиеся хорошо учились. Но условия работы в общежитии ненормальны. Нет дров, печи не исправны, в полах щели, нет топоров, пил, в помещениях холодно. Необходимо улучшить обстановку».

16 февраля 1954 года, М. И. Лагунова: «В моей группе много двоек. Их было бы ещё больше, если бы я диктовала, как надо. Я диктовала медленнее, чем положено. Нужно исключать таких учащихся, которые имеют 5-6 двоек».

Но и творческая жизнь бурлила. И это отражалось в протоколах педсоветов.

11 января 1955 года (Рубцов ещё студент КГХТ), преподаватель Дыбин А. П.: «Наша стенная печать не получает помощи от преподавателей. Наши преподаватели несут свои литературные работы в редакцию газеты «Кировский рабочий». Не работает также литературный кружок».

Лагунова М. И.: «Нелегко организовать работу литературного кружка. Мне в этом отношении надо самой где-то поучиться. Много говорили о начинающих писать учащихся, а их много или мало? Кому сдавать свои сочинения на просмотр – их дело».

Глущенко А. Е., директор техникума: «Вам и нам надо работать лучше в свете требований сегодняшнего дня... Не проводились среди учащихся обсуждения литературных произведений, не было литературных вечеров. Литературный кружок организовать надо».

В заключение об итоговом педсовете от 20 апреля 1956 года, который обсудил отчёт Лагуновой М. И. за все годы её работы в группе 1МС, 2МС, 3МС. Завуч техникума Бобырев В. Г.: «Товарищ Лагунова коротко рассказала о своей работе. На первом курсе ведь это была самая тяжелая группа (1МС). В общежитии вела себя группа плохо. А сейчас группа неплохая. Сама товарищ Лагунова ведёт секцию гимнастики, участвует в общественной жизни. Это вызывает уважение учащихся к тов. Лагуновой и они ей подражают».

Лагунова М. И.: «Группу веду с первого курса, то есть третий год. Группа сильная, ровная. Есть коллектив в группе, много активистов. Культурно-массовые мероприятия с начала года:

- вечер на тему «Моя любимая песня и стихотворение»;
- вечер о Маяковском;
- экскурсия на кислородный завод;
- вечер о жизни и творчестве Островского, была организована

викторина, выпущена газета».

И ещё одним свидетельством какой-то литературной активности в техникуме необходимо поделиться с читателем. Это педсовет от 24 мая 1954 года, который обсудил поведение и учёбу учащегося 2 курса ГЭМС Маковозова, который считает не горное дело, а литературу своим призванием и хочет поступить в литературный институт. Видимо, студент Маковозов показался педсовету более интересным человеком, чем студент Рубцов (поведение и учёбу которого обсуждали на педсовете 30 марта 1954 года), так как в протоколы вошли не только вопросы к студенту Маковозову, но и его ответы. А в случае с Рубцовым сформулированы только вопросы преподавателей при обсуждении, без ответов на них студента Рубцова.

Вопрос: «Вы так уверены, что из Вас получится писатель? У Вас что-нибудь есть? Имеются ли отзывы?». Ответ Маковозова: «Да, есть. Могу прочитать». Вопрос: «Вы уверены, что в этом Ваше призвание?». Ответ: «Да, это моё призвание. Я должен быть литератором как можно скорее...».

Решение: Учащийся Маковозов зарекомендовал себя с отрицательной стороны. Педсовет ходатайствует об исключении учащегося Маковозова из числа учащихся техникума и перед комсомольской организации – об его исключении из комсомола. Это было очень резким решением, которое могло закрыть дальнейший путь ко всякому образованию. Но Маковозов ещё хохмит: «Спасибо за мудрое решение».

Неизвестно, что стало дальше с этим студентом и его занятиями литературой, но его история – это прямая аналогия с Рубцовым, который действительно стал в литературе России значительной фигурой.

Это ли не документальное свидетельство о творческой литературной жизни в техникуме? То есть об изоляции Рубцова от культуры в Кировске речь не может идти. Творческого вакуума тоже не существовало. Может не было старшего опытного наставника в стихах, но, с другой стороны, нажим на молодого поэта мог испортить и едва не испортил (как во время службы на Северном флоте) всю его поэтику, всю сущность его мировоззрения. А это мог быть совсем другой Рубцов и на Руси одним тонким лириком было бы меньше. Личного дела Рубцова Н. М. в архиве Хибинского Технического Колледжа (бывший Кировский Горно-химический техникум) не оказалось. Личные дела Н. Шантаренкова, Н. Рыжова и др. удалось скопировать. Обнаружить личное дело Рубцова было интересно ещё и по той причине, что в нём должна быть фотография поэта. Дело в том, что фотостудия в техникуме появилась только в 1956 году. Начиная с этого года, фотографий много, но, увы, без Рубцова. В личном деле Смирновой Е. И. сохранилась характеристика, подписанная директором техникума Глущенко, и свидетельство о 7-летнем образовании. Подобные документы могли остаться и в л/д Рубцова. У Жени Смирновой прошито как документ даже сочинение "Ниловна как типичный образ пролетарской женщины". Правда это сочинение уже третьего курса, но проверено М. И. Лагуновой с оценкой 4 [хорошо]. Такое же сочинение вполне могло остаться и в личном деле студента КГХТ Рубцова Н. М.

4 курс марки от 1957 г. Слева направо 1 ряд (справа) И. Жеряков, А. Иванова, В. Кострикин, Н. Собачинская, И. Шандарсков, 2 ряд: Подушков, Г. Тихомирова, А. Вороши, М. Татудова, В. Аюклиев, Н. Рогозина, М. Чиканова, 3 ряд: Крутова, А. Шерашева, В. Милов, В. Скавиль, И. Гречихина, К. Ворошица, В. Петелин, Котарова, И. Пестрова, 4 ряд: М. Онуфриенкова, И. Гомончев, В. Тескова, Л. Виноградова, Комельова, Г. Павловская, С. Смирнова, Г. Савина.

Существует несколько версий, почему личное дело не слишком усердного, не закончившего техникум студента Рубцова не сохранилось. Первая версия – затопление архива в старом здании техникума, некоторые дела на самом деле пришли в негодность и были списаны, но личные дела почти всей группы Рубцова сохранились. Вторая версия – когда в начале 80-х годов 20-го века стали активно интересоваться Рубцовым, кто-то принял решение изъять личное дело студента из архива, так как ни поведение, ни учёба его не украшали учебное заведение. В этом случае есть надежда, что документы где-то сохранились. Третья версия – наиболее правдоподобная. Наряду с л/д Н. Рубцова, автор статьи не смог обнаружить личных дел ещё нескольких студентов групп 1МС, 2МС. Все они были исключены из техникума, т. е. не получили среднетехнического образования КГХТ. Видимо, при отчислении часть документов личного дела возвращалась исключённому студенту, оставшиеся – выбрасывались. Техникуму было необходимо хранить документы выпускников, благополучно получивших горную специальность

и направленных по распределению в тот или иной промышленный район страны для работы (кстати, автор статьи не знает о существовании личного дела Н. Рубцова и из незаконченного им Тотемского Лесотехнического техникума).

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на литературном поприще в годы учёбы в Кировске у Рубцова всё было более-менее в порядке. Не совсем уж в отрыве от литературы чувствовал себя Рубцов. М. И. Лагунова, друзья, такие как Шантаренков, и общая творческая обстановка, видимо, пошли на пользу становлению Н. М. Рубцова как поэта. Не верится, что он совершенно бесполезно провёл эти полтора года в Кировске в смысле становления своего таланта. Конечно, если бы Рубцов остановился в росте, оставшись в стихах на уровне Кировска и Североморска, то не имела бы Россия своего национального поэта. Как бы могла сложиться жизнь Рубцова, если бы он закончил учёбу в Кировске? Кто знает... История не знает сослагательного наклонения. Что было – то было. Нам остаётся лишь разыскивать и изучать факты реальной жизни поэта. Но, может иногда, интерпретировать их в духе любви к поэзии Рубцова.

Не привлекали Николая нудные технические дисциплины маркшейдерской специальности. Творчество бурлило в нём, а не любовь к горному делу.

А Кировск – это юность поэта, его первые попытки найти себя в поэзии. Да, он ещё не печатался. Да, не показывал своих стихов почти никому. Так ведь никто и не стеснял его творческих порывов, не мешал учиться мастерству стихосложения за счёт огромного дарования и относительного благополучия в быту. Кировск не стал для Рубцова высокой поэзией, не вознесён им на пьедестал. Но благодарные жители Кировска и Апатитов помнят Рубцова, как одного из лучших поэтов России, и на Рубцовских чтениях ежегодно отдают дань памяти его высокому таланту.

ХИБИНСКИЙ ЭПИЗОД ВЕЛИКОГО ПОЭТА.

**Как Н. М. Рубцов пытался стать маркшейдером
(по воспоминаниям и архивным материалам)**

Николай Михайлович Рубцов – большой русский поэт. Это признают все. Почитатели и знатоки поэзии считают его великим русским поэтом. Творчество Рубцова оказало влияние на огромный пласт поэзии 20–21 века. За его удивительные стихи он и любим людьми, этим он и интересен в первую очередь. Вместе с тем есть и неодолимое желание познакомиться с поэтом как с человеком, прояснить некоторые факты его биографии.

Таким белым пятном долгое время после его смерти был Хибинский период жизни тогда ещё не поэта, а просто 17-летнего паренька Коли Рубцова. Каким он был в те годы? Как происходило становление личности, какие события оказывали на него влияние в годы учёбы в Кировске? С какими людьми он столкнулся в Хибинах? Это важно, если мы хотим глубже понять более позднее творчество Рубцова. Обычно молодость – это время безумств, неосознаваемых поступков, но и трезвых, принципиальных решений, определяющих будущее. Было ли таковым решение Рубцова стать студентом в заполярном Кировске?

Итак, в конце лета 1953 года Рубцов приезжает в Кировск. Не удалось точно ответить на вопрос, что же заставило его изменить морю (он работал в г. Архангельске в тресте Севрыба, ходил в море на траулере) и приехать поступать в Кировский горно-химический техникум. Должен отметить два обстоятельства, что работа на траулере была физически очень тяжёлая, а КГХТ уже в то время был кузницей кадров для горнорудной промышленности Мурманской области и не только.

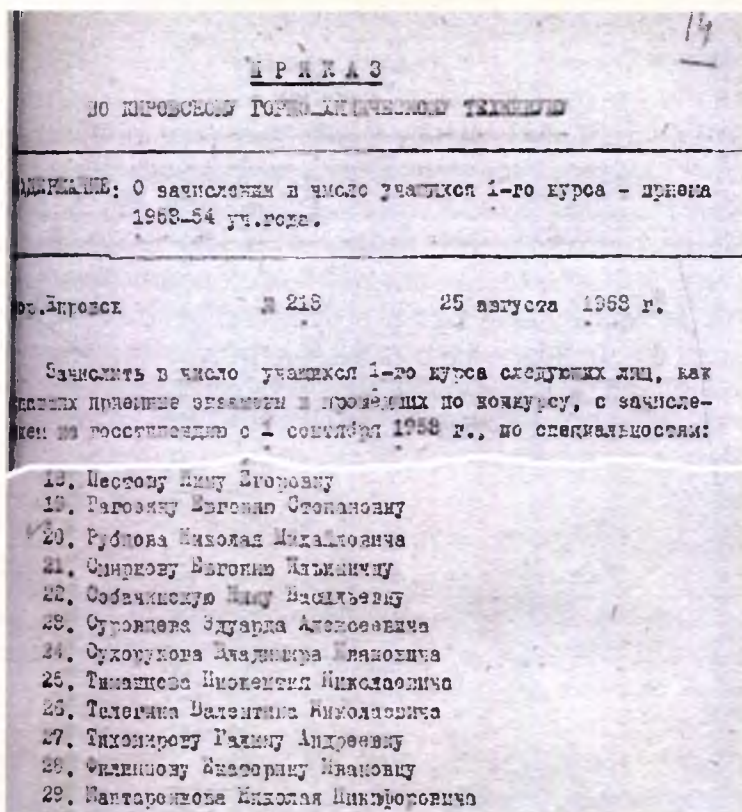
Николай Рубцов. 1953 г.

Однако можно предположить, что матросу Рубцову попало на глаза объявление в газете об условиях приёма, приличной стипендии, форменном обмундировании, которым обеспечивал техникум. Может быть, в отпуске на родной Вологодчине он от друзей узнал о существовании горно-химического техникума. По крайней мере так попал в студенты из Кичгородского района Вологодской области его будущий товарищ, с которым он жил в одной комнате общежития, Е. В. Ивановский. Евгению Васильевичу автор статьи очень благодарен за воспоминания, исчерпывающие и правдивые подробности, за любовь и уважение к своему другу. (Кстати из Е. В. Ивановского получился маркшейдер [1] с большой буквы. Он был и есть ведущий специалист ОАО «Апатит»). Практически всё время обучения Рубцов ходил в бушлате, флотских брюках (застёжки на боку). Белое кашне (шарфик) было его отличительной деталью одежды, и этим кашне он и запомнился многим студентам КГХТ середины 50-х годов.

Смирнова Е. И. – его однокурсница – отмечает, что Николай был общителен среди девушек и ребят. Светловолосый, с тёмно-кариыми проникновенными глазами, в морской тельняшке, он танцевал с ней на новогоднем балу. Рубцов всё подмечал, пристально присматривался ко всему. На лекциях любил всех разглядывать, как-то сказал Жене: «Ты, Смирнова, в профиль похожа на птицу». А она ему ответила: «Слушай лекцию». Вот такой роман без развития.

На фотографии, датируемой 1953 годом, Рубцов выглядит бывалым морячком, а не будущим маркшейдером. Однако приказом за № 218 от 25 августа 1953 года Николай Михайлович Рубцов был зачислен студентом с госстипендией по специальности «Маркшейдерское дело» в Кировский горно-химический техникум. Ребята, которые поступали в КГХТ, не очень разбирались в своих будущих специальностях. И выбор Рубцовым маркшейдерской специальности (МС) видимо был случаен. Возможно, набранные на вступительных экзаменах баллы совпали с проходными на это отделение. Даже впоследствии, уже будучи студентом, Николай грезил о море, - не в гору, а в море тянула его судьба. По воспоминаниям М. А. Салтан, учившейся в одни годы с Рубцовым, нынешней хранительницы истории Хибинского Технического колледжа, на всту-

пительных лекциях маркшейдеров называли «горными штурманами». Может, это название и подкупило молодого Рубцова духом моря.

Приказ от 25 августа 1953 года о зачислении Н. Рубцова в число учащихся Кировского горно-химического техникума по специальности «Маркшейдерское дело».

Однако в маркшейдерском деле было мало романтики. Преподаватели называли «маркшейдерия – наука точная», и некоторые студенты – «наука тошная».

Студент Рубцов был старше своих товарищей по группе 1МС. Он уже учился в Тотемском лесотехническом техникуме, ходил в море, а основная масса студентов поступала в техникум после се-

милетки. Из друзей Николая называют Н. Шантаренкова, Н. Рыжкова, Е. Ивановского. Лирических историй с девушками у Рубцова в те годы, судя по воспоминаниям, хватало с избытком.

Группа 1МС, судя по материалам педсоветов и анализу успеваемости, была не из худших в техникуме. Николай Рубцов учился неровно, не технарь скрывался под флотской одеждой, а лирик. Рвения за ним в изучении горных дисциплин не замечалось. Другое дело – русский язык и литература. Классным руководителем группы 1МС (впоследствии 2 МС) и преподавателем этих дисциплин была тогда молодая выпускница Ленинградского Государственного университета Лагунова Маргарита Ивановна. Её влияние на жизнь Рубцова в то время очевидно. По воспоминаниям Пузачёвой Г. И., Лагунова считала Рубцова творческой личностью. «У Коли настоящий талант», – её подлинные слова. На уроках зачитывала его сочинения, ставила в пример остальным. Коля Рубцов для неё был кумиром. Если это и преувеличение, то простительное, годы увеличивают позитивные моменты молодости. А вот по рассказам Савкиной Е. К., ещё одной сокурсницы Николая, именно Лагунова посоветовала Рубцову не учиться дальше в техникуме, а заняться литературой. Может, этим она сыграла в будущей судьбе поэта очень позитивную роль. У них были совершенно точно доверительные отношения, и, возможно, Рубцов показывал любимому преподавателю свои стихи и советовался с ней, как с человеком, окончившим филологический факультет университета. Лагунова, возможно, была и единственным адресатом Рубцова в Кировске после исключения его из техникума. Рубцов писал ей из Мурманска, когда искал там следы пребывания С. А. Есенина. Известно, что Николай в эти годы многие письма писал стихами, подходя вплотную к главному делу своей жизни. И, возможно, какие-то строки о Хибинах были в этих письмах. Но увы, следы М. И. Лагуновой обрываются приблизительно в 1956–57 гг., этим заканчивается её личное дело в техникуме. Известно, что она уволилась и уехала из Кировска в Ростов-на-Дону, где вышла замуж за литератора Лебеденко П. В. Удалось найти её адрес, но следы снова оборвались, а ведь, найдись она, может случиться литературоведческая находка, а Хибины приобретут своего певца, и какого... (В основном эти надежды не оправдались. М. И. Лагунова опубликовала свои воспоминания в журнале «Дон», 2007 г., №1, стр. 251–255. Ничего принципиально нового о студенте Рубцове она сообщить не смогла.)

А пока Лагуновой М. И. в 1953 году хватало со студентом Рубцовым и проблем...

В приложении без купюр печатаются протоколы педсоветов ГХТ, найденные автором статьи в филиале Государственного архива Мурманской области в г. Кировске.

Самое смешное при анализе протоколов заключается в том, что если бы Рубцов Николай был примерным учеником, то в официальной истории техникума не осталось бы о нём почти никаких документальных сведений. А так имеем материал для размышления.

113

П Р И К А З

ПО КИРОВСКОМУ ГОРНО-ХИМИЧЕСКОМУ ТЕХНИКУМУ

СОДЕРЖАНИЕ: 3 объявлением административных замечаний учащимся.

гор. Кировск

г. 25

19 октября 1954 г.

Партия и Правительство уделяют большое внимание созданию здорового быта для советских людей. Значительная часть учащихся техникума ценит эту заботу Партии и Правительства и своей хорошей учебной и дисциплинарной работой оправдывает звание советского учащегося.

Однако, отдельные учащиеся плохо готовятся к урокам, допускают нарушения дисциплины, употребляют спиртные напитки.

Так, например:

Учащиеся 2-го курса ГХТС Мезенцев, Алексей, Телов и др., учащиеся 2-го курса КС Рубцов, 23/X-54 г., под предлогом проводов товарищей в Советскую Армию, устроили в общежитии коллективную выпивку, после чего учащиеся шум, выражались нецензурными словами и нетактично вели себя с командиром общежития;

на вечер отuida 24/X-54 г. учащиеся 4-го курса 2 гр. ГХС Котса и Исаев были в нетрезвом состоянии и вели себя плохо;

учащиеся IV курса ГХС Донсков, Копев, Назов С., Соколов, Семитский, Владимирцов 28/X-54 г. в общежитии устроили выпивку, учащиеся шум и в общежитии допустили антисанитарно.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. За допущение выпивки в общежитии учащими 2 ч. ГХТС Мезенцев, Алексею и Телову объявить 3 М Г О В О Р, а группу учащихся 2-го курса ГХТС на доску Почета не зачислять.

2. За допущение выпивки в общежитии учащемуся 2 ч. КС Рубцову объявить 3 М Г О В О Р.

13

на рудника и подчеркнул ответственность маркшейдера без преувеличений. На протяжении полутора лет приходилось бывать в этой группе не раз. Уч-ся Голыгина залустила материал в основной предмет - геодезию. В случае, если пересдача будет разрешена, ему за месяц все равно не справиться. Предложение - отчислить.

ГЛУШЕНКО А.В. поддержал предложение об исключении и предложил обратить внимание на то, что в этом случае есть вина нехорошей работы, брак в воспитательной работе.

РЕШЕНИЕ: Просить дирекцию отчислить учащегося П. И. М.С. Голыгина из числа учащихся техникума.

10/ СЛУШАЛИ тов. БОБЫРЕВА Г.Г., который сообщил, что учащийся П. курса МС Рубцов имеет оценки "2" по черчению, геодезии, математике.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

КУТКОВА А.А. сказала, что Рубцов прошлый год по математике занимался хорошо. В этом году ушел с письменного экзамена, устный экзамен отвечал хорошо, но не знал производных, получил "2". Уверена, что Рубцов пересдаст математику.

МОРОЗОВ И.А. сообщил, что при беседе с Рубцовым выяснилось, что он считает, что учиться не следует, т.е. дисциплина уже снижена. Рубцов был исключен из мореходного училища за плохую дисциплину. Тов. Морозов предложил исключить Рубцова, т.е. в случае если и останется, то учиться все равно не будет.

РЕШЕНИЕ: Просить дирекцию техникума исключить уч-ся П. И. М.С. Рубцова из числа учащихся.

11/ СЛУШАЛИ: тов. БОБЫРЕВА Г.Г., который сообщил, что уч-ся П. курса МС Филиппова имеет оценки "2" по предметам: геодезии, физике, черчению и дисциплину "3" за I семестр.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

КУТУЗОВА А.А. отметила, что уч-ся Филиппова очень ленивая, занимается слабо. Предложила разрешить пересдачу, но в короткий срок.

ОБЕКИНА И.И. сообщила, что черчение Филиппова сдает на единицы. Очень несерьезно относится к занятиям. Имеет сестрой, сестре очень хочется, чтобы она училась. Чтобы она готовила уроки сестра закрывает её в комнате на ключ, но Филиппова в окно убегает на танцы. Ей необходимо потрудиться на производстве.

МОРОЗОВ И.А. сообщил, что Филиппова имеет по истории оценку "2". Говорила, что неправильно поставлены глаза, трудно учить уроки, говоря, что хочет заниматься музыкой. Никак не может сосредоточиться на уроках. Нужно, чтобы она могла работать.

КУВИН А.М. сообщил, что Филиппова пропустила два зачетные занятия, сдавать зачет с другой группой не явилась.

ГЛУШЕНКО А.В. - предложил исключить Филиппову, т.е. специалиста из нее не получится.

РЕШЕНИЕ: Просить дирекцию отчислить уч-ся П. курса МС Филиппову из числа учащихся.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Дата	Срок	Дата окончания срока, номер дела и № приказа о предоставлении	Дата и № приказа о предоставлении	Содержание решения	Наименование государственного и общественного (по месту работы) учреждения
1	Рубцов Николай Иванович	1954	15	15.03.1954	15.03.1954	15.03.1954	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
2	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
3	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
4	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
5	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
6	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
7	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
8	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
9	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
10	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
11	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
12	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
13	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
14	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
15	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
16	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
17	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
18	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
19	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта
20	Рубцов Николай Иванович	1955	15	15.03.1955	15.03.1955	15.03.1955	Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта

Первый подсовет датируется мартом 1954 г., второй – январём 1955 г. То есть Рубцов учился ещё почти год после выговора с предупреждением. Он даже получил госстипендию за лето 1954 г. и видимо на эти деньги и плюс на деньги, заработанные за разгрузку вагонов с овощами, он поехал в Среднюю Азию, в г. Ташкент, туда было распределение выпускников ГХТ и там же студенты проходили практику. Так что его стихи «Да умру я», возможно, написаны в окружении кировских приятелей. Это настроенное какой-то никчёмности, безысходности, понимания ошибки своей учёбы всё больше овладевает Рубцовым. Если на 1-м курсе учёба проходила более-менее гладко, то на 2-м курсе пошли специальные дисциплины и Рубцов окончательно потерял интерес к учёбе в техникуме. Гарантированный кров в общежитии больше не удовлетворял Рубцова, как и неплохая стипендия. Маркшейдерская наука уж точно стала «тошной» для него. Николай и ещё несколько студентов за распитие спиртных напитков и шум в общежитии получают выговор в приказе. Не в оправдание конечно, но

в соседнем бараке, где жили рабочие, гулянки вообще шли едва ли не каждую ночь.

Об этом стихи Рубцова 1955 г. «Уж сколько лет слоняюсь по планете».

Вообще поведение Рубцова весьма противоречиво и неоднозначно. Он мог просидеть у девчат в комнате всю ночь, пересказывая романы, которых он начитался в плаваниях. Это хорошо запомнила Смирнова Е. И. Писал в стенгазету стихи о сокурсниках. Начало было такое: «Две подружки, две болтушки...», продолжение забылось. Любовался северным сиянием и любил петь песню «Я люблю тебя так, что не сможешь никак ты меня никогда, никогда полюбить», а не «разлюбить», как в оригинале.

Е. К. Савкина вспоминает такой случай.

Она, хрупкая девчушка, только закончившая 7 классов и остро нуждавшаяся, приехавшая из деревни в Кировск с подружкой, тоже студенткой, была, с разрешения директора техникума А. Глушенко, устроена подрабатывать уборщицей в студенческое общежитие. С огромным ведром она зашла в комнату, где в это время находился Коля Рубцов. Евгения Константиновна до сих пор помнит полные сострадания и грусти глаза студента. Он, наверное, вспомнил и свою жизнь, и детство без родителей, и детдом, и как это всё было трудно — жить без писем от родных, без редких посылок от родителей. Рубцов был старшим в своей группе, и он опекал таких, как он, детдомовцев. Например, Катя Филипова об этом с благодарностью вспоминает. Ну, а в душе Е. К. Савкиной до сих пор запечатлён тот растерянный, жалеющий и всё понимающий взгляд Николая Рубцова. Кстати, вскоре студенткам запретили подрабатывать уборщицами.

На уроках геодезии (одна из основных дисциплин маркшейдеров), уже на 2-м курсе, преподаватель несколько нетактично относился к студентам. Рубцов был вызван к доске и должен был отвечать. Между ним и преподавателем произошёл конфликт, в котором переплелись два самолюбия. Студент кинул тряпку в сторону преподавателя. За этот проступок М. И. Лагунова (согласно документам) просила снизить оценку по поведению Николая до «4». Педсовет поставил «3». Но Рубцова оставили в техникуме, хотя поступок его был, конечно же, неблагоприятен. А может, дело в том, что разуверившийся в необходимости для него учёбы, студент бросил

тряпку в сторону впустую ушедшего времени, в сторону неинтересной для него будущей профессии, в сторону учёбы, не оправдавшей его, Рубцова, каких-то чаяний.

Одногруппники Николая Рубцова, справа налево:
Женя Смирнова, Женя Rogozina, Лида Виноградова,
Женя Савкина.

А в каких условиях проходила учёба студентов и, конечно, Рубцова в те годы?

Автор постарается придерживаться фактов, которые были сообщены очевидцами и бесстрастно зафиксированы документами тех лет.

Первое общежитие Николая — это просто барак. На педсовете, по итогам работы за 1-ю четверть 53–54 гг., выступила М. И. Лагунова: «Мы требуем, чтобы учащиеся хорошо учились. Но условия работы в общежитии не нормальны. Нет дров, печи неисправны. В полах — щели, нет топоров, пил, в помещениях холодно. Необходимо улучшить обстановку». На что комендант заявляет: «Колуны в общежитии имеются, в каждом доме имеется по 3-4 топора. Дрова пилят и подвозят». Во втором общежитии, по воспоминаниям Ивановского, условия были гораздо лучше, правда Рубцов в этом общежитии почти и не жил.

Общежитие техникума в Кировске, передняя

Общежитие горно-химического техникума.

А сначала — комната на 8 человек. Студенты, получая посылки, делились сухарями и салом друг с другом. Рубцов одинок и посылок не получает. Рубцову, как и другим студентам, приходится разгружать вагоны с овощами для получения каких-то денег.

Стипендия была 280 руб. (это старые деньги). Общежитие стоило чуть более 10 руб. Большим благом было то, что в столовой техникума можно было за 210 руб. купить абонемент на ежедневное, в течение месяца, 3-х-разовое питание. А можно было питаться только в обед. Кто хотел, шил форменное обмундирование, но в 1953 г. оно стало необязательным. Рубцов всё своё Кировское студенчество проходил в матросском бушлате. Если говорить об учебной базе техникума, то она медленно, но верно, улучшалась. Это видно из материалов протоколов педсоветов того времени.

Но давайте вернёмся к Рубцову. Он и тогда уже был незаурядным человеком. Он не хулиган, не ярый прогульщик и двоечник. Но за поведение и учёбу Николая тоже вызывали на педсоветы. Однако входили в его положение. Ведь кроме общежития у него не было на этом свете никакого угла. У студента Рубцова не было никакого дохода, кроме стипендии (а ему уже 17 лет), а его упрекали, что он пошёл учиться в техникум только из-за повышенной стипендии. Есть мнение, что, выбери Николай Рубцов другой факультет (не маркшейдерский), он бы точно доучился до диплома, а так Рубцов, проучившись на 2-м курсе 1 семестр, был отчислен по реше-

нию педсовета из Кировского горно-химического техникума 29 января 1955 года, приказ № 24. Сокурсники уговаривали его остаться, пересдать 3 предмета, но Рубцов уже зачеркнул кировскую страницу своей биографии. Ещё один возможный вариант его дальнейшей жизни не состоялся. Есть сведения, что Рубцов уехал или в Мурманск, или под Ленинград. Факт тот, что из Приютино (под Ленинградом) он был призван служить в Северный флот. Но это уже был совсем другой Рубцов. Этот период жизни более хорошо известен.

Да, не получился горняк из Рубцова, не дались ему недра Хибинских гор, зато как глубоко копал он в своей душе, какое поэтическое богатство оставил нам всем.

В Хибинах, в Кировске, остались о Коле Рубцове память и легенды.

Катя Филиппова вспоминает, что сидела она впереди Рубцова и очень любила танцевать. На выборах старосты группы Рубцов предложил кандидатуру Филипповой, кто-то крикнул с места: «Так у неё же «двойка» по геодезии». «Ну так что», — невозмутимо парировал Рубцов, — «а зато она лучше всех танцует».

Одна из подруг, М. А. Салтан, пришла к девчонкам в крайнем возбуждении — «Смотрите, какое замечательное стихотворение написал Колька» (а дружила она с другом Рубцова (тоже Николаем Михайловичем) Рыжковым. «Что, Колька Рыжков?»). Да нет, Рубцов!». Это стихотворение, переписанное у друга Н. Рыжковым, девушка долго хранила. Но оно потерялось. М. А. Салтан уверяет, что это было знаменитое «Я долго буду гнать велосипед».

При написании статьи автора очень интриговал вопрос, почему Рубцов в своём зрелом творчестве никак не упомянул Хибины, (Правда в архивах у поэта сохранились строчки, посвящённые Кировску, нынешнему Колледжу), не затронул ни темы природы, ни белых ночей, ни очарования Севера. Попробуем порассуждать на эту тему. Во-первых, это может быть и вовсе не так. До сих пор не найдена тетрадь 24—48 листов со стихами, которую листал Е. В. Ивановский. То, что там было стихотворение «Деревенские ночи», он помнит совершенно отчётливо. В прижизненном сборнике «Душа хранит» 1969 года, сам поэт датирует только два стихотворения: «Деревенские ночи» — 1953 г. и «Первый снег» — 1955 г. Правда не уточняя, где эти стихи написаны. Во-вторых,

в более поздних стихах Рубцов глобально отвечает на этот вопрос: «Я тему моря взял и тему поля, а тему гор другой возьмёт поэт». А Хибин — это, в первую очередь, красивые горы, ибо г. Кировск в 1953–1955 гг., при всём желании, раем на Земле было трудно назвать. В конце концов рубцовское «О чём писать? На то не наша воля...» — тоже является исчерпывающим объяснением. Хочу привести рассуждение писателя, издателя, директора музея Современной поэзии (музея Н. М. Рубцова) в г. Вологде В. С. Белкова: «Видимо в 1954–1955 гг. Николай уже сочинил немало стихотворений, до нас почти не дошедших». То есть общественность Хибин остаётся с надеждой, а вдруг они найдутся. «В 1958–1959 гг. поэт пишет мало и в основном схематические газетные стихи. В сборник «Волны и скалы» он не включил ни одного стихотворения 58-го и только 2 стихотворения 59-го года, написанные уже после демобилизации. В 1960–62 гг. новый творческий взлёт поэта!». Итак, почему Хибин остался вне творчества поэта? Почему полтора года никак не отразились в его зрелой поэзии?

1) Обида за исключение из техникума.

2) Не успел оценить красоту Хибин, её ягодное и грибное раздолье (сент. 1953 г. — поступил в ГХТ; лето 1954 г. — в Ташкенте; зима 1955 г. — отчислен).

3) Стихи этого периода творчества не удовлетворяли взыскательного к себе поэта.

4) Может, Хибин — это вообще случайный эпизод в жизни Рубцова.

Однако, возможно, в Рубцовской тетради были и стихи, посвящённые Хибинам.

Н. М. Рубцов давно уже классик русской поэзии, а классиком я считаю поэта или писателя, чьи произведения печатаются в учебниках по родной речи для начальной школы. Этому возрасту не соврѣшь. Уж они, наши маленькие дети, точно знают, что такое хорошо. И хорошо, что составители учебных пособий это понимают. А 2006 год, год 70-летия со дня рождения Н. М. Рубцова, объявлен ЮНЕСКО «Годом Рубцова». В память об учёбе Н. Рубцова в Хибинах стараниями нынешнего директора Хибинского Технического колледжа Коптяева А. М. в 2002 году открыта памятная доска и это очень правильно. Ведь Рубцов Н. М. дорог и жителям Хибин, и России, и всему миру.

С 1994 г. в г. Апатиты, а с недавнего времени и в Кировске, проходят Рубцовские чтения. И это не только дань памяти поэту, это и живое культурное событие, можно сказать, всей Мурманской области. Организаторы чтений и почитатели поэта принимают гостей из Мурманска, из обеих столиц и не только писателей и поэтов, но и священнослужителей, политиков, бизнесменов. И всех нас объединяет любовь к поэзии Рубцова. Все мы чувствуем себя внутренне одухотворёнными, духовно богатыми, потому что сияет звезда поэзии Рубцова, потому что он всегда с нами. Спасибо, поэт Н. М. Рубцов.

Автор благодарит за помощь и поддержку в написании статьи:

Жаренову И. И. – специалиста 1 категории ФГОУ «ГАМО» в г. Кировске;

Худобину В. С. – главного хранителя фондов Кировского филиала областного Краеведческого музея;

Коптяева А. М. – директора ХТК;

Яковлеву Н. Е. – зав. Архивом ХТК.

А также поделившихся воспоминаниями о Рубцове бывших студентов и преподавателей техникума:

Ивановского Е. В.

Смирнову Е. И.

Савкину Е. К.

Пузачёву Г. И.

Хрисанову Л. М.

Их жизнь и деятельность тоже ярко осветила звезда Н. М. Рубцова.

Примечания

[1] Маркшейдер – специалист по геодезическим съёмкам горных разработок и эксплуатации недр. Геодезия – наука о формах и размерах земли и об измерении земельных площадей.

Статьи к данному изданию не редактировались и не дополнялись.

РУБЦОВ И СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

По вновь открывшимся фактам и документам флотской службы и начала творческого пути русского национального поэта

Позднее я стал печататься в газете «На страже Заполярья» – газете Северного флота. Там я уже на себе испытал, что значит быть связанным строго заданными темами...

Главная-то мысль всё равно не оригинальна, поскольку она газетная, казённая, как матросская шинель, выданная под расписку.

Н. Рубцов из письма Герману Гоппе.

Нельзя сказать, что тема, заявленная в названии, блистает новизной. С удовольствием познакомился с публикациями предшественников по её раскрытию. В. Е. Кузнецова, А. А. Миланов, В. В. Сорокажердьев, М. А. Полётова, Н. М. Коняев, Н. Т. Ефремов и другие – каждый из них в своё время писал о службе и творчестве Рубцова на Северном флоте. Важными источниками в понимании темы также стали воспоминания Г. П. Фокина, Б. С. Романова, В. И. Сафонова. Однако новые материалы последнего времени заставили взяться за перо с целью дополнить и уточнить труды коллег.

Архивные материалы о прохождении службы старшего матроса Рубцова Николая Михайловича собраны по поручению начальника Генштаба Вооружённых Сил России генерала армии Ю. Н. Балуевского в 2005–2006 гг. Эти материалы любезно предоставила автору статьи дочь поэта Е. Н. Рубцова.

Глава I

Матрос Рубцов: документальная летопись службы

Из учётно-послужной карточки, составленной 1 октября 1955 года, мы узнаём много интересного о призывнике и матросе Николае Рубцове. Последним местом работы его была Ржевка, в/ч 31391,

основной гражданской специальностью на момент призыва – слесарь-сборщик. Николай – член ВЛКСМ, образование – 7 классов (почему-то не указывается, что учился в двух техникумах. Прим. автора статьи), не служил, не участвовал, не привлекался, не судим, наград не имеет, холост. Из родных Рубцов указывает только брата Альберта (у Альберта в пос. Приютино и жил до призыва Николай. Прим. автора).

А вот это уже интересно и конкретно! 23 ноября 1955 года Всеволожским РВК (райвоенкомат) Ленинградской области он признан годным к строевой службе и мог управлять мотоциклом и велосипедом. А любимым видом спорта Николая в те годы, согласно учётной карточке, был волейбол. Он не владеет иностранным языком, а своим родным языком считает русский. (Спешу заметить, что теперь каждый, владеющий русским языком, считает поэта Н. Рубцова своим родным).

К сожалению, графы о военной подготовке (наименование курсов, номер приказа об окончании), о присвоении воинских званий, о назначении на должности, о переводе из одной части в другую не заполнены. О событиях в службе матроса Рубцова будем судить по приказам.

Приказ № 450 по войсковой части 62656 от 05 декабря 1955 г.

Содержание: по личному составу: зачислить в списки части и все виды довольствия и числить прибывшими для прохождения дальнейшей службы с 1956 года... (перечисляются фамилии).

20. Рубцов Николай Михайлович, матрос, ученик дальномерщика.

(Войсковая часть № 62656 – это эскадренный миноносец «Острый», а о военных специальностях матроса Рубцова приказы ещё не раз упомянут. Прим автора).

На корабле даже молодой матрос должен был занимать какую-то должность и до получения специальности дальномерщика матрос Рубцов занимал в 1956 г. (первый год его службы), согласно **приказу № 171**, штатную должность электрика артиллерийского. В августе 1956 г. **приказом № 279** командир войсковой части 62656 в посёлке Роста допускает личный состав к самостоятельному обслуживанию своих заведений. Т. е. матрос Рубцов становится полноправным дальномерщиком боевого эсминца.

Видимо, служба нравилась Николаю, и в декабре 1956 г. **приказом командира корабля № 404** матросу Рубцову объявляется благодарность за хорошие достижения в освоении боевой техники.

Год службы был позади. Матрос Рубцов вполне освоился на корабле. Хорошее владение специальностью оставляло время для отдыха, общения с друзьями. На фотографиях Рубцов с гармонью, в рабочей робе и в парадном строю гордо несёт звание моряка.

А с 1957 г. Рубцов пишет письма-открытки. Тае Смирновой в Приютино, нередко стихами. Свободное время и возникновение при газете «На страже Заполярья» литературного объединения – стали основными причинами появления «флотского» поэта Рубцова. Правда и талант стихотворца не давал матросу покоя уже давно.

Ну, а служба на корабле идёт своим чередом. Рубцов стоит вахты (с 2.05.57. на 3.05.57. – вахтенным на полубаке, например). Назначается в группу управления артиллерийским огнём на должность главного наводчика КДП (кормового дальномерного поста. Прим. автора) – 14 апреля 1957 г., **приказ № 109**.

С 24 мая 1957 г. будущий поэт числится убывшим в Военно-морской госпиталь. О чём сам Рубцов пишет в письме своему другу В. Сафонову: «Пишу тебе из мурманского госпиталя. Требовалась лёгкая операция – вот я сюда и угодил». (Рубцов был в госпитале два раза. Возможно, это письмо относится ко второму эпизоду его попадания в госпиталь – 12.05.59. Прим. автора).

А уже в октябре 1957 г. приказ бесстрастно фиксирует: «Числить прибывшими 24.10.57 года, как ниже указано: матрос Рубцов Н. М. с гауптвахты». Тот не служил в армии и флоте, кто не побывал на губе. Вполне заурядное наказание за флотские шалости.

Два года службы во флоте закалили характер Рубцова, а 1 мая 1957 г. состоялась его первая газетная публикация стихотворения «Май пришёл» в газете «На страже Заполярья». Служба же на эскадренном миноносце шла своим чередом.

В апреле 1958 года приказом командира войсковой части 62656 наряду с другими матросами (например, Г. П. Фокиным – речь о нём пойдёт далее) матрос Рубцов Н. М. получает классификационный билет и значок ГТО (готов к труду и обороне) первой ступени. Для матроса это была серьёзная награда, которая подтверждала хорошие кондиции человека в спорте и отражала уровень его великолепного здоровья. Далеко не все могли получить значок ГТО первой ступени.

В апреле 1958 г. матросу Рубцову объявляется отпуск сроком на 51 сутки. (Проводит его Николай у брата Альберта в Приютино. Прим. автора). 14 июня 1958 г., согласно приказу, Рубцов числится прибывшим в свою часть из отпуска.

30 декабря 1958 г., согласно **приказу № 371** о недостатке вещевого имущества и наказании виновных, с матросом Рубцовым произошла неприятность – пропали яловые сапоги, которые он хранил не в рундуке, а под рундуком (возможно, просушивал. Прим. автора). Но спасибо командиру корабля капитану III ранга И. Капитанцу – стоимость сапог на сумму 115 рублей 50 копеек была списана за счёт государства.

В последний год службы Рубцов становится старшим матросом (ему присваивается это звание). В госпиталь 12 мая 1959 г. убывает уже старший матрос Рубцов (по-армейскому – ефрейтор. Прим. автора).

И вот интереснейшие приказы: от 30 августа 1959 г. – считать убывшими в командировку 10 матросов эсминца (в том числе и Рубцова), и приказ от 22 октября 1959 г. – считать прибывшими из командировки троих матросов (в том числе и старшего матроса Рубцова). С большой долей вероятности это и была командировка для «обслуживания» ядерного взрыва на Новой Земле, который Рубцов наблюдал с моря.

Есть мнение, что по этой причине будущий великий поэт начал рано лысеть, но если посмотреть на фотографии Альберта, старшего брата Рубцова, того периода, то и он уже «шелестел остатками волос». Правда до конца здесь исключать ничего нельзя.

Уже на следующий день **приказ № 370** от 23 октября 1959 г. увольняет Рубцова Николая Михайловича, старшего матроса, дальномерщика в запас. Убыл матрос в распоряжение Всеволожского райвоенкомата. К брату Альберту выписал Николай проездные документы, получив на дорогу 3 суток. Несколько ранее старший матрос Рубцов Н. М., визирщик, был выведен за штат.

Завершилась «морская» дорога поэта. Больше он не вернётся на море. А в конце этой главы хочется назвать поимённо капитанов эсминца «Острый» во время службы Рубцова Н. М. В разные годы ими числились:

К. Ф. Морозов, капитан III ранга (1956 – нач. 1958 гг.);

В. М. Гринчук, капитан III ранга (1958 г.);

И. М. Капитанец, капитан III ранга (конец 1958 – 1959 гг.).

Долго ещё носил поэт Николай Рубцов тельняшку, как память о флоте, красивую и практичную. А некоторые флотские привычки ещё долго сопровождали его по жизни.

Да и Северный флот не простился с именем Николая Рубцова. Один из разъездных катеров флота, которые обычно не имеют названий, в 2006 г., по ходатайству губернатора Вологодской области В. М. Позгалёва, стал носить имя «Николай Рубцов».

В составе Северного флота катер находится с 1998 г., длина его 24 метра, ширина – 5 метров. Катер «Николай Рубцов» может перевозить до 50 тонн груза. Экипаж – 4 человека (мичман и три матроса). Суда подобного типа – это трудяги по обеспечению различными грузами больших кораблей. Разъездные катера развозят также грузы военного назначения по всему Кольскому полуострову, и тысячи людей видят название корабля.

Итак, служба «Николая Рубцова» на Северном флоте успешно продолжается. И очень хорошо, что моряки не забывают поэтов.

Приложение к Главе I

Тактико-технические данные эскадренного миноносца «Острый» и военных специальностей матроса Рубцова Н. М.

Что же из себя представлял корабль, на котором служил будущий поэт? Эскадренные миноносцы проекта «Мина 30 бис» были весьма грозными кораблями. В середине 50-х годов XX века около 20 кораблей этого типа носили имена на букву «О»: «Осторожный», «Отчаянный», «Ответственный» и «Острый», на котором и проходил службу Николай Рубцов. Эти миноносцы сопровождали в дальних походах эскадры (отсюда – эскадренный миноносец).

(Внешний вид корабля «Острый» сохранился в фотографиях Рубцовского фонда № 51 ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Видимо, втайне от командования матросы фотографировали корабли этого класса на рейде и в море. Эти фотографии никогда не публиковались. Наверное, и показывать их друзьям Рубцову было в те годы небезопасно. (Можно было получить очень серьёзные неприятности как за разглашение государственной тайны. Прим. автора).

Это были многоцелевые боевые единицы. Судите сами: около 400 человек экипажа, водоизмещение – 3 000 тонн, длина – 120 метров, осадка в воде – 6 метров, скорость хода – 38 узлов. Две главных башни с 4-мя 130-мм орудиями, 2-мя 100-мм. орудиями, 6 установок «В-11» – это спаренные 37-мм пушки, 2 пятитрубных торпедных аппарата. Очень сильное вооружение для борьбы с подводными лодками. Эти корабли несли на борту много мин.

Глазами и ушами всей этой боевой мощи были дальномеры (приборы для замера расстояния до цели). Они обслуживали центральную систему стрельбы. Этот серьёзный и тяжёлый прибор обслуживали 3–4 человека. Служба Николая Рубцова на эскадренном миноносце «Острый» и была связана с дальномером. И, видимо, по должности он дослужился до главного наводчика одного из двух дальномеров корабля. Это была серьёзная военная специальность поэта.

«Визирщик» – смежная военная специальность Н. М. Рубцова. Визир – это оптический прибор, являющийся вспомогательным средством поиска и обнаружения морских, воздушных и береговых целей для наведения дальномеров, а также корректировки артиллерийского огня.

(Сведениями о кораблях поделился с автором капитан-лейтенант, командир подводной лодки В. А. Носов. Цифровые данные взяты из военно-морского словаря. Прим. автора).

Глава II.

Начало литературной деятельности Н. М. Рубцова в Заполярье. (Неизвестные факты по архивным материалам)

В этой главе автор не претендует на бесспорное раскрытие темы. Рубцов слишком многогранен в литературной жизни, даже в начале поэтической карьеры. Он, по каким-то причинам, не делился ни с кем некоторыми фактами своей творческой биографии. Лишь архивные документы смогли прояснить её. Вырезки из газет, черно-

вики, письма, записные книжки, машинописные материалы, связанные с творчеством поэт хранил в своём архиве, и после смерти они стали достоянием исследователей. Надо отметить, что работ, посвящённых литературной деятельности матроса Рубцова на Северном флоте не много. Из-за недостатка информации они грешат неточностями и схематичностью. Исключение составляет статья В. Е. Кузнецовой, опубликованная в альманахе «Наука и бизнес на Мурмане. Рубцовский форум». Валентина Евгеньевна очень интересно и полно раскрыла деятельность литературного объединения при газете «На страже Заполярья» ещё в докладе на Рубцовских чтениях в г. Тотъме летом 2008 г. Она провела ценную поисковую и архивную работу по уточнению роли в лито матроса Рубцова. Подобную работу в Вологодском областном государственном архиве (ГАВО) провёл и автор этой статьи. Позвольте сначала маленькое отступление. Работать с Рубцовским фондом должен человек подготовленный, интересующийся поэзией Рубцова и его жизнью. Только тогда возможны какие-то открытия в «мире поэта». Очень правильно, что Союз писателей России (Вологодское отделение) даёт индивидуальные разрешения на работу с документами Рубцова в ГАВО. Несведущий исследователь, во-первых, не разберётся в хитросплетениях документов, а во-вторых, почти наверняка придёт к поверхностным умозаключениям. Архив – это те документы и произведения, которые сам поэт не хотел видеть опубликованными. Поэтому работать с ними необходимо вдумчиво, деликатно, со знанием дела. Заниматься архивом Рубцова должны в первую очередь филологи; много вариантов известных стихов предлагают исследователям рукописи и машинописи поэта. Однако есть факты, мимо которых пройдёт литературовед, но которые являются крупными золотыми для историка литературы, исследователя, который занимается творчеством и биографией поэта. Как известно, у Рубцова они сильно переплелись. Изучая архив, можно поспорить и со стереотипами, сопровождающими творчество поэта, и найти новые неизвестные факты творческой биографии. Иногда самая маленькая деталь способна помочь раскрыть неизвестные страницы жизни Н. М. Рубцова. Замалчивание фактов или их подгонка под идеальный образ человека и поэта Рубцова идёт только во вред истории русской поэзии и создаёт среду для пересудов среди недоброжелателей поэта. Любите Рубцова, будьте объективны, по крайней мере старайтесь не проходить мимо

фактов и не игнорировать их, давайте оценку, но в духе любви к поэту, и к его творческому наследию.

Новые интересные факты удалось обнаружить в личном фонде поэта № 51, дело № 382. По какой-то причине они прошли мимо внимания рубцововедов, ранее работавших в архиве. Однако присуждение флотскому поэту Рубцову 3-й премии в конкурсе на лучшее литературное произведение в честь 25-летия Северного флота – факт не рядовой в его биографии, а материал, требующий выводов и размышлений. Эта премия – первое признание литературного таланта поэта. Что интересно, считалось, что Рубцов никогда не получал никаких премий, наград, поощрений, кроме почитания поклонников поэзии, конечно. А тут – начало творческого пути и явный признанный успех. Николай Рубцов, по-видимому, никому не рассказывал и не писал об этом факте биографии. Сумма премии в 400 руб. (деньги до реформы 1961 г.) была вполне приличной, тем более для моряка-срочника. Скажем, в Ленинграде, на заводе, Рубцов зарабатывал 700 руб. в месяц (письмо В. Сафонову от 1960 г.). Даже закрадывается сомнение, а получил ли Николай эти деньги. Но эти сведения из газетной вырезки, которую сам поэт хранил в личном архиве. Значит, это было памятное для него событие и лишь природная скромность не позволяла тиражировать этот успех. Даты на газетной вырезке нет, но привязка по времени – явная, 25-летие Северного флота. Напомню, что флот создан в 1937 г. на базе Северной военной флотилии, сформированной в 1933 г., т. е. 25-летие СФ отмечалось в 1958 г. Думаю, с более точными датами смогут разобратся мурманские рубцововеды.

Важно то, что I место в конкурсе не присуждалось ни по одной заявленной номинации, в том числе и по поэзии. Значит, фактически Рубцов занял 2-ое место в творческом соревновании поэтов Северного флота. Прочитируем выдержки из газетной статьи, ставшей архивным документом: *«...Третью премию в размере 400 руб. – матросу Н. Рубцову за стихотворения «Сердце героя», «Шторм», опубликованные 12 июля, и стихотворение «В походе», опубликованное 26 июня. ... Наиболее активное участие в конкурсе приняли поэты. Жюри рассмотрело более 200 стихотворений. ...Третьей премии удостоен матрос Н. Рубцов за стихотворение «Сердце героя» и стихи «Шторм» и «В походе». Н. Рубцов – способный поэт. Он серьёзно и вдумчиво подходит к решению каждой*

темы, тщательно работает над своими стихами, внимательно прислушивается к замечаниям и советам товарищей по литературному объединению. Результатом этого явился значительный рост поэтического мастерства Н. Рубцова...». Этот документ позволяет заявить, что даже в начале своей поэтической работы творчество поэта Рубцова оценивалось довольно высоко. Он стал в среде флотских поэтов заметной фигурой с огромным творческим потенциалом. Многие говорят за то, что флотский поэт, матрос Рубцов, заставил потесниться в поэтическом ряду признанных певцов моря.

Вот ещё одна архивная вырезка из газеты «На страже Заполярья» (ф. 51, оп. 1, д. 381) – «Первая заявка», автор Николай Панов. Это рецензия на литературный сборник «На страже Родины любимой» (Политуправление СФ, 1958 г.). Рубцов в ней отмечен одной фразой: «Поэтичны стихи матроса Рубцова». Без разбора плюсов и минусов поэтики, как у некоторых других авторов сборника. Это тоже не плохая официальная оценка в начале творческого пути. Есть в музее села Никольское и достаточно критический отзыв о стихах молодого поэта Рубцова, датированный 26 декабря 1958 г., из газеты «Комсомолец Заполярья» г. Мурманска. Сотрудник газеты пишет о красавостях, стилистических ошибках в стихах поэта, об отдельных его удачах. Об этом можно прочитать в книге В. С. Белкова «100 историй о Рубцове». Что же, не только розы, но и шипы встречаются на поэтическом поприще.

Хотелось бы привести ещё несколько малоизвестных фактов из жизни литературного объединения Северного флота. Валентин Сафонов в газете «Советская Россия» (январь 1986 г.) вспоминает о двухдневном семинаре литобъединения с участием критика Андрея Туркова. *«Отчёт о семинаре газета публиковала со снимками. На одном из них участники лито сгрудились возле классной доски, завешенной полотнищами с текстами стихов. Самый внимательный читатель, если верить мгновению, запечатлённому объективом – Коля Рубцов. Ребята не позировали, даже не подозревали, что их фотографируют, и, потому естественны, не приукрашены. Вот этот мартовский семинар и положил начало таким отношениям между нами, которые я решаюсь назвать дружбой».*

Н. М. Коняев в книге «Николай Рубцов», М., 2006 г., приводит (правда, без указания номера газеты «На страже Заполярья») тот факт, что стихи старшего матроса Рубцова (а это говорит о конце

службы поэта) разбирались на лито. С флотскими поэтами беседовал З. Я. Штейман. *«Речь шла о поэтическом мастерстве, о борьбе за образность и действенность стихов, о точности словоупотребления, о необходимости высокого душевного накала при создании каждого произведения и большой требовательности к себе – требовательности в свете решений Коммунистической партии».*

Всё вроде бы верно, но вот как сам Рубцов оценивал своё флотское творчество в письме Герману Гоппе (приблизительно 1960 г.) из архива Веры Коротаевой, публикация В. Н. Баракова («Красный Север», 20 октября 2005 г.): *«Вы говорите, стихи очень традиционны. Согласен. Но этот грех наполовину – не мой. Когда-то, читая стихи в газетах, я убедился и был убеждён до последнего времени, что кроме поэзии, так называемой «ура-патриотической», у нас никакая поэзия не принимается. Позднее я стал печататься в газете «На страже Заполярья» – газете Северного флота. Там я уж на себе испытал, что значит быть связанным строго заданными темами, не допускающими, так сказать, художественной самостоятельности: «Люблю море», «Хорошо служить на корабле», «Стучат сердца как у героев», «Готов в строй», «Любовь помогает служить моряку». Все авторы изощряются в выискивании оригинальных деталей, но, главная мысль всё равно не оригинальна, поскольку она – газетная, казённая, как матросская шинель, выданная под расписку. Не только там, и в некоторых других газетах, шаблон, казёнщина, можно сказать, узаконивается. После каждого, напечатанного в такой газете стихотворения, можно говорить другу: «Поздравь меня с законным браком».*

Хочется также привести выдержку из неопубликованного письма критика Валерия Дементьева поэту Сергею Чухину. Критик пишет поэту, что в некоторых его стихах «... Нет места для сопереживания, а следовательно, нет и моего соучастия. Нет «тайны», как однажды сказал Николай Рубцов. Вот почему он не очень-то любил свои ранние тралфлотовские стихи». (Видимо, Дементьев имел в виду весь морской цикл Рубцова. Прим. авт. ст.). Возможно, в этом письме и в оценках самого Рубцова, ставших известными только в последнее время, кроется загадка забытой и не упоминаемой премии в честь 25-летия СФ. Возможно, и сам Рубцов понимал, что настоящим поэтом он стал намного позднее, когда иные темы и другая поэтика захватили его.

С течением времени, углубляясь в биографию и творчество Н. М. Рубцова, все чаще приходит мысль о том, что доверять воспоминаниям и даже авторитетам в рубцововедении надо крайне осторожно. Особенно если исследователь ссылается на воспоминания, доказывая что-то свое. Лишь критический подход, перепроверка по другим источникам, только факты, архивные документы, причем просмотренные лично, дают уверенность в истине по Рубцову. Много встречается замалчиваний, много примеров редактирования любимого поэта в сторону подгонки под тот образ, который рисуется в воображении исследователя. Это можно понять. Рубцовым увлекаются люди, равнодушные к нему, любящие его поэзию и переносящие эту любовь и на личность поэта. Но история, в том числе и история литературы, нуждается в объективности. В этом смысле от ошибок, неточных знаний, неполных сведений не застрахован никто. В. С. Белков в книге «Сто историй о Рубцове» в зарисовке «Не увенчан» пишет: «Слава Богу, что Рубцов никогда не был никаким лауреатом, не получал премий и наград... В конце концов, решил я, должен же быть хоть один великий писатель не увенчанный и бедный». В этом Вячеслав Сергеевич оказался не совсем прав по фактам, хотя по духу – пожалуй... К сожалению, память подводит и Г. П. Фокина (флотского друга Рубцова), члена СП России, живущего в городе Находка Приморского края. Геннадий Петрович оторван от рубцовских архивов, ему сложно уточнять свои воспоминания. Отсюда и невольные ошибочные факты. В своей книге «Николай Рубцов. Малоизвестные страницы биографии», М. 2009 г., М. А. Полётова приводит случай, произошедший с матросами Рубцовым и Фокиным, от лица последнего. Конечно, гонорар в 400 рублей за стихи начинающим поэтам флотская газета не могла выплачивать. Вспомним гонорары, которые получал Н. Рубцов в Вологодских районных газетах в начале 60-х гг. и процитируем письмо поэта В. Сафонову из Ленинграда, датированное 2 июля 1960 г. («Воспоминания о Рубцове», Архангельск, 1983 г., стр. 299). «Получил вчера из Вашей газеты перевод 19-рублёвый (1 руб. 90 коп. после денежной реформы 1961 г., прим. автора), мне интересно узнать, что это за миниатюра такая была напечатана в газете». Сафонов работал как раз в газете «На страже Заполярья». Хочется ещё раз уточнить и то, что первое доброжелательное отзыв-напутствие матросу Рубцову – «Доброго пути, Николай Рубцов» – было опубликовано

23 марта 1958 г. в газете «На страже Заполярья». Автором его был матрос Г. Фокин. Из книги М. А. Полётовой (рассказ по воспоминаниям С. А. Панкратова, стр. 82–83 упоминаемого издания): «Почти все члены литературного объединения в дальнейшем стали членами Союза Писателей СССР. Способные все были... Рубцов тогда не был замечен, будучи на третьих ролях. Но самое главное, что он прикоснулся ко всему этому и то, что было в нём заложено, стало развиваться... На занятиях вырабатывался литературный вкус...). Согласен, но не со всем. То, что Н. Рубцов был не замечен и на третьих ролях, автор статьи и пытался оспорить архивными данными.

Глава III.

К вопросу о первой (газетной) публикации Николая Рубцова на Севере

Надо сказать, что вопрос о первой публикации поэта далеко не закрыт. У автора статьи есть некоторые данные, позволяющие предположить, что первое стихотворение могло быть опубликовано Рубцовым в газете Тралового флота в 1952 г. или в газете «Кировец» Кировского рудника комбината «Апатит» в городе Кировске Мурманской области.

Не вызывает сомнения, что стихи студента Рубцова публиковались в техникумовских стенных газетах в Тотьме и Кировске. Одно такое стихотворение приводит В. Д. Зинченко в трёхтомном собрании сочинений Н. М. Рубцова, вышедшем под её редакцией.

О втором стихотворении кировского периода Николая Рубцова вспоминают однокурсники. Начиналось оно так:

«Две подружки, две болтушки...».

Но стенгазета не сохранилась, и дальнейшее содержание забылось.

Давайте попробуем разобраться с этим вопросом по материалам, доступным на сегодняшний день. Итак, первая известная публикация стихотворения флотского поэта Рубцова состоялась 1 мая

1957 г. в газете «На страже Заполярья» Северного флота. Стихотворение называлось «Май пришёл» и являлось вариантом известного стихотворения «Весна на море».

А теперь, к сожалению, о неточностях по незнанию и инерции. В. Д. Зинченко в наиболее полном на сегодняшний день собрании сочинений Рубцова (издательство «Терра», М., 2000 г.) в примечаниях Т1, стр. 312 пишет об этом стихотворении как об опубликованном 5 мая 1957 г.

По-видимому, неточность этого авторитетного издания тиражируют в своих книгах и некоторые другие исследователи биографии и творчества Рубцова:

В. Сорокажердьев. «Здесь ясен горизонт», Мурманск, 2007, с. 232.

Ю. Кириенко-Малюгин. «Николай Рубцов. И пусть стихов серебряные струны», М., 2002, с. 59.

А. Быков «И золотое имя Таня», Вологда, 2009, с. 89.

Н. Ефремов сборник «На вершине земли Кольской. Рубцовские чтения в Мурманской области», Апатиты, 2006.

В. Е. Кузнецова, в уже упоминаемой статье о литературном объединении «Полярное сияние», правильно утверждает, что публикации Рубцова в номере газеты «На страже Заполярья» от 5 мая 1957 г. нет. Но, в свою очередь, делает неправильные выводы о первой публикации Рубцова 5 января 1958 г. (стихотворение «Матери»). (Надо заметить, что выводы статьи Кузнецовой опровергнуты её же дальнейшей архивной работой, и дата первой публикации Рубцова – 1 мая 1957 г. – документально ею доказана).

Автор статьи в правильной дате первой рубцовской публикации не сомневался никогда. И вот почему. В. Д. Зинченко в примечаниях к 3-му тому упомянутого собрания сочинений Рубцова стихотворение «Май пришёл» уже датирует верно – 1 мая 1957 г. (это как-то не замечалось исследователями).

Скрепя сердце, должен сослаться и на книгу Людмилы Д. «Всё вешало нам грозную драму», Вельск, 2001, с. 158, где она пишет о первой публикации Рубцова именно 1 мая. Упоминает также о первом его незабываемом гонораре, якобы по рассказу самого поэта.

Отталкиваясь от названия и содержания стихотворения, можно также сделать кое-какие выводы. «Май пришёл» – так гово-

рили не только о месяце, так говорили и об официальном государственном празднике в советское время – 1 мая, День международной солидарности трудящихся. Хотя в последней строфе Рубцов употребляет клише советского праздника («Праздник счастья и труда»), возможно, стихотворение задумывалось поэтом как лирическое, посвящённое реальному приходу весны в Заполярье.

И ещё важно то, что стихи, пусть посвящённые формально Первомаю, не могли быть опубликованы после праздника – 5 мая. За такими казусами зорко следили идеологические отделы партийных органов.

И вот ещё на что следует обратить внимание: литературное объединение Северного флота организационно оформилось лишь 5–9 июля 1957 г., а это говорит о том, что стихи Рубцов опубликовал до вступления в лито. И, может быть, эти неплохие стихи, наряду с другими стихами флотских поэтов, и послужили поводом и причиной образования литературного объединения и начала его плодотворной работы.

Глава IV.

Неизвестные архивные и иные материалы темы «Рубцов и Северный флот»

Поэт Николай Рубцов продолжает преподносить загадки и сюрпризы исследователям его биографии и творчества. Наверное, каждый штришок важен в собирании мозаики его жизни и поэзии. Огромную работу провёл Н. Т. Ефремов – руководитель Рубцовских чтений в г. Апатиты Мурманской области по систематизации всего написанного Рубцовым за Полярным кругом.

Морской цикл поэта был объединён им в отдельную книгу стихов. Ксерокопии публикаций поэта в заполярных газетах прислала автору статьи В. Е. Кузнецова. Что очень важно для раскрытия темы.

Например, в ГАВО (фонд № 51, опись 1, д. 348) газетная вырезка стихов «Деревенские ночи». Автором, Николаем Рубцовым, ручкой изменены некоторые слова и поставлена дата: 1957 г.

У В. Д. Зинченко, т. 1, с. 307 (примечания) указана газета «Комсомолец Заполярья» от 16 мая 1958 г. Это стихотворение Рубцовым

публиковалось и позднее, скажем, в г. Всеволожске. Но по характерному оформлению названия стало понятно, что архивная газетная вырезка и присланная В. Кузнецовой ксерокопия – это одно и то же, т. е. публикация в «Комсомольце Заполярья». Остаётся ещё раз уточнить дату.

Это маленький пример сотрудничества людей в Рубцовском пространстве. Автор статьи считает, что необходимо опубликовать все стихи флотского поэта Рубцова, в том числе и о коммунизме, Ленине, написанные в Мурманске и Североморске. Они не вошли в книгу Н. Т. Ефремова. Это, конечно, не лучшие стихи поэта, но без них, скорее всего, не смогли бы состояться публикации других стихов поэта.

К чести Рубцова, он никогда в свои сборники подобные «шедевры» не ставил. Но ради исторической и литературоведческой правды с комментариями печатать их необходимо.

В ГАВО нашлось и одно неизвестное стихотворение такого толка Н. М. Рубцова. Оно как-то потерялось и не было опубликовано в самых полных изданиях стихов В. Д. Зинченко и М. В. Сурова.

ГАВО, фонд № 51, оп. 1, д. 348 (архивный документ):

Слава партии

Коммунизм возводить на Земле нам!
С ходом жизни, с временем в лад
Вновь направил партийный Пленум
Наши помыслы и дела.

Что с трибуны сказано было, –
Стало силой сердец и воля,
Стало мощной движущей силой
В буднях Родины трудовой!

Пусть над нами шумят знамёна,
Пусть работой гудит каждый час.
Слава партии, неуклонно
К коммунизму ведущей нас.

Старший матрос Н. Рубцов

А это значит, что стихи относятся приблизительно к началу 1959 г.

Для понимания того, как сам Рубцов и матросы эскадренного миноносца «Острый» относились к подобному вынужденному творчеству, процитирую письмо Г. П. Фокина автору статьи от января 2010 г.: «В нашем кубрике, на юте нашего эсминца, где и жили ко-чегары и машинисты из БЧ-5, Коля бывал часто, брал гитару или гармошку и, сидя на рундуке, начинал петь. Это были песни, нам незнакомые, только потом я понял, что пел он Есенина, и свои стихи, и ещё какие-то. Но вот частушки все сразу запоминали, я их помню до сих пор:

Июньский пленум,
июньский пленум,
Ты наш оплот.
Хорошим сеном
Мы кормим флот!

Это был своеобразный отклик на состоявшийся Пленум ЦК КПСС, обсуждавший вопросы снабжения армии и флота продуктами сельского хозяйства. Петь такое было чревато последствиями, но, вроде, обошлось, стукачей в кубрике не нашлось».

О дружбе североморцев-моряков, членов лито «Полярное сияние» говорят никогда не публиковавшиеся архивные документы из ГАВО. Думаю, для читателей, особенно северян, они будут интересны и важны. Давайте только не забывать, что флотские поэты никак не рассчитывали увидеть их опубликованными.

Ф. 51, оп. 1, д. 447.

Альманах «Полярное сияние», № 1, с. 28, автограф В. И. Сафонова: «Коле, другу и поэту, на память о дружбе флотской. Валька. 22 III. 59 г.».

Ф. 51, оп. 1, д. 448.

«Полярное сияние», № 2. Стихи Аркадия Мееровича «Есть» и под стихами надпись: «Кольке Рубцову, моряку и поэту, в знак уважения сердечного. Это Арк. Меерович. 18. X. 59 г. Североморск».

(Кстати, Аркадий Меерович получил поощрительную премию в конкурсе поэтов в честь 25-летия Северного флота).

Ф. 51, оп. 1, д. 448.

«Полярное сияние», № 2, с. 22.

«Нам с тобою жалко
Расставаться.
Жалко, чёрт поberi!
Сегодня последний наш
Общий вечер.
Последний, когда ты во флотской форме.
Сегодня мы расстаёмся
Но мы встретимся
Ещё раз
Обязательно
Встретимся, потому что оба
Верим в это, хотим этого!
Вот и всё
Жму лапу
Крепко, крепко
Родной мой Колька

В. Сафонов
18.X.59 г.»

Итак, во время службы на Северном флоте матрос Рубцов печатался в следующих изданиях: «На страже Заполярья» (Североморск), «Рыбный Мурман», «Комсомолец Заполярья», «Советский флот» (Мурманск), журнал «Советский моряк» (?), альманах «Полярное сияние» № 2. 1959 г., коллективный сборник «На страже Родины любимой» (Политуправление Северного флота, 1958 г.).

Это было время становления Николая Рубцова как поэта, помимо этого он возмужал и физически, получил друзей на всю оставшуюся жизнь и очень продвинулся в поэтическом мастерстве.

Северный флот явился своеобразной школой для будущего национального поэта России. Николай Рубцов за время службы написал немало прекрасных стихов, может быть, мало оценённых, в силу их морской тематики и специфики.

О СТИХОТВОРЕНИИ «БУКЕТ», ОТПУСКЕ МАТРОСА РУБЦОВА И ТАЕ СМИРНОВОЙ ПО ДОКУМЕНТАМ И СТИХАМ ПОЭТА

Стихотворение «Желание» – первый вариант знаменитого «Букета» Н. М. Рубцова – было опубликовано в газете «Комсомолец Заполярья» в городе Мурманске 22 августа 1958 года. Вскоре, 5 октября 1958 года, в той же газете опубликован и один из вариантов (видимо, первый) стихотворения «Ветер с Невы». Оба они о любви и выделяются среди морского (флотского) цикла стихов Николая Рубцова. В них прослеживаются мотивы личной жизни поэта, однако далеко не всё из написанного по поводу переживаний моряка в те годы было опубликовано во время службы, некоторые стихи стали известны много позднее.

Выделим ещё одно стихотворение флотского поэта Рубцова – «Отпускное» – газета «На страже Заполярья» от 23 марта 1958 года и запомним дату его написания и публикации. Далее пусть говорят документы и факты из воспоминаний.

Приказ № 100 командира воинской части № 62656 об отпуске матроса Северного флота Николая Рубцова датируется 6 апреля 1958 года. Отпуск объявлен сроком на 51 сутки с 21.04 1958 года. В приказе № 153 от 16 июня 1958 года матрос Рубцов числится прибывшим в часть 14 июня этого года. Это документально подтверждённые даты из пакета документов по прохождению службы на СФ старшего матроса Рубцова, собранного по поручению начальника Генерального штаба России генерала армии Ю. Н. Балуюевского в 2005–2006 годах. До выхода статьи «Рубцов и Северный флот» автора данной публикации на факт отпуска Николая Рубцова в этом году никто из рубцововедов внимания не обращал¹.

После первой публикации факта отпуска поэта в 1958 году Ю. И. Кириенко-Малюгин почему-то считает этот отпуск внеочередным и фантазирует, что он был предоставлен «для радиационно-медицинского обследования и профилактического лечения»². Однако резоннее в случае потери здоровья направление в госпиталь.

чем отпуск. Должен также заметить, что внеочередной отпуск не мог быть столь продолжительным, ибо давался ввиду исключительных жизненных обстоятельств или как поощрение за выдающиеся успехи в службе. Матрос Рубцов его потратил исключительно на встречи в разных районах страны со своими подругами, как позднее герой фильма «Семь невест ефрейтора (в нашем случае старшего матроса) Збруева»). Сохранились воспоминания трёх девушек, которые были небезразличны матросу Рубцову, об отпуске именно весной-летом 1958 года. Начнём с воспоминаний Татьяны Решетовой-Агафоновой. Должен сказать, что Татьяна Ивановна неоднократно писала воспоминания и каждый раз, попадая под влияние прочитанного о Рубцове, соотносила факты их личного знакомства с какими-то ранними или поздними сведениями о нём, сообщёнными различными авторами. Автор данного материала считает наиболее достоверными и полными воспоминания, опубликованные в журнале «Пятницкий бульвар», и вот там-то, ещё без всякого давления и приглаженности, она, возможно, открывает часть правды³.

«Второй приезд пришелся на конец пятидесятих годов. То ли летом 1958 года, когда ему дали отпуск со службы на Северном флоте, то ли позднее – после службы. Я уже была замужем. Жила в райцентре, в селе Шуйское, в трех километрах от моей родной деревни.

Лето. Сестра Ольга проводила отпуск в Космове. Позднее она рассказала, что Николай Рубцов приехал из райцентра на попутном грузовике. У них был разговор с моей мамой. Она отсоветовала Коле встречаться со мной, так как беспокоилась о мире в моей семье. А ведь он на что-то надеялся. Приехал специально, чтобы повидать меня. Маме Николай дал слово, что уедет, не повидав меня. Слово он сдержал. Обо всем этом я узнала позднее от родных – через много лет».

Давайте обратимся также и к воспоминаниям Маргариты Власовой⁴.

«Очередной отпуск Рубцова в мае 1958 года, когда он приехал к брату в Приютино, что под Ленинградом, подарил ему новое знакомство. О нем и пойдет речь, ибо об этой краткой любви поэт никогда не вспоминал, а девушка, случайно встретившаяся ему на пути, рассказала обо всем лишь спустя 45 лет.

Татьяна Решетова и Маргарита Власова.

Рите Власовой было тогда семнадцать. Любовь у Рубцова опять же вышла печальная, безответная. Он полюбил Риту и посвятил ей два лирических стихотворения, а она не ответила взаимностью только лишь потому, что Николай ростом не вышел. А так все при нем: моряк в красивой форме, образован, обходителен, дарил цветы каждый день, говорил комплименты...».

Итак, упоминание отпуска 1958 года в воспоминаниях М. П. Власовой явное и безальтернативное.

Автор данного материала несколько лет назад познакомился с Т. А. Голубевой (Таей Смирновой), которая написала подробные воспоминания и очень много рассказала о Рубцове и о себе. (Скромный человек, она книг о себе не пишет, а между тем неточностей в изложении другими их любви с Николаем Рубцовым предостаточно). В частности, на прямой вопрос о том, сколько раз матрос Рубцов был в отпуске во время службы на СФ, ответ был категоричен — один раз. На вопрос о дате отпуска Таисия Александровна точно ответить не смогла, но она была уверена, что ещё была не замужем. Отметим этот факт и уточним дату свадьбы приютинской подруги матроса Рубцова. Из письма автору статьи от 10.12.2009 года: «Леонид Николаевич, в 1958 году Николай приезжал, но при встрече я ему дала понять, чтобы он не надеялся на будущее, всё

равно отец не даст согласие. Мне было тяжело, я много думала и пришла к такому решению. Ведь у нас с ним ничего нет, если только сбежать и жить в шалаше. В 1959 году 14 мая (!) я вышла замуж за соседа Боловинцева Владимира, в 1960 году 20 марта у нас родилась дочь Эльвира...». Уже после рождения ребёнка у Таи и демобилизации с Северного флота Рубцов приезжал к ней в Прикутино ещё один раз, но об этом посещении её поэтом Т. А. Голубева не любит вспоминать, к тому же это совсем другая история...

Фотография Таи Смирновой с дарственной надписью Рубцову.

Да и, как говорится, воспоминания воспоминаниями, а документы документами. В архиве поэта Рубцова сохранилось несколько писем и открыток Таи Смирновой на Северный флот матросу Рубцову. Их подобрала с пола квартиры поэта на улице Яшина после его гибели Н. А. Старичкова. Как известно, её архив сейчас разобшён и находится в государственных хранилищах и частных собраниях любителей Рубцовской поэзии. Радует только одно — для источниковедения и литературоведения он не пропал. Согласно заявленной теме нас может заинтересовать письмо Таисии Смирновой от 1.02.1958 года (кстати, эти письма не опубликованы и почти не использовались рубцоведами. Прим. автора). Она пишет, что

пять месяцев назад вернулся из тюрьмы Николай Беляков (друг Н. М. Рубцова по Приютино в 1955 году) и спрашивал адрес Рубцова. Тая пишет, что получила уже третье письмо от Николая Рубцова (а сколько писем он написал ей в 1956–1957 гг... К сожалению, ни одного письма не сохранилось, не дошла до нас эта документальная история любви, вернее, только поэт сохранил её). Почему Тая писала так редко? Вот строки её письма. «Но... дома всё по-старому. В жизни у меня ничего не изменилось. Всё как было, так и есть. В этом ты можешь быть уверен... Коля, дорогой мой, я очень рада за тебя, рада, что ты меня не забываешь». Тая просит прислать фотокарточку к её дню рождения. Ничего в письме нет о том, что летом или осенью 1957 года поэт был в отпуске, в гостях у девушки. О разрыве отношений даже в феврале 1958 года нет ни строчки. Иначе другим должно было быть письмо после трёх безответных писем поэта своей подруге. Сейчас это письмо находится в архиве С. А. Дмитриева.

Это всё об отпуске, думаю, доказанном, матроса Рубцова в Приютино в семью своего брата Альберта весной-летом 1958 года и о его поездках и встречах со старыми и новыми симпатиями. Так вели себя, видимо, многие моряки во время длительного отпуска.

Об отпуске же 1957 года мы знаем только из одного источника, но серьёзного и своеобразного. В сборнике «Волны и скалы» несколько стихотворений датируются «Приютино. 1957 год». Создается полное впечатление, что поэт написал их в пригороде Ленинграда во время отпуска, ибо другой возможности покинуть военную службу и оказаться в Приютино в это время у него не было. Этот отпуск выдаётся за неоспоримый факт, якобы подтвержденный самим Николаем Рубцовым. Ю. И. Кириенко-Малюгин даже пенял на меня в рецензии на статью «Рубцов и Северный флот» из-за того, что ничего не написал об отпуске 1957 года⁵. Поэтому заявляю, что в 1957 году матрос Николай Рубцов в отпуске не был вообще!

А вот теперь пора написать, как этот круг вопросов освещают уважаемые исследователи творчества и биографии Н. М. Рубцова.

Валентин Сафонов в своих воспоминаниях почти не приводит конкретных дат, хотя опирается на дневники, которые вел в те годы, и вопросы службы почти не затрагивает, если они не касаются творчества (возможно, это правильная позиция автора)⁶.

Писатель Н. М. Коняев в своих книгах о Рубцове, великолепных по стилю, также, к сожалению, пишет только об отпуске 1957 года и о написании Рубцовым стихов во время него. «Невесёлым оказался отпуск матроса Рубцова в 1957 году... Разрыв с Таей он переживал так тяжело ещё, может быть, и потому, что всё рушилось, нечего не оставалось от жизни, которую он сам для себя придумал... Впрочем, и стихи, написанные в 1957 году в Приютино, тоже не очень-то вяжутся с обликом жизнерадостного морячка...»⁷.

Александр Быков также неточен в фактах. Оправдывает автора только собственная выстроенная логика событий и то, что книга посвящена судьбе Т. И. Решетовой и роли в ней поэта Рубцова, а неточности – просто проходной материал для сравнений автора.

«Вот и ситуация подходит: моряк приезжает в отпуск летом 1957 года, а любимая вышла замуж...». А. В. Быков пишет о недельном отпуске 1957 года, который не принёс Рубцову ничего, кроме горького чувства обмана. Почему отпуск был недельным и почему Тая Смирнова оказалась замужем уже в 1957 году – непонятно⁸.

В приказе об отпуске 1958 матроса Рубцова все отпуска других военнослужащих Северного Флота – более 50 суток, правда есть один – 13 суток, но, представляется, что это внеочередной отпуск по поводу смерти или рождения родственников. У матроса Рубцова в этом смысле в 1957 году всё было благополучно.

В исследованиях Ю. И. Кириенко-Малюгина неточности тоже⁹.

«В апреле 1958 года матрос Рубцов получил отпуск сроком на 51 сутки. 14 июня 1958 год, согласно приказу, Рубцов числится прибывшим в свою часть из отпуска. Автор считает, что этот внеочередной отпуск был предоставлен Рубцову для радиационно-медицинского обследования и профилактического лечения».

По сообщению Маргариты Власовой, она познакомилась с моряком Колей Рубцовым в мае 1958 года в Ленинграде. Они гуляли по городу, Коля читал ей стихи. Обменялись адресами. В то время моряк Рубцов был свободен: вышла замуж Тая Смирнова, отправил весной 1957 года ответ – «ядовитое» письмо забеременевшей Т. Агафоновой на предложение взять её замуж». Явная ошибка с замужеством Таи и в 1958 году.

Юрий Иванович в своей последней книге всё-таки признаёт открытый автором данной публикации отпуск Рубцова 1958 года,

правда, считая его внеочередным и для лечения. Думается, очень сладкой была бы жизнь в армии и на флоте, если бы в те годы в отпуск ездили каждый год. Наверное, чтобы понять какие-то армейские реалии, надо самому послужить Отчизне. В каком-то смысле даже В. С. Белков, писавший об этом ранее, рассуждал намного осторожнее: «Осенью 1957 года свой армейский отпуск Рубцов провёл у брата в Приютино, написал здесь несколько стихотворений. В эти же дни поэт убедился окончательно, что Тая не ждёт его возвращения»¹⁰. Однако факты – с теми же огорчительными неточностями, которые необходимо у всех серьёзных перечисленных авторов, ради истины по Рубцову, исправлять.

Таким образом, Таисия Александровна Голубева (Смирнова) помнит только один отпуск матроса Рубцова в 1958 году. Никаких документов с эсминца «Острый» об отпуске летом 1957 года матроса Рубцова не было обнаружено. Наоборот, сохранились приказы, согласно которым матрос Рубцов стоял вахты, скажем, в мае 1957 года, со 2.05. на 3.05, вахтенным на полубаке. С 24 мая 1957 года будущий поэт числится ушедшим в военно-морской госпиталь. А уже в октябре 1957 года приказ бесстрастно фиксирует: «Числить прибывшим 24.10.57. Как ниже указано: ...матрос Рубцов Н. М. с гауптвахты». Начало лета – в госпитале, начало осени – на «губе» (с кем не бывает). Когда же ехать в отпуск и если сохранились столь мелкие приказы о флотских буднях Рубцова, то просто обязан быть приказ об отпуске, а его нет (по крайней мере, не сохранился). Наконец, стихотворение «Отпускное» написано отнюдь не в 1957 году. Оно, правда, только по названию может быть логичным доводом, типа: «Сочинил его Рубцов всё-таки перед отпуском, в полёте чувств, не иначе...». Но как же быть с главным аргументом – подписями под некоторыми стихами в сборнике «Волны и скалы» – «Приютино. 1957 год». Давайте разбираться.

Автор данной публикации встречал в ГАВО (Государственный архив Вологодской области) в Рубцовском фонде № 51 оп. 1 д. 348 стр. 3 вырезку из газеты стихотворения «Деревенские ночи» с датировкой рукой Рубцова «1957 год», тогда как это стихотворение опубликовано в газете «Комсомолец Заполярья» 16 мая 1958 года. Если же говорить о времени написания, то сам Н. М. Рубцов в сборнике «Душа хранит» 1969 года ставит год написания стихотворения – 1953. Таким образом, напрашивается вывод, что иногда попытки

поэта впоследствии (по истечении некоторого времени) восстановить даты написания или публикации своих стихов не всегда точны, если конкретные цифры не проставлены на черновике или чистовике произведения.

И этот пример не единичен. Видимо, так случилось и в 1962 году, когда Б. И. Тайгин, издатель самиздатовского сборника «Волны и скалы», предложил Николаю Рубцову поставить даты под своими стихами для уточнения времени их написания. Тайгин хотел сделать как лучше, видя литературную перспективу поэта. Но так ли серьёзно отнёсся к поставленной задаче сам Рубцов? Если стихи с датами 1960–1962 гг. почти не вызывают сомнений, время их написания можно было сверить по черновикам ленинградского периода жизни поэта, то уже далёкие флотские 1957 и 1958 годы могли вполне поменяться местами. Напомним, что на СФ поэт служил с конца 1955 по осень 1959 года. Возможно, проблема датировки стихов вообще не стояла перед Рубцовым из-за невозможности проверить дату их написания точно, но примерно, как вспомнил он, так и отметил. Возможно, дело обстояло гораздо серьёзнее...

При всём том думается, Николая более занимала композиция своего первого сборника, наполнение его более совершенными стихами, разделение на циклы (о чём мы и читаем в предисловии к сборнику и в воспоминаниях Бориса Тайгина), чем датировка стихотворений, ставшая относительно условной. Из воспоминаний Б. И. Тайгина¹¹: «Николай набросал ориентировочный макет книжки. Я посоветовал проставить под каждым стихом – место написания стиха и точную дату, ибо считаю это весьма важным... В тексты многих стихов Николай вносил, иногда в один и тот же стих неоднократно, разные изменения... Если изменения были значительны, менялась дата написания стиха...». Ну... как же не верить Н. М. Рубцову, и из этой датировки выводится, что в отпуске он был в 1957 году, тогда же и произошёл разрыв с Таей, придумывается и неверная дата её замужества. Это становится устоявшимся заблуждением, повторяющимся из работы в работу и якобы не требующим никаких доказательств.

Документальный же отпуск матроса Рубцова 1958 года, после публикации автора статьи¹², пока не явно признаётся рубцоведами как единственный за весь период его службы на СФ. Кстати, отпуск 1957 года был неоспоримо, по общему мнению, таковым.

Выдвинем несколько версий, почему дата «1957 год. Приютино» могла оказаться под стихами сборника «Волны и скалы». Правда прежде назовём стихи, опубликованные под этой датой. «Морские выходки», «Берёзы», «О собаках», «Снуют. Считают рублики», «Поэт перед смертью сквозь тайные слёзы». Вот как сам поэт в предисловии к сборнику пишет о некоторых из них: «Стихотворения «Берёзы», «Утро утраты», «Поэт перед смертью» не считаю характерными для себя в смысле формы, но душой остаюсь близок к ним».

Полезно поговорить о стихотворении Николая Рубцова, посвящённом Николаю Беякову, датированном 1957 годом, «Не подберу сейчас такого слова». Видимо, вспоминая письмо Таи Смирновой. адрес Николая Рубцова его приятель Беяков раздобыл, и поэт сочинил некие памятные строки в честь их старого приятельства и совместных приключений в Приютино, точно отметив время написания стихотворения «1957 год» и отправив его Беякову в Приютино, сохранив черновик у себя. Вероятно, эта датировка стихотворения и стала для Рубцова отправным моментом для датировки тем же годом других стихов сборника, хотя это личное стихотворение поэт в «Волны и скалы», естественно, не включил. С датой 1957 г. стихотворение о Н. Беякове, отправленное поэтом приятелю в посёлок Приютино, сохранилось в его архиве до 1962 года. Видимо, остальные стихи без дат были подписаны Николаем для сборника «Волны и скалы» по аналогии с датой этого стихотворения и местом жительства приятеля по настоятельной просьбе Б. И. Тайгина. Это положение доказывают и примечания к 3-му тому стихов Н. М. Рубцова под редакцией В. Д. Зинченко¹³. Валентина Дмитриевна называет ряд стихов, как вошедших в сборник, так и не вошедших в него, как сохранившиеся в авторской подборке стихотворения в архиве Бориса Ивановича Тайгина. Последнему необходимы были даты написания стихов, и Н. М. Рубцов поставил их. Вот стихи с датой «1957 год. Приютино»:

- «Оправдание»;
- «Товарищу»;
- «Снуют. Считают рублики»;
- «Не смей»;
- «Морские выходки».

Есть в примечаниях В. Д. Зинченко и стихи из архива В. Кожина с датой написания «1957 год». Но в этом году матрос Рубцов и правда написал много стихов, и впервые 1 мая опубликовал своё стихотворение «Май пришёл» в газете «На страже Заполярья», а также вступил в литературное объединение Северного Флота. Вот стихи 1957 года из архива В. В. Кожина, но без пометки «Приютино»:

«Ползает ручей в холодной траве...»;
«Знакомство».

Представляется очевидным, что разрыв отношений с Таей не добавляет матросу Рубцову хорошего настроения, но лишь после этого он знакомится с Ритой Власовой и на обратном пути на флот заезжает к Татьяне Решетовой. Поэт есть поэт: всем троим он пишет довольно известные стихи¹⁴. По теме нашего исследования коснёмся произведений, посвящённых Тае Смирновой, ибо они приводят нас к окончательным выводам статьи.

«Элегия» («Я помню, помню дождь и шум вокзала...»)
Прошло три года, ты меня забыла.
Остались письма, в письмах только ложь.

«Любовь» («Я брожу по дороге пустынной...»)
Ты целуешься с ним до рассвета
Как со мною три года назад.

«Так случилось» («Так случилось, что в сумерках лета...»)
Видимо, вариант стихотворения «Любовь».
Ты гуляешь с другим до рассвета
Как со мною три года назад.

«Ты просил написать об этом» Г. Фокину
Но напрасно к одной блондинке
Я три года назад ходил.

Явно упоминается Тая Смирнова!

После разлуки

Т. С.

Идет дождь? – можно узнать по луже.
Любишь меня? – Определю не хуже
По ласкам твоим и взглядам.
Мне клятвенных слов не надо!
Забыла ли ты о друге?
Взгляни же скорей!
Все ясно...
Три года тебе, подлюге,
Письма писал напрасно!

Рубцов резок, да и кому понравится крушение надежд в любви. Особенно плохо относится поэт к Тае в стихотворении «После разлуки», но эти нередко цитируемые строчки известны только по рукописи. А вот какой вариант стихотворения (с абсолютно неизвестной концовкой) удалось обнаружить автору в газете «Комсомолец Заполярья» от 13 мая 1959 года. После первой публикации печатается впервые.

После разлуки

Идёт дождь?
Можно узнать по луже.
Любишь меня?
Определю не хуже.
По встрече твоей, по взгляду –
Мне клятвенных слов не надо.
Забыла ли всё, что было?
Взгляни же скорей!
Всё ясно.
Как сильно тебе, любимой,
Я верил
И не напрасно!

Выходит, простил поэт Николай Рубцов девушку. Да и в чём была виновата Тая? Что любила, да не сложилось, и только... Но прощать так прощать, и сразу после отпуска 1958 года, в августе, Николай пишет «Желание», первая редакция знаменитого «Букета»:

Желание

Мне очень больно,
но обиды нет.
И унывать себе я не велю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу: «С другим наедине
О наших встречах позабыла ты.
Ну, что ж, на память обо мне
Возьми вот эти красные цветы».
Она возьмет,
я буду рад...
А после снова сердце
ранит грусть!
Она уйдет, так и не вскинув
взгляд,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть!
Мне очень больно,
но обиды нет.
И унывать себе я не велю.
Я лишь хочу, чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю.

В строчке «Она возьмёт ЦВЕТЫ, я буду рад...» слово ЦВЕТЫ явно пропущено при публикации в газете. А вот и окончательная редакция стихотворения «Букет»:

Букет

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
– С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! –
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

Пусть спорят рубцоведеды из-за первой строчки «Я долго буду гнать велосипед» – где он, этот велосипед? В деревне Космово Шуйского района, в Приютино, или в городе Кировске Мурманской области? Мы же видим, согласно первоначального тексту, что велосипеда там вообще нет. Он как некий образ появился в поздней редакции стихотворения. А есть в стихотворении горечь расставания с любимой девушкой, Таей Смирновой.

Стихотворение «Букет» было опубликовано поэтом Рубцовым в сборнике «Лирика» СЗКИ 1965 г. Николай Михайлович зачёркивал его, когда дарил книгу, возможно, по причине не творческой, а личной. Не так романтично, как в этом «Букете», всё было у него с любимым человеком. Но любовь была и это главная мысль стихотворения. Как бы давно ни отвергли мужчину, для него это незаживающая рана на сердце, невидимая, но явная. Таким образом, первоначальный вариант стихотворения «Букет» был посвящён Таисии Смирновой (Голубевой), приютинской любви Николая Рубцова, расставание с которой произошло во время отпуска весны-лета 1958 года. Напомню, что стихотворение опубликовано 22 августа 1958 года. На этой волне неудач в личной жизни поэт сочинил и ещё ряд автобиографических стихотворений, а возможно, желая забыть эту дату и душевную рану, сказал Борису Тайгину, что стихи появились не в 1958 году, а в 1957. Это и зафиксировал сборник «Волны и скалы». Вот такой лиричный и, возможно, документальный получился поэт Рубцов в этом материале.

Прежде чем перейти к основным выводам, обращаю внимание читателей на то, что в приведённых отрывках стихотворений матроса Рубцова постоянно повторяется мотив «три года назад». А три года назад – это и есть 1955 год, Приютино, учитывая летний отпуск 1958 года. Доверяйте же Рубцову, он более точен в написанных и строго датированных стихах, чем в воспоминаниях через несколько лет, при работе над книгой «Волны и скалы». К тому же, если матрос пишет три года письма своей подруге, то логично предположить, что эти годы они не виделись, а сами стихи написаны после отпуска 1958 года, когда Николай убедился, что дальнейших отношений с Таей не будет.

Итак, автор утверждает в этом материале на основе анализа документов и стихов Н. М. Рубцова:

- стихотворение «Букет» (в первоначальном варианте – «Желание») посвящено Таисии Александровне Голубевой (Тае Смирновой);
- флотского отпуска матроса Рубцова 1957 года не было.

Зачем искать следы ржавых велосипедов Рубцова, гораздо продуктивнее поискать истину в рубцовских стихах. Побудительные причины того или иного поступка поэта просто внимательно соотносить с документальной биографией и пропускать стихи поэта через сито времени написания в поисках проверенных фактов той же его биографии.

Примечания

1. Статья Леонида Вересова «Рубцов и Северный флот». Стр. 61–75. «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова». Вологда. 2013 г.
2. Ю. И. Кириенко-Малюгин. «Николай Рубцов. Звезда полей горит, не угасая». Творческая биография. Москва, 2011 г. Стр. 72. В монографии Ю. И. Кириенко-Малюгина «Николай Рубцов. «И пусть стихов серебряные струны». Москва. 2002. Об отпуске 1958 года нет ни слова.
3. Журнал «Пятницкий бульвар», №8 (48), 2006 г., стр. 16. Т. И. Решетова «И юность и плач радиолы».
4. Д. Москин. «Поцелуев мост – неизвестная страница в биографии поэта Николая Рубцова». Газета «Труд», 25–31 марта 2004 г.
5. www.rubcow.ru. Сайт «Николай Михайлович Рубцов и народное творчество». Раздел о жизни и творчестве поэта. «Вокруг Рубцова. Информация. Polemika». Рецензия на статью Леонида Вересова «Рубцов и Северный флот» Ю. И. Кириенко-Малюгина.
6. Валентин Сафонов. «Николай Рубцов. Повесть памяти». Морской сборник, 1986 г., № 4, стр. 90–95.
7. Н. М. Коняев «Николай Рубцов». Москва. 2006 г. Стр. 72–79.
8. А. В. Быков. «И золотое имя Таня». Вологда. 2009 г. Стр. 91–102.
9. Ю. И. Кириенко-Малюгин, там же. Стр. 72.
10. В. С. Белков. «Жизнь Рубцова». Вологда. 1993 г.
11. Б. И. Тайгин. «Ленинградский год Николая Рубцова». Из предисловия к изданию «Н. М. Рубцов «Волны и скалы». СПб. Бэ-Та. 1998 г.
12. Л. Н. Вересов, там же. Стр. 61–75.
13. Собрание сочинений Н. М. Рубцова в 3-х томах. Редактор-составитель В. Д. Зинченко. Москва. 2000 г.
14. Т. Решетовой «Ответ на письмо» («Что я тебе отвечу на обман»). 1958 г.; М. Власовой «Ветер с Невы», 1959 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ «В КОЧЕГАРКЕ» – ПРИМЕР НЕСОМНЕННОГО УСПЕХА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. РУБЦОВА

К теме труда Рубцов обращался в своих стихах нечасто. Некоторые ранние стихи Рубцова были посвящены нелёгкому труду рыбаков, включая знаменитое «Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в тралфлоте...». Лирику от природы было невмогуту воспевать казёнными словами героиню трудовых буден. Об этом много писалось в те годы книг, газетных и журнальных статей, да и «поэзия» рифмовала труд, мир, май очень бойко.

Обращение Рубцова к профессии кочегара в своём произведении, конечно, автобиографично. В 1952–53 гг. будущий поэт ходил в море подручным кочегара, да и по воспоминаниям Г. П. Фокина, флотского друга Рубцова, он часто спускался к кочегарам во время прохождения действительной военной службы на Северном флоте.

«В нашем кубрике на юте нашего эсминца, где жили кочегары и машинисты из БЧ-5, Коля бывал часто. Брал гитару или гармошку (напомним, что он служил в должности дальномерщика. Прим. Автора) и, сидя на рундуке, начинал петь. Это были песни как знакомые, так и незнакомые, только потом я понял, что пел он Есенина, и свои стихи, и ещё какие-то». Из письма автору статьи Г. П. Фокина, январь 2010 г.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что газета «Рыбный Мурман» 20 июня 1959 года печатает стихотворение старшего матроса Рубцова «Кочегар». Приведём его полностью как первый подготовительный этап к несомненному раннему шедевру поэта – стихотворению «В кочегарке».

Глухо гудит котёл.
Шлак, охлаждаясь, парит.
Крепкий чугунный пол
Угольной пылью покрыт.
Здесь, инструментом звеня,
В топках разводит жар

Весь в отражении огня
С ломом в руках кочегар.
Вот он с лица и рук
Пот полотенцем стёр.
Дух переводит: «Ух!»
И достаёт «Беломор».
Но затянувшись дымком,
С жадностью раз и другой,
Снова с тяжёлым гребком,
Ринется в пар и зной.
Всё – и жара, и пот
Стало привычным тут.
Смелый, он любит флот!
Сильный, он любит труд!

Н. Рубцов, старший матрос.

Рубцов ещё только нащупывает свой поэтический мир, те темы и манеры их раскрытия, которые впоследствии станут откровением в поэтическом мире.

Приведём выдержки из письма Н. Н. Шантаренкова, друга юности поэта, автору статьи от 17 июля 2006 года как пример, иллюстрирующий отношение Рубцова к современной ему и распространённой тематике стихов. Это, правда, относится к другому стихотворению поэта. «Читал ли он нам и что? Что – не помню. Да, читал. Он любил что-нибудь прочесть в ходе утреннего разговора, когда у него было хорошее настроение. Например, однажды утром в воскресный день, встав с постели, заправляя свою койку, он рассказывал, как читал матросам на сейнере «Я весь в мазуте, весь в тавоте...». Я читаю, а они хохочут и восторженно хлопают. И сам смеётся. Что, думаю, смешного, почему он смеётся? Только много лет спустя я понял, почему он смеялся. Ведь стихотворение-то не «производственное» (это приветствовалось в те годы). Стихотворение – лирика (это не приветствовалось, в те годы было другое представление о лирике). Поэтому смеялся он (Рубцов) тому, как ловко он упаковал свою лирику в производственную тему, и стихотворение напечатали в местной многотиражке, включили в праздничные программы и т. д. Это во-первых, а во-вторых, Рубцов в тралфлоте

служил (работал. Прим автора) когда? В 1952–53 годах. Стало быть, уже в те годы это стихотворение было написано. (Этот факт написания и публикации автор статьи предлагает доказать или опровергнуть архангелогородцам или мурманчанам, заинтересованным в истине по Рубцову). Оно, конечно, могло иметь несколько иное содержание, он любил дорабатывать свои стихи, применяя найденные образы к различным ситуациям. Но какой-то вариант его был уже тогда.

Н. Н. Шантаренков рассказывает в письме о годах совместной учёбы с Николаем Рубцовым в Кировском горно-химическом техникуме в 1953–55 гг.

Итак, стихами о трудовых буднях и героическом труде по построению коммунизма были переполнены газеты тех лет. И в этом потоке поэзии стихотворение Рубцова «В кочегарке», хотя и звучит в унисон с одной из главных тем стихов той поры, но всё же отличается конкретностью, знанием исходного материала (труда кочегара), нетривиальностью подхода к раскрытию, яркостью языка, силой убеждения.

Думается, и сам Николай Рубцов понимал, что это стихотворение удалось, и что оно будет печататься редакторами советских изданий как сильная, талантливая, убеждающая вещь.

Только в 1960 году в четырёх различных газетах Рубцову удалось разместить стихотворение «В кочегарке». Вот первый вариант этого произведения. Газета «Трудовая слава», г. Всеволожск Ленинградской области, от 13 марта 1960 г.

В кочегарке

Бьётся в топке пламень белый,

Белый-белый, будто снег.

Жилистый и смуглотелый

Возле топки человек.

Вместо «Здравствуйте»

– В сторонку! –

Крикнул – новенький, кажись?

И добавил, как ребёнку

Мне:

– Смотри, не обожгись!..

В топке шлак ломал с размаху,
Раскрасневшись от жары.
Проступали сквозь рубаху
Потных мускулов бугры.
Бросил лом. Платком утёрся,
На меня глаза скосил.
– А тельняшка, что, для форса? –
Иронически спросил.
Я, смеясь:
– По мне, для носки
Лучше вещи нету. Факт.
– Флотский, значит?
– Значит, флотский.
– Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, – произнёс.
И лопату,
 Как награду,
Мне вручил. – Бери, матрос!

В жизнь, конечно, входит атом,
Атому хвала и честь.
Но кой-где ещё лопатам
Тоже много дела есть!..
И теперь я тоже с жаром
С ним тружусь,
с дружкой,
 на пару,
Будто отдан был приказ:
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

Подчёркнутые слова и строфы были изменены Николаем Рубцовым уже в следующем варианте стихотворения, напечатанном в газете «Советский флот» 24 июня 1960 года.

В кочегарке

Вьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег.
Чёрный, злой, тяжелотелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте» – В сторонку! –
Крикнул. – Новенький, кажись.
И добавил, как ребёнку:
– Тут огонь, не обожгись!
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху
Потных мускулов бугры.
Бросил лом,
Платком утёрся.
На меня глаза скосил.
– А тельняшка, что, для форсу? –
Иронически спросил.
Я смеюсь.
– По мне для носки
Лучшей вещи нету, факт!
– Флотский, значит?
– Значит, флотский.
– Что ж, неплохо, коли так!
– Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, – произнёс
И лопату, как награду,
Мне вручил, – Бери, матрос!
Как хотелось, чтоб подуло
Ветром палубным сюда.
Но не дуло. Я подумал:
– И не надо. Ерунда!
И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас.

Старший матрос запаса Н. Рубцов

Последние две строфы будут впоследствии изменены поэтом, они неплохи, но Рубцов стремится к гармонии и совершенству даже в отдельном стихотворении и строфе...

Матрос Рубцов только-только демобилизовался с Северного флота и поступил работать на Кировский завод.

Выдержка из автобиографии Николая Рубцова от 2.5.1967 г., написанной во время учёбы в Литературном институте им. Горького: «1952–1953 – работал кочегаром в Архангельском траловом флоте... 1959–1962 г. – работал слесарем, кочегаром, шихтовщиком на Кировском (бывшем Путиловском) заводе в Ленинграде».

С большой долей вероятности можно говорить о стихотворении «В кочегарке» как о реальном случае, увековеченном в отличном стихотворении.

В газете «Вечерний Ленинград» стихотворение напечатано с подписью «Николай Рубцов, кочегар». Это были стихи из готовящегося к изданию сборника поэтов-кировцев к 30-летию литобъединения Кировского завода. В газете «Кировец» Кировского завода стихотворение «В кочегарке» подписано «Ник. Рубцов, кочегар жилотдела». Интересно в этом варианте четверостишие про «атом», т. е. прежде, чем окончательно отказаться от этой строфы, Рубцов пытается её улучшить, но, видимо, она его не удовлетворяет в принципе.

В жизнь конечно входит атом
Но пустая это спесь –
Говорить: «В музей лопаты»
И лопатам дело есть.

Надо считать это забытым вариантом этой строфы Рубцова.

Анализируя тексты стихотворений в различных изданиях, понимаешь, насколько требовательно относился Рубцов к своим стихам. Вроде бы, первая публикация удалась, но некоторые строфы, образы не удовлетворяют поэта. И в следующие публикации вносятся поправки, уточнения мысли, находятся более ёмкие сравнения. Не знаю, кто ещё так дорабатывал уже напечатанные стихи.

У Рубцова «подобной шлифовке публикацией» были подвергнуты даже почти все бесспорные шедевры, т. е. несколько вариантов, причём напечатанных уже в газетах и журналах, имеются едва ли не у каждого произведения поэта.

Относительно небольшое количество стихов в какой-то мере можно считать «ахиллесовой пятой» поэта. Рубцов брал качеством поэтического труда, порой доходившим до гениальности...

Однако вернёмся к стихотворению «В кочегарке». После 1960 года удача ранней лирики поэта тоже была востребована. Стихотворение публикуется в двух поэтических сборниках поэтов Кировского завода. «Первая плавка», 1961 г. и «Продолжение песни», 1963 г. Тексты стихотворения в них близки ко второму, приведённому в данной статье, варианту.

Газета «Труд» печатает видоизменённый вариант стихотворения в 1963 году. Сравните его с первоначальным, и, думается, всё будет понятно без комментариев. Изменена предпоследняя строфа стихотворения. В последней строфе – уход от конкретики (привязки ко времени демобилизации), более обобщённый образ. Трудно сказать, в каком варианте стихотворения последняя строфа лучше.

В кочегарке

Бьётся в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег.
Сильный, видно, и умелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте» – В сторонку! –
Крикнул. – Новенький, кажись.
И добавил, как ребёнку:
– Тут огонь, не обожгись!
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху
Потных мускулов бугры.
Бросил лом,
Платком утёрся.
На меня глаза скосил.
– А тельняшка, что, для форса? –
Иронически спросил.
Я смеюсь.
– По мне для носки
Лучшей вещи нету, факт!

– Флотский, значит?
– Значит, флотский.
– Что ж, неплохо, коли так!
– Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, – произнёс
И лопату, как награду,
Мне вручил, – Бери, матрос!
...Пахло угольным угаром,
Лезла пыль в глаза и в рот,
А у ног горячим паром
Шлак парил, как пароход.
Ничего, что много пота,
Отблаженствуем во сне!
Вот лицо моей работы –
Пламя, белое, как снег.

Николай Рубцов
Москва

Однако в сборнике «День поэзии» (М., Л.: Советский писатель, 1963 г.) стихотворение «В кочегарке» напечатано с окончанием:

И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

Надо заметить, что в последний раз Рубцов разместил стихотворение «В кочегарке» в газете «Вологодский комсомолец» в 1967 году, и при жизни поэта оно более не печаталось. Не вошло оно ни в один прижизненный сборник поэта. Нет его в сборниках «Зелёные цветы» и «Подорожники». Не удалось сверить все подборки поэта в столичных журналах и выпусках «День поэзии». Однако, думается, темы стихов, которые Рубцов размещал в этих солидных изданиях, уже были истинно рубцовскими, которые сделали его имя известным и в известной мере «оппозиционным» шаблону, языку и вкусам поэзии советского периода страны.

Остаётся открытым вопрос: а в каком варианте печатать это стихотворение в часто издающихся сборниках его стихов. Видимо, надо печатать вариант газеты «Вологодский комсомолец». В этот «звёздный год» Николая Рубцова, как писал В. Белков, поэт, полностью доделал стихотворение и по форме, и по содержанию. Думается, Рубцов не включал стихотворение «В кочегарке» в свои лирические сборники не из-за художественных недостатков, просто в смысле тематического подбора стихов и сам поэт, и редакторы его сборников были очень строги. А у самого Рубцова к моменту книжных публикаций накопилось уже немало истинных шедевров.

Эту мысль очень хорошо иллюстрирует статья С. В. Чухина о книге Рубцова «Душа хранит», газета «Маяк», Вологодский район, 31 января 1970 г. «Привет, Россия!». В ней поэт Чухин прямо пишет о том, что некоторые стихотворения Рубцова неуместны в сборнике под таким названием, что они тематически выбиваются из прекрасно скомпонованного сборника с названием «Душа хранит».

«Нужно отметить, что некоторые стихи, включённые в сборник, теряют свою значимость. Может быть, в других циклах они бы и прозвучали, но в цикле «Душа хранит» они не выглядят достаточно полновесными. Сюда можно отнести стихотворения «Не пришла» и «Наступление ночи».

Публикацией стихотворения «В кочегарке» в «Вологодском комсомольце» 20 октября 1967 года поэт Николай Рубцов простился с юностью. Кстати, в своём архиве поэт хранил одну газетную вырезку из газеты «Вечерний Ленинград» как память молодого вдохновения (ГАВО, ф. 51, оп. 1, дело 293).

В заключение приводится список изданий периодической печати и коллективных сборников, в которых было напечатано это стихотворение:

- 13 марта 1960 г., Всеволожск, газета «Трудовая слава»;
- 26 апреля 1960 г., газета «Кировец» Кировского завода;
- 5 мая 1960 г., газета «Вечерний Ленинград»;
- 24 июня 1960 г., газета «Советский флот»;
- Сборник «Первая плавка», 1961 г.;
- Сборник «Продолжение песни», 1963 г.;
- 4 июня 1963 г., газета «Труд»;
- 1963 г., сборник «День поэзии» (М., Л.: Советский писатель);
- 20 октября 1967 г., газета «Вологодский комсомолец».

Должен заметить, что последние четыре публикации в списке совсем не приводятся в работах исследователей жизни и творчества Н. М. Рубцова.

Обращаю внимание читателей на заключительное четверостишие, которое забыто и игнорируется во всех современных публикациях стихотворения «В кочегарке». Вопрос для дискуссии рубцоведов: оставить привычную концовку стихотворения –

И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

Или, следуя этическим нормам, всё ж таки изменить её на последний вариант окончания стихотворения, опубликованного при жизни поэта в 1967 г.:

Ничего, что много пота,
Отблаженствуем во сне!
Вот лицо моей работы –
Пламя, белое, как снег.

Предлагаю, всё же, в публикациях, в принципиальных случаях, печатать оба варианта последовательно.

АРХИВНЫЕ СМАЛЬТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОЗАИКИ ПОЭТА РУБЦОВА

Статья вторая.

Стихотворение «Элегия»
(«Стукнул по карману – не звенит»).

Архивная история написания, ранние варианты
и устоявшиеся версии стихотворения.
К постановке вопроса
о многовариантности лирики поэта

Начнём необычно. Стихотворение «Элегия», к счастью для исследователей, оказалось записанным на магнитофонную ленту. Мы можем послушать авторское исполнение этого произведения поэтом Николаем Рубцовым. Эту запись осуществил Б. И. Тайгин в 1962 году среди 12 стихов, начитанных тогда поэтом Рубцовым. Все признаки интонации, голоса молодого поэта говорят за это. Само читаемое стихотворение полностью соответствует варианту из ГАВО (Государственный архив Вологодской области) [1]. Обозначим его как вариант первоначальный (первый).

Стукнул
по карману –
не звенит,
Стукнул по другому – не слышать.
В коммунизм – таинственный зенит –
Полетели мысли отдыхать.
Но очнись, и выйду за порог,
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,

Солнышко описывает круг,
Жизненный
Отсчитывает срок...

В стихотворении сохранена пунктуация архивного документа. Посвящение брату Алику Рубцовым не озвучивается, нет его и на первой печатной версии из ГАВО. В сборнике «Волны и скалы», выпущенном самиздатовским способом Борисом Тайгиным в 1962 году в количестве шести (6) экземпляров, данное стихотворение датируется мартом 1962 года, указывается место написания (возможно имелось в виду именно этой версии) – город Ленинград.

Обложка сборника «Волны и скалы». Рисунок Николая Рубцова. Обращаю внимание, что на рисунке не боевой корабль Северного Флота, а рыболовецкий траулер РТ-20 «Архангельск», по памяти нарисованный поэтом.

Стихотворение «Элегия» занимает явно особое положение в сборнике, ибо публикуется первым в разделе «Вместо предисловия» и с посвящением «Брату Алику». Разночтений с первым вариантом из ГАВО несколько. Построение строф, знаки препинания несколько изменены в сборнике. Вместо строчки «В коммунизм – таинственный зенит», в сборнике «В коммунизм – безоблачный зенит». Видимо, под воздействием тогдашней идеологии, говорить о коммунизме, вообще-то таинственной сущности человечества, следовало как о безоблачной сущности. Тайгину или Рубцову, но это пришло им в голову, и исправление в печатном варианте состоялось. Надо сказать, что и до сих пор эта сущность коммунизма скорее таинственная, нежели безоблачная. Никто пока не жила при коммунизме и эта теория на практике никем не проверена. Однако неприятностей по поводу эпитетов желаемого строя можно было обрести в полной мере в те годы – это факт. То, что Николай Рубцов исправляет эпитеты понятия «коммунизм», это очень понятно. Н. С. Хрущёв, вначале 60-х годов 20 века, всерьёз намеревался построить его в СССР и шутить с этим было нельзя. Следующий принципиальный вариант стихотворения «Элегия» из ГАВО обозначим как вариант второй. Рубцов со свойственным ему молодым оптимизмом ищет новые ходы в стихотворении [2]:

Стукнул по карману –
Не звенит!
Стукнул по другому –
Не слышать!
В коммунизм –
В безоблачный зенит
Полетели мысли
Отдыхать.

Память отбивается
От рук.
Молодость уходит
Из-под ног.

Солнышко описывает
Круг –
Жизненный отсчитывает
Срок.

Я очнусь и выйду
За порог,
И пойду на ветер,
На откос
О печали
Пройденных дорог
Шелестеть
Остатками волос...

Стукну по карману –
Не звенит!
Стукну по другому –
Не слышать!
В коммунизм –
В безоблачный зенит
Улетают мысли
Отдыхать...

Итак, первый вариант из ГАВО и из сборника «Волны и скалы» отличается от второго варианта из ГАВО тем, что первое четверостишие повторяется как четвёртое. Прошедшее время «полетели мысли», «стукнул по карману» преобразуется в настоящее время «улетают мысли» и «стукну по карману» в последнем четверостишии. Обратите внимание на то, что Николай Рубцов переставляет местами второе и третье четверостишия по сравнению с вариантом первым. Строчка «но очнусь, и выйду за порог» даётся во втором варианте как «я очнусь, и выйду за порог». Конечно, меняется разбивка строф, они отделяются друг от друга. Получается совсем другой ритм стихотворения и в этом весь Рубцов ленинградского периода творчества. Эксперимент, поиск нового, освоение неизвестных поэтических горизонтов... В 1967 году в книге «Звезда полей» Н. М. Рубцов использует уже совсем другой тональный вариант стихотворения.

Элегия

Стукнул по карману – не звенит!
Стукнул по другому – не слышать!
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнусь и выйду за порог,
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук.
Молодость уходит из-под ног.
Солнышко описывает круг –
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману – не звенит!
Стукну по другому – не слышать!
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

Сколько литературоведческих копий уже сломано в турнирах, доказывающих принадлежность этих последних двух строчек Рубцову или редакторам. Вопрос можно поставить и по-другому – пришлось ли с этим редакторским вариантом согласиться Рубцову или сам поэт предложил такой оптимистично-весёлый выход из этого элегичного стихотворения. Следуя фактам биографии Рубцова, необходимо сказать, что в Ялте он так и не побывал, а вот в дом творчества Дубулты в Прибалтике на март 1971 года заявление и правда написал, так как не собирался умирать в «крещенские морозы января 1971 года (кстати, в 1971 в Ялте, согласно заявлению, отдыхала Людмила Славолубова, писатель-очеркист из Вологды) [3].

Давайте обратимся к воспоминаниям приятелей поэта об этом стихотворении.

Хлопнул по карману
Не звенит.
Хлопнул по другому
Не слышать...

Вот так по утверждениям одних звучала строка Рубцова и только редактора заставила изменить правильное «хлопнул» на более литературное «стукнул». Что же, эта точка зрения понятна. А вот как вспоминает это стихотворение Рубцова А. А. Ольшанский [4]. «Недавно я взял его сборник "Подорожники", и многие страницы всколыхнули мою память. Я был одним из первых слушателей стихотворения "Стукнул по карману...". Однажды утром столкнулся с Колей в коридоре общежития Литинститута. С поэтами по утрам было встречаться небезопасно, поскольку многим из них хотелось кому-нибудь прочесть написанные ночью стихи. Была даже такая шутка: "Не стой на виду, а то переведу!"».

Вполне возможно, что Рубцов в ту ночь вообще не спал и ему хотелось попросту есть. Он прочел концовку стихотворения, не без юмора названного "Элегией": "Стукнул по карману – не звенит. Стукнул по другому – не слышать. Если только буду знаменит, буду неимущих похмелять!..". Последняя строка "То поеду в Ялту отдыхать...", потом появившаяся в сборниках, явно не рубцовская, придуманная редакторами. Последняя строфа выполняла роль своего рода колядки – предложения поесть-выпить в обстоятельствах, когда "не звенит". "Буду неимущих похмелять!.." – конечно же, обещание поддержать в трудную минуту друга-литератора». Александр Ольшанский сейчас преподаёт на Высших литературных курсах в Литературном институте и его воспоминания чрезвычайно важны и документальны. Но записанного Рубцовым такого варианта не сохранилось, может это была шутка момента и только. Со временем написания стихотворения тоже не всё ясно.

Какие-то ранние версии этого стихотворения вспоминает Валентин Сафонов, флотский друг Николая Рубцова [5]. «Это потом уже, годы спустя, в известном ныне всем стихотворении Рубцова «Стукнул по карману – не звенит...» появится пронзительная концовка:

Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

И возвышенно-грустное название свое – «Элегия» – обретет это стихотворение позже. В таком виде, строго говоря, будет оно опубликовано на сотой странице сборника «Звезда полей», выпущенного издательством «Советский писатель» в 1967 году.

Мы, североморцы, слышали это стихотворение десятью годами раньше. Был у нас добрый обычай: каждое занятие литобъединения завершать чтением юмористических стихов, экспромтов, пародий и эпиграмм друг на друга, чаще всего сочиненных тут же, по ходу разговора. Молодые все были, зубастые, случалось порой, слово опережало мысль: где бы и подумать, помолчать – ан нет, спешишь высказаться...

Вот в такой как раз обстановке и прочел Рубцов стихи, которым в будущем суждено будет стать «Элегией». И не было в ней, то бишь в них, в стихах, ни слова о Ялте: последняя строфа целиком повторяла первую, только глагол «полетели» стоял в настоящем времени. И «зенит» соседствовал с другим эпитетом: «безоблачный». Вот так читалось: «В коммунизм — безоблачный зенит улетают мысли отдыхать...».

Мы – три десятка моряков, летчиков, солдат, военных строителей – восприняли это стихотворение как шутку, не более. А иначе и быть не могло. Давайте вспомним:

Но очнусь и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок...

Очень уж не вязалась печальная наполненность этих строк с обликом автора – жизнерадостного морячка. Впрочем, даже не то, что не вязалась – противоречила ему».

Итак, если верить Сафонову, то датировка написания «Элегии» 1962 годом неверна. Впрочем, мы уже предупреждали о том, что Николай Рубцов мог просто датировать свою очередную версию

стихотворения. Кому-то из приятелей Рубцова нравятся строчки про Ялту, кто-то их не принимает. Иван Костин вспоминает [6]:

«Но первую свою популярность Николай завоевал все же среди студенческого окружения исполнением своих песен-экспромтов, сочиненных как бы в шутку, но с явным вызовом официальной поэзии.

Однажды, когда я заглянул в его комнату на звук гармошки и голоса (он неплохо играл и на гитаре), он напевал такие строки, ставшие впоследствии широко известными:

Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
В коммунизм, в заоблачный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Стихотворение это под названием "Элегия" было впервые опубликовано в сборнике "Николай Рубцов" ("Советская Россия", 1977 г.), в нем была "подредактирована" первая строфа: "Стукну по карману – не звенит. Стукну по другому – не слышать. В тихий свой таинственный зенит полетели мысли отдыхать". Согласитесь, это слабее, расплывчатее по мысли».

Видите, тут вспоминается и «заоблачный» и «безоблачный» зенит, вариантов, видимо, было много, так и коммунизм был делом неизвестным доселе... Авторы воспоминаний иногда точно не знают, где и когда было опубликовано это стихотворение Н. М. Рубцова, ну да простим им, мы то всё знаем точно.

Далее вашему вниманию предлагаются воспоминания Бориса Укачина, в части касающейся этого стихотворения Рубцова [7]. «Всем ясно, жить на скудную студенческую стипендию трудно, поэтому в нашей общестии быстро стало популярным стихотворение Рубцова, где были такие строки:

Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Правда, выпуская в издательстве «Советский писатель» в 1967 году свою первую московскую книгу «Звезда полей», автор счел нужным заменить и уточнить некоторые слова из последних двух строчек. И, мне думается, поступил совершенно верно: у него был тонкий вкус к слову».

Ну вот, Укачин уже более точен в воспоминаниях. Но, повторюсь, нас интересует последняя строфа и отношение к ней. Это связано с вопросом многовариантности лирики Рубцова и с тем, как же печатать его произведения.

Итак, можно сказать, что существуют две основные версии с разночтениями стихотворения «Элегия» («Стукнул по карману...»), напечатанные в первом самиздатовском сборнике «Волны и скалы» 1962 года и в лучшем сборнике Николая Рубцова «Звезда полей» 1967 года. Вариант из «Звезды полей» более известен, и он подавляюще часто воспроизводится как стихотворение «Элегия» во всех вновь выходящих сборниках поэта.

Редкая фотография Н. М. Рубцова, как нельзя лучше иллюстрирующая содержание стихотворения «Элегия». Рядом с Николаем Рубцовым за столиком – поэт Игорь Ляпин.

Видимо то, о чём буду писать далее, в первую очередь будет интересно историкам литературы и литературоведам. Но ради этих наблюдений и новых данных писалась статья. Считаю, что Ленинградский период творчества Н. М. Рубцова, как бы к нему не относиться, невозможно выкинуть из его творческой биографии. Да, поэт экспериментирует, иногда – на грани фола. Некоторые считают подобное стихосложение вершиной творчества Рубцова. Кто-то считает недопустимым и даже вредным печатать стихи из сильно недооценённого сборника «Волны и скалы» в полном объёме, дескать, они не характерны и не достойны высокого горизонта Рубцова. Но можно поставить вопрос и по-другому, помня слова В. И. Белова, начертанные на сборнике, который Борис Тайгин подарил вологодскому критику Василию Оботурову: «Требуется переиздать миллионным тиражом». Нам дорого всё, написанное Н. М. Рубцовым, и его творческая биография не должна страдать из-за идей и мнений. Она должна быть полной и документальной. Другое дело, что комментарии к ней должны быть объективные и беспристрастные.

Предлагаю вернуться к сборнику «Волны и скалы» и внимательно пробежаться по его содержанию. В разделе седьмом «Хочу – хохочу» давайте пристально вчитаемся в стихотворение «МУМ (марш уходящей молодости)» на странице 43. Стихотворение датировано Рубцовым апрелем 1962 года.

МУМ

(марш уходящей молодости)

Стукнул по карману, – не звенит:
как воздух.

Стукнул по другому, – не слышать.
Как в первом...

В коммунизм – таинственный зенит –
как в космос,
полетели мысли отдыхать,
как птички.

Но очнусь и выйду за порог,
как олух.

И пойду на ветер, на откос,
как бабка,
о печали пройденных дорог,
как урка,
шелестеть остатками волос,
как фраер...
Память отбивается от рук,
как дура.
Молодость уходит из-под ног,
как бочка.
Солнышко описывает круг,
как сука, —
жизненный отсчитывает срок...
Как падла!

*Ленинград,
апрель, 1962*

Это, по сути, та же «Элегия», но какой-то хулиганский вариант бесшабашного поэта, который следует читать в определённой аудитории, вслух и обязательно со сцены. Согласен, не всем он придётся по вкусу, некоторые посчитают его недостойным таланта Рубцова и не стоящим никакого разбора. Но зачем-то же молодой поэт включил его в свой сборник. Вот как Б. И. Тайгин вспоминает о работе над книгой [8]:

«В свете нашего замысла об издании его книжки стихов, Николай в скором времени обещал снова зайти ко мне. Я немедленно приступил к печатанию на машинке, оставленной им подборки стихов, получая при этом настоящее эстетическое удовольствие, настолько стихи его были великолепны! В течение полутора месяцев (июнь и пол-июля) Николай бывал у меня довольно часто, имея с собой новые стихи, новые мысли и конкретные предложения по изданию его книжки. Вероятно, он периодически возвращался к доработке текстов ранее написанных им стихов, исправляя и переделывая в них отдельные строки и даже целые строфы, постоянно улучшая стих до классического образца... Была ли эта практика случайной, или он постоянно так работал, доводя свои стихи до совер-

шенства, сказать не берусь, но в период печатания его книжки стихов, мне приходилось неоднократно перепечатывать заново уже готовые страницы, т. к. в тексты многих стихов Николай вносил, иногда в один и тот же стих неоднократно, разные изменения... Если изменения были значительны, менялась дата написания стиха!».

МУМ

(марш уходящей молодости)

Стукинул по карману. — не звенит:
как воздух.
Стукинул по другому. — не слышать.
Как в первом...
В коммунизм — таинственный зенит —
как в космос,
полетели мысли отдыхать,
как птички.
Но очнусь и выйду за порог,
как олух.
И пойду на ветер, на откос,
как бабка,
о печали пройденных дорог,
как урка,
шелестеть остатками волос,
как фразер...
Память отбивается от рук,
как дура.
Молодость уходит из-под ног,
как бочка.
Солнышко описывает круг,
как сука. —
жизненный отсчитывает срок...
Как пада!?

*Ленинград,
апрель 1962*

Налицо очень серьёзная редакторская работа Тайгина и неподдельный интерес и ответственность Рубцова. Ничего лишнего, того, чего бы Николай Рубцов не хотел видеть в сборнике, в нём просто появиться не могло. Почему же две версии одного и того же по сути стихотворения оказались в этом сборнике. Если отбор в «Волны и скалы» был ответственным, то, что это – небрежность или недосмотр поэта и издателя? Думается, нет. Считаю этот шаг Николая Рубцова распутием. Вот она, дорога экспериментов, авангарда, может быть, полных залов поклонников, созвучные времени «оттепели» в политике стихотворные строки «МУМ». Можно двигаться по этой дороге, конечно, совершенствуя тематическое мастерство, и далее – успех на этом пути.

Рубцов это понимает и пишет в предисловии к сборнику «Волны и скалы»: «В этот сборник вошли стихи очень разные. Весёлые, грустные, злые. С непосредственным выражением и с формалистическим, как говорится, уклоном. Последние – не считаю экспериментальными и не отказываюсь от них, ибо, насколько чувствую, получились они – живыми. Главное – что в основе стиха. Любая "игра" не во вред стихам, если она – от живого образа, а не от абстрактного желания "поиграть". Если она – как органическое художественное средство. Это понятно каждому, кто хоть немножко "рубит" в стихах».

Но в том, же предисловии: «В жизни и поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если её почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном. По-настоящему люблю из поэтов-современников очень немногих. Чёткость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов. Это – характерный знак времени. Пока что не чувствую этот знак и на себе».

Размышления Рубцова интересны, но содержание сборника интересней не менее. «Вместо предисловия», в начале, Николай Рубцов печатает классический (пусть и первый) вариант «Элегии», а «МУМ», экспериментальный вариант, только в конце, – в разделе

«Хочу – хохочу», как бы уже не в серьёзной, не в актуальной для него позиции. Посвятив «Элегию» брату Алику, Николай предназначал себе другой путь, выбранный сознательно – дорогу русской классической поэзии, и в ней он видит своё будущее. Свою светлую печаль и свою любовь к родному краю, к России поэт выплеснет в стилистике великих русских поэтов. Рубцов уже тогда осознанно выбирает прямой и понятный поэтический удел Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Бунина.

Не знаю, насколько убеждает это наблюдение, но вот ещё один характерный штрих рубцовского перепутья. Рубцов заканчивает сборник «Волны и скалы» разделом «Вместо послесловия». В нём одно стихотворение – «Лесной хуторок» (идиллия), а это тоже первый вариант стихотворения «Добрый Филя», которое считается наиболее рубцовским в раннем периоде творчества поэта. Расставаясь с читателями, Николай Рубцов расстаётся и с иллюзиями эстрадной поэзии и заявляет о переходе к так знакомому и ценимому духовному содержанию своих стихов. Из стихотворения «МУМ» Николай Рубцов убирает слишком уж непозитичную последнюю строфу.

... Стукнул по карману – не звенит:
Как воздух.
Стукнул по другому, – не слышать.
Как в первом...
За туманом – не видать зенит:
Как в море.
И невольно вспомнишь слово «мать» -
Как ругань! ...

Спасибо Борису Ивановичу Тайгину, что сохранил для истории литературы эту страничку. Её прислал автору материала С. А. Першин, краевед, исследователь, библиофил из города Дзержинска Горьковской области. Сам он получил её от Тайгина 5.07.2002 года. И если у Рубцова были такие верные друзья и остаются такие верные поклонники, то шансы разобраться в его поэтическом феномене сохраняются высокие.

И У И

(марш уходящей молодости)

Ступнул по карману, — не звенит:
так воздух.
Ступнул по другому, — не слышать.
Как в первом...

В коммунизм — таинственный зенит —
как в космос,

полетели мысли отдохнуть,
как птички.

Но очнувшись и выйдя за порог,
как слух.

И пойдя на ветер, на стокос,
как бабка.

с печали пройденных дорог,
как урка,

пелестеть остатками волос,
как фразер..

Память отбивается от рук,
как дура.

Молодость уходит из-под ног,
как бочка.

Солнышко описывает круг,
как сука, —

жизненный отсчитывает срок,
как падла!

...Ступнул по карману — не звенит:
как воздух.

Ступнул по другому, — не слышать.
Как в первом...

За туманом — не видеть зенит:
как в море.

И повольное вспомнить слово "мать" —
как ругань'..

Ленинград, апрель 1962 г.

Страница макета сборника «Волны и скалы» из архива
Б. И. Тайгина с зачёркнутым рукой Рубцова
последним четверостишием, не вошедшим в сборник.

Понимаю всю серьёзность следующего заявления. Получается, что в начале своей поэтической карьеры, при печатании сборника «Волны и скалы», Н. М. Рубцов уже применил тот принцип, по которому автор данного материала тоже хотел бы, чтобы публиковали стихи Рубцова – МНОГОВАРИАНТНОСТЬ. Это важнейшее качество произведений поэта, а значит, надо печатать все возможные версии стихов Рубцова, как он сам уже делал это в «Волнах и скалах». Итак, публикацией в одном сборнике двух версий одного стихотворения Николай Рубцов как бы провозглашает свой манифест. Проститься с экспериментами в поэзии – в тексте «МУМ», а в «Элегии» – объявить основной принцип своих последующих стихов – элегичность, светлую печаль о том, что было, и что есть в действительности, но могло бы быть по-иному.

Рубцов сам провозглашает принцип многовариантности своих стихов и в сборнике «Волны и скалы», возможно, в спорах с Тайгиным, ему удалось его отстоять. Что касается следующих официальных сборников, то вряд ли редакторы прислушивались к мнению Рубцова и многовариантность осталась только в черновиках (которых сохранилось относительно немного) и в архивных документах, которые с этой точки зрения ещё никто не изучал.

Мною уже предлагалось печатать лучшие варианты и версии известных стихов поэта [9]. Они заслуживают этого по чисто художественному принципу, а кроме того, неизвестные версии стихов поэта поднимут интерес к его творческому наследию. Как известно, только чуть более четырёхсот стихотворений оставил нам великий поэт, а за счёт вариантов количество стихов намного увеличится. Конечно, это надо делать не во всех сборниках, а только для любителей, понимающих в стихотворном труде. Может быть, не нужно делать этого постоянно, но отказываться от этой идеи многовариантности стихов Н. М. Рубцова, провозглашённой им самим, ни в коем случае нельзя.

1. ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф. 51, оп. 1, ед. фр. 280, л. 1.
2. ГАВО, ф. 51, оп. 1, едхр. 280, л. 3.
3. Л. Вересов. «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова». Вологда 2013. Стр. 291. Заявление директору Литфонда СССР М. Тарakanову от 24 декабря 1970 года.
4. А. Олышанский. «Спокойных звёзд безбрежное мерцанье». «Парламентская газета». 01.01.2001.
5. В. Сафонов. «Иметь большую цель». «Воспоминания о Рубцове». СЗКИ. Архангельск. 1983.
6. И. Костин «Россия, Русь! Храни себя, храни!». «Карелия», № 9, 25 января 2001.
7. Б. Укачин. «Гори, сияй, звезда его полей! «Сибирские огни», № 2, 1984.
8. Б. Тайгин «Ленинградский год Николая Рубцова» Воспоминания. «Н. М. Рубцов «Волны и скалы». Бэ-Та, СПб, 1998.
9. Н. Рубцов. «Мачты». Вологда. 2014. Проект литературной реконструкции Леонида Вересова.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ Н. М. РУБЦОВА: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Неизвестное стихотворение поэта Н. М. Рубцова – это серьёзное событие. Однако подобные события случаются в литературоведении наших дней. Поэт Рубцов, будучи публичным человеком, оставил после себя не слишком обширное творческое наследство. Оно состоит примерно из четырёхсот стихотворений, безусловных шедевров лирики, флотских стихов времён службы на Северном флоте, экспериментальных стихов ленинградского периода жизни и стихов, неопубликованных при жизни поэта по различным причинам.

Откуда происходят неизвестные стихи поэта? Ответ один – из государственных хранилищ документов, собраний друзей поэта и архивов почитателей его творчества. Многие сделали для того, чтобы «архивный Рубцов» стал достоянием читающей публики, В. С. Белков, В. Д. Зинченко, В. Н. Бараков, В. В. Коротаев. Именно собрание документов сектора письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника стало местом, где нашлись забытые стихи Н. М. Рубцова. Передала их на хранение в 2005 году вдова поэта Виктора Коротаева – Вера Коротаева. Выражаю ей огромную благодарность за разрешение опубликовать неизвестные рубцовские материалы, а сотрудникам рукописного фонда музея – за помощь в работе с архивными документами.

Всё не так просто с неизвестным Рубцовым. Если данных стихов нет в изданиях поэта, это ещё не значит, что где-то в газетной периодике они не публиковались. Поэтому решение обнародовать стихи поэта Рубцова созрело только после просмотра всех возможных и доступных для автора публикаций и консультаций со специалистами. Эти стихи, по крайней мере, не печатались ни в одном известном сборнике поэта, не упоминались ни в одном серьёзном исследовании его творчества.

Возможно, они не самые выдающиеся откровения поэта, но это подлинный Рубцов, скорее всего, конца 50-х – начала 60-х годов XX века.

Известны факты, когда матроса Рубцова во время службы на СФ просили написать какие-нибудь стихи и поздравления в стихотворной форме, что он и делал, например, в письмах на имя Таи Смирновой или на имя своих друзей.

Цитата из письма Николая Белякова, приятеля Николая Рубцова из посёлка Приютино Ленинградской области (архив автора статьи): «19.12.1955 г. Здравствуй, дружище Никола!.. За тебя я очень рад, что ты переведён на корабль, и сожалею, конечно, что тебя не отправили в Ленинград... Поздравляю тебя с наступающим Новым годом... Никола! Сочини какой-нибудь стишок на Новый год и пришли мне на память... С приветом к тебе! Твой тёзка Никола».

Видимо, стихотворение, которое удалось найти в фондах музея-заповедника, из этого ряда. Имеется посвящение Б. А., кому-то из флотских друзей Рубцова. Оно перекликается несколькими строчками с известным стихотворением Рубцова, но является вполне самостоятельным произведением. В машинописи оно зачёркнуто рукой поэта, то есть, вероятно, чем-то не устраивало автора.

Б. А. В день рождения

Нам праздник твой отметить нечем.
И только дома за столом
Ты был бы водкой обеспечен
С большим семейным пирогом.
Забыл бы ты в свой день рождения
Все неудачи, все грехи.
Поэты местного значения
Тебе читали бы стихи.

.....

Увы! Сегодня мы в дозоре.
И я тут вовсе не причём,
Что наше северное море
Тебя не встретит пирогом.
Совсем обижен, не совсем ли,
Доволен будь, что увидал
Из мрака выплывшую землю,
Сплошь состоящую из скал.

И что на койке в день рождения
Ты отдохнуть спокойно мог,
Что нынче в море на учениях
Почти что не было тревог...

Во втором стихотворении-посвящении неизвестной оказалась первая строфа. В трёхтомнике стихов Рубцова (составитель В.Д. Зинченко) последние две строфы опубликованы без неё.

В день твоего на свете появления,
В день ангела, слетевшего к тебе,
Прими слова любви и поздравления
От всех своих собратьев по судьбе.

Жизнь – океан, волнуемый скорбями,
Но ты всегда неробкий был пловец,
Ты скован был вселенскими цепями
И лучших чувств ты был всегда певец.

Пусть бьёт ключом шампанское и старка.
Я верю в то – ты мне не прекословь! –
Что нет на свете лучшего подарка,
Чем в день рожденья общая любовь!

Эти стихи интересны больше не с точки зрения поэзии, а с точки зрения творческой биографии поэта Рубцова. Они не дополняют список шедевров Рубцова, но являются дополнением к полному списку стихов поэта.

Фрагмент стихотворения из записной книжки Рубцова. Почему-то на него раньше не обратили внимания. Возможно, именно эта записная книжка № 7 поступила в архив музея-заповедника позднее, чем шесть остальных. В «Словаре языка и рифм поэзии Николая Рубцова» (Череповец, 2005) М. И. Сидоренко не приводится таких слов, как «тополёвый прямостой», «шумливая орава», которыми нас радует этот отрывок из Рубцова. Это даёт уверенность в том, что стихотворение – новая архивная находка.

За ручеёк,
Запутавшийся в травах,
Где тополёвый
Виден прямостой,
Ходили мы
Шумливою оравой
Рвать ежевику
Средь травы густой.

Вторую строфу следующего стихотворения Николай Рубцова, как неизвестного, приводит в своей публикации В. Н. Бараков, профессор, доктор филологических наук. (Газета «Красный Север», 20 октября 2005 г., «Я спешу сложить свои стихи»). Видимо, автору данного материала повезло больше, т. к. обнаружилась первая строфа этого стихотворения Рубцова, и обе они составили яркое, вполне законченное стихотворение молодого поэта. Чем-то эти две строфы напоминают знаменитое стихотворение «Улетели листья с тополей», хотя здесь листья с осин, но также прекрасно и образно сказано об осени. Очень верно подмечен поэтом плащ из парусины. Именно в таких ходили в дождь жители деревень и сёл Вологодчины.

Николай Рубцов в этом стихотворении меланхоличен, точен и лиричен. Скорее всего, оба эти стихотворения написаны примерно в одно и то же время. На листе бумаги остались следы поисков поэтом особой выразительности первой строчки второй строфы стихотворения. Впрочем, оставим литературоведческий анализ специалистам, выразив, всё же, уверенность в том, что это стихотворение достойно поэтического таланта Н. М. Рубцова.

Фантастично грустные рассветы
Я встречал в плаще из парусины.
...Как большие поздние букеты,
Осыпались красные осины.

И дожди в печали бесконечной,
И порывы огненного сада, –
Всё подвластно силе бессердечной
Твоего осеннего распада.

Далее имеет смысл опубликовать несколько четверостиший Н. М. Рубцова из каких-то обдумываемых им несостоявшихся стихотворений. Строки написаны как черновики рукой поэта Николая Рубцова или представляют из себя машинописный вариант. Однако любые рифмованные строчки поэта для любителей поэзии всё равно представляют определённую ценность.

На листе бумаги – начало письма. Возможно, В. И. Белову. «Добрый день, Вася! Я однажды уже писал тебе письмо...». С другой стороны – начало какого-то стихотворения, явно незаконченного.

Как пьянчужка, покрытый позором,
Одинокый, тревожный, ничей,
Смотрит в землю нерадостным взором,
А кругом с неизбывным задором...

Другой лист бумаги – вполне завершённое четверостишие.

Дед, хоронясь от вьюги,
Рад, если домик купит.
Ласку своей подруги
Юноша больше любит.

И в заключение – стихотворение под названием «Возвращение». Это тоже Рубцов, только Альберт, старший брат Николая. Это стихотворение хранилось в архиве вместе с другими произведениями самого Н. М. Рубцова. Возможно, поэт хотел напечатать стихотворение Альберта в одной из газет. Быть может, он слегка подправил стихи своего брата, ибо не лишённый способностей Альберт писал стихи ничем не примечательные. Это будет третья публикация стихов Альберта Рубцова в газетах. Первые два стихотворения были опубликованы в разные годы в газете «Трудовая слава» г. Всеволожка Ленинградской области.

Возвращение

Опять предо мною родная деревня,
Сюда я вернулся обратно.
Мне здесь улыбаются даже деревья,
Цветы обдают ароматом.

Виднеется крыша родимого дома.
И твёрдой походкой солдата
Иду я домой по тропинке знакомой,
Где бегал мальчишкой когда-то.

Как жадно я воздух прохладный вдыхаю!
И, давней любовью наполнен,
Как будто с живыми, я нежно болтаю
С берёзками встречными в поле.

Мл. сержант запаса Альберт Рубцов

Автор этого материала при определённом интересе читателей надеется познакомить их и с другими неизвестными стихами русского поэта Н. М. Рубцова.

«В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОБЩАЯ ЛЮБОВЬ...»

Неизвестные, архивные стихи Николая Рубцова в преддверии юбилея поэта

Казалось бы, чего проще, пойдешь в архив и откроешь много интересных материалов по запрашиваемой теме исследования. Но если до тебя сотни людей уже интересовались этим фондом, если кажется, что все открытия уже сделаны, то стоит ли заниматься архивной морокой? Судите сами.

Новые книги о поэте Н. М. Рубцове, свежие литературоведческие исследования, телевизионные и радиопрограммы, фильмы, статьи в толстых журналах и районных газетах, фестивали поэзии Рубцова, литературные чтения его имени объявлены или появились в канун 80-летия со дня рождения поэта. Однако приоритетом всех мероприятий и изданий будут стихи Николая Рубцова, ставшие народными песнями и разобранные на цитаты, по-прежнему волнующие многих людей, ценителей истинной поэзии и красоты.

Мы бесконечно любим ставшие уже классическими строки Рубцова, но к его юбилею не грех познакомиться с неизвестными стихами поэта, пусть не шедеврами лирики, но несомненно принадлежащими его перу. Должен оговориться, что в деле поисков и публикаций случаются накладки, от них не застрахован ни один исследователь. Материалы статьи пишутся на доступном для автора на сегодняшний день архивном материале, накопленном за годы работы. Итак, почитаем строчки неизвестного, архивного, Рубцова и искренне порадуемся, что такой поэт посетил нашу землю. К публикуемым, забытым стихам Николая Рубцова придётся дать небольшой комментарий.

Строки Николая Рубцова, приведенные ниже, сохранились в ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф. 51, оп. 1, ед. хранения 123. На обороте четвёртого листа машинописи известного стихотворения «Конец» (Смерть приближалась...) они написаны мелким шрифтом. По-видимому, наброски какого-то незаконченного стихотворения. Если убрать повторы, то получится следующее.

За горами, за лесами,
Где снега, сверкая, тают,
Над жилыми хуторами
Утки дикие летают.
А весна в разгаре полном
То, смеясь, бежит и скачет,
То, играя, гонит волны,
То, взгрустнув, чуть-чуть поплачет,
То, смеясь ещё резвее,
Луг цветами покрывает,
Лёгким ветром с поля веет,
Будто шёлком одевает...

Вот ещё четверостишие, с явным поиском рифмы и темы стихотворения, незаконченное. Видимо, поэту нужно было зафиксировать образ, пришедший к нему, вчерне. Больше Рубцов к нему не возвращался.

За горами, за лесами,
По буграм, в чащобе дикой
Над лесными озёрами
Мох усеян весь брусникой.

Следующее стихотворение из ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 80.

Строчки *«Красота не у всех одинакова / Одинакова юность у всех»* использованы Николаем Рубцовым в стихотворении «Гололедица». Это водилось у поэта, использовать удачные, образные строчки не один раз. В этом раннем оригинальном стихотворении они тоже на месте.

В бедном домике старых родителей
Расцветала красавица дочь.
И на берег из бедной обители
Выходила в туманную ночь.
А она то смеялась, то плакала,
Я сердился: – То слёзы, то смех!..
Красота не у всех одинакова,
Одинакова юность у всех!

Стихотворение Николая Рубцова «Старая дорога» широко известно и любимо. Но вот эти строки никогда не печатались в тексте произведения. Приведём только это неизвестное, архивное четверостишие, но не будем решать за Рубцова и вставлять его в стихотворение «Старая дорога». Думается, читатель легко найдёт ему место в стихотворении поэта, точно не ухудшив поэтику рубцовского шедевра (ГАВО, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 44, лист 2, оборот).

Да! Голубые вечности глаза
На всех прохожих смотрят равнодушно,
И в свой черёд спокойно и послушно
Пред ней смолкают наши голоса.

Сюрпризы с неизвестным строками Н. М. Рубцова случаются не только в результате работы в ГАВО, но и в рукописном фонде архива Вологодского государственного музея-заповедника. Несколько таких четверостиший привёл недавно в «Российской газете – Неделе» № 6827 (256) Дмитрий Шеваров. Продолжим эту добрую традицию.

Приводимые ниже неизвестные строки поэта Рубцова не лучшие из написанных поэтом. Это стихи его молодости и восхождения к постижению тайн поэзии. Но это тот редкий случай, когда Николай Рубцов сохранил их в своём архиве, возможно, желая поработать и довести обрывки стихотворных мыслей до полноценного стихотворения. Уверен, что черновые варианты поэтического таланта имеют право на публикацию как стихи момента и дань уважения поэту Рубцову (ГГМЗ 34183/18).

И от приступа чувств
закружилась чуть-чуть голова.
Я тихонько бренчу
на расхлябанной старой гитаре,
Под какой-то мотив
На ходу подбирая слова.

.....
Будут годы лететь, –
Будет больше на кладбище трупов.
Я из жизни уйду,
Если смысл не откроется в ней.

И какой-нибудь тип,
Надо мной усмехнувшийся глупо,
Будет бабу любить
На угрюмой могилке моей...

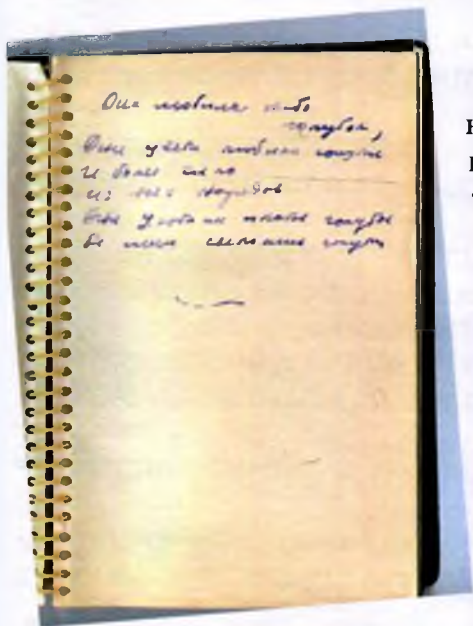
Вот ещё отрывок из записной книжки Рубцова из собрания Виктора Коротаева, подаренной музею В. А. Коротаевой.

Она прелестная была!
В её глазах огни играли!
Лицом бела,
Душой светла,
Она с ума меня свела
На нашем
школьном
карнавале!

Вот, поэт, вопреки утверждениям, что он не имел черновиков, пробует в записной книжке стихотворные строки.

Она любила небо голубое
...Она цветы любила голубые
И более... (всего)
Из всех нарядов
Она любила платье голубое
Её глаза светились голубым.

Далее строки, записанные Н. М. Рубцовым, которые могли войти в будущие стихотворения.

Лесоломная буря прошла.

Мы будем лето летовать.

Уже предвечерняя тусклость.

Так и представляю себе начало стихотворения Николая Рубцова... Не исключал бы совсем обнаружения новых завершённых стихов поэта, написанных в период его поэтического взросления. Николай Михайлович Рубцов не был абсолютно исключительным поэтом при жизни, возможно, он и сейчас таковым не является, но его избрало сердце русского народа и в этом смысле он такой один. С юбилеем, русский народный поэт Николай Рубцов.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	3
РЫБАЦКАЯ ЮНОСТЬ ПОЭТА.....	5
ДВА МОРЯКА (МЛАДШИЙ БРАТ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА).....	23
ГЕННАДИЙ ФОКИН – ФЛОТСКИЙ ДРУГ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА.....	45
РУБЦОВ И ХИБИНЫ. РАННЕЕ (ХИБИНСКОЕ) ТВОРЧЕСТВО Н. РУБЦОВА КАК ПРОЛОГ ЕГО ВЕЛИКОЙ ПОЭЗИИ.....	60
ХИБИНСКИЙ ЭПИЗОД ВЕЛИКОГО ПОЭТА. КАК Н. М. РУБЦОВ ПЫТАЛСЯ СТАТЬ МАРКШЕЙДЕРОМ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ).....	74
РУБЦОВ И СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ. ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ФАКТАМ И ДОКУМЕНТАМ ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЫ И НАЧАЛА ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЭТА.....	87
О СТИХОТВОРЕНИИ «БУКЕТ», ОТПУСКЕ МАТРОСА РУБЦОВА И ТАЕ СМИРНОВОЙ ПО ДОКУМЕНТАМ И СТИХАМ ПОЭТА.....	104
СТИХОТВОРЕНИЕ «В КОЧЕГАРКЕ» – ПРИМЕР НЕСОМНЕННОГО УСПЕХА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. РУБЦОВА.....	119
АРХИВНЫЕ СМАЛЬТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОЗАИКИ ПОЭТА РУБЦОВА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. СТИХОТВОРЕНИЕ «ЭЛЕГИЯ» («СТУКНУЛ ПО КАРМАНУ – НЕ ЗВЕНИТ»). АРХИВНАЯ ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ, РАННИЕ ВАРИАНТЫ И УСТОЯВШИЕСЯ ВЕРСИИ СТИХОТВОРЕНИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О МНОГОВАРИАНТНОСТИ ЛИРИКИ ПОЭТА.....	129
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ Н. М. РУБЦОВА: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ОТКРЫТИЯ....	146
«В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОБЩАЯ ЛЮБОВЬ...». НЕИЗВЕСТНЫЕ, АРХИВНЫЕ СТИХИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА В ПРЕДДВЕРИИ ЮБИЛЕЯ ПОЭТА.....	152

Бюст Н. Рубцова в Мурманске

В октябре 1994 года, на открытии Музея «Мурман литературный», секретарь Мурманской организации Союза писателей России **Виталий Семенович Маслов** впервые озвучил желание создать у Мурманской областной детско-юношеской библиотеки **Аллею писателей**, связанных своим творчеством с Мурманской областью.

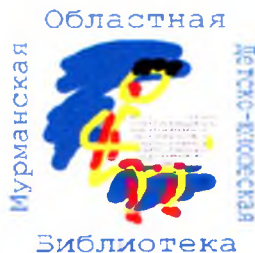
16 февраля 2006 года состоялось торжественное открытие бюста поэта Николая Михайловича Рубцова. Он и явился началом Литературной аллеи. Автором бюста является мурманский скульптор **Александр Арсентьев**. Памятник создан на народные деньги. Выполнен из специального особо прочного цемента, постамент изготовлен из черного гранита на Мончегорском камнерезном заводе.

На постаменте выбиты строки из стихотворения поэта:
«Люблю навек, до вечного покоя. Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Музей основан 28 сентября 1994 года по инициативе Людмилы Ивановны Свальнойковой, заместителя директора библиотеки. При содействии Виталия Семеновича Маслова в музей были переданы издания мурманских писателей 1950-1990-х гг., рукописные записи, протоколы совещаний Мурманского отделения Союза писателей России, сценарии праздничных вечеров и другие материалы. В настоящее время в музее - 630 предметов. Среди наиболее значимых: книги, брошюры, буклеты с дарственными надписями; коллекция рукописей и автографов, афиши и пригласительные билеты, неопубликованные материалы, личные вещи писателей, коллекция фотографий, аудио- и видеозаписи. Основные направления работы музея: пополнение фондов, оформление новых выставок; проведение экскурсий, творческих встреч и презентаций новых книг, создание информационных изданий, участие в областных мероприятиях.

*Издание приурочено
к проведению II Областных Рубцовских чтений*

**183025 Мурманск
ул. Буркова, 30**

Тел/факс: (8152) 44-30-48

Сайт библиотеки: www.libkids51.ru

E-mail библиотеки: modub@polarnet.ru

ЧАСЫ РАБОТЫ БИБЛИОТЕКИ:

с 10 до 18 часов;

воскресенье – с 10 до 17 часов;

суббота – выходной;

санитарный день – последний день месяца

Ответственный за выпуск:

Махаева В. П., директор ГОБУК МОДЮБ.

Редакционная коллегия:

Гуляева З. А., зав. научно-методическим отделом ГОБУК МОДЮБ;

**Иванова А. В., зав. сектором библиотечной
рекламно-издательской деятельности ГОБУК МОДЮБ.**

Компьютерный дизайн, верстка: Иванова А. В.

